A19 8/25.

А 19 8/25

КРЕЩЕНІЕ ОСТЯКОВЪ И ВОГУЛОВЪ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета,
П. Буцинскій.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1893.

КРЕЩЕНІЕ
ОСТЯКОВЪ И ВОГУЛОВЪ
ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета,
П. Буцинскій.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1893.

Отдѣльные оттиски изъ журнала «Вѣра и Разумъ» за 1893 годъ.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 16444

КРЕЩЕНІЕ ОСТЯКОВЪ И ВОГУЛОВЪ
ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

I.

Долгое время—съ конца XVI в. и до самаго начала XVIII в. распространеніе христіанской религіи среди сибирскихъ инородцевъ было дѣломъ случайнымъ, безъ всякой миссіонерской дѣятельности со стороны русскаго духовенства. Всякое миссіонерство замѣняемо было объявленіемъ русскаго воеводы отъ имени царя: кто крестится, того государь „поверстаетъ" въ службу, пожалуетъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ; а служба избавляла отъ платежа ясака; да кромѣ того новокрещенцы получали еще изъ казны подарки въ видѣ суконъ, рубахъ и т. п. [1]). Конечно, такіе христіане были христіанами только по имени; многіе изъ новокрещенцевъ и почти всѣ тѣ, которые оставались жить въ своихъ юртахъ продолжали оставаться совершенными язычниками, или магометанами. Тѣмъ не менѣе чрезъ какія нибудь 50 лѣтъ послѣ завоеванія Сибири мы встрѣчаемъ христіанъ между сибирскими инородцами вездѣ, гдѣ только утвердилось русское владычество, т. е. на обширной части азіатскаго материка, начиная отъ Уральскаго хребта до городовъ Тары, Томска, Кузнецка, Енесейка, Туруханскаго зимовья и Березова; только между бродячими самоѣдами и тунгусами мы не знаемъ за это время случаевъ крещенія.

Остяки и вогулы, о массовомъ крещеніи которыхъ при Петрѣ

[1]) Подробнѣе объ этомъ мы писали въ статьѣ—„Открытіе Тобольской епархіи и первый Тобольскій архіепископъ Кипріанъ".

Великомъ, мы намѣрены говорить въ настоящей статьѣ, отчасти познакомились съ христіанствомъ довольно давно, еще за долго до покоренія Сибири Ермакомъ. Часть этихъ угорскихъ народовъ издавна жила по сю сторону Уральскаго хребта, въ такъ называемой Югоріи или Удоріи, которою называлась мѣстность въ Перміи по западнымъ склонамъ упомянутыхъ горъ отъ рѣки Усы и на югъ, вѣроятно, до верховьевъ Камы; въ сѣверной части этой мѣстности обитали остяки, а южнѣе ихъ—соплеменники вогулы [1]).

Во второй половинѣ XIV в. св. Стефанъ Пермскій обратилъ въ христіанство зырянъ, жившихъ на западъ отъ Югоріи по р. Выми, а первый епископъ Перміи св. Герасимъ въ числѣ другихъ народовъ проповѣдывалъ Евангеліе и вогуламъ и свою проповѣдь запечатлѣлъ мученическою кончиною. Вогулы съ особенною нетерпимостью отнеслись къ евангельской проповѣди: когда ихъ сосѣди зыряне приняли христіанство, то они цѣлыми массами нападали на новокрещенцевъ, сожигали ихъ селенія, разрушали церкви, убивали и уводили въ плѣнъ. Когда же проповѣдь св. Герасима коснулась и вогуловъ, то они схватили проповѣдника и задушили его омофоромъ. Точно также св. Питиримъ четвертый, епископъ Пермскій, за проповѣдь евангельскаго ученія вогуламъ мученически умеръ отъ руки ихъ князя Асыки [2]). Не менѣе враждебно отнеслись къ христіанству и остяки. Послѣднимъ проповѣдывалъ евангельское ученіе еще св. Стефанъ, просвѣтитель зырянъ и проповѣдь его была совершенно безуспѣшна среди югорскихъ остяковъ. Сохранилось преданіе, что одинъ шаманъ, называвшійся Пансотникомъ, вступилъ въ споръ съ христіанскимъ проповѣдникомъ, и не будучи въ состояніи защищать язычество, оставилъ родину, переселился за Уральскій хребетъ и на правомъ берегу Оби основалъ городокъ, существовавшій еще въ XVII и XVIII в.в. подъ именемъ Атлыма [3]). Христіанская проповѣдь и усиленіе московской власти по западнымъ склонамъ Уральскаго хребта заставили остяковъ и часть вогуловъ удалиться въ Сибирь и посе-

---

[1]) „Чертежная книга Сибири“, состав. Ремезовымъ въ 1701 г.

[2]) Журналъ М. Н. Пр. ч. 83. 1854 г. см. ст. Н. Абрамова.

[3]) „Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ“, Г. Новицкій, стр. 75.

литься между своими сибирскими соплеменниками. Единственнымъ результатомъ христіанской проповѣди между этими язычниками было то, что они сдѣлали себѣ идола Христа и поклонялись ему въ Сибири такъ же, какъ и прочимъ своимъ безчисленнымъ идоламъ.

Но Сибирь не спасла остяковъ и вогуловъ отъ московскаго владычества. Во второй половинѣ княженія Ивана III русскіе полки перешагнули Уральскій хребетъ, разбили въ нѣсколькихъ стычкахъ вогуловъ и остяковъ, и князьки ихъ обязались уплачивать ежегодно дань московскому князю. Впрочемъ утвержденіе русской власти за Уральскимъ хребтомъ при Иванѣ III было непрочное: остяки и вогулы скоро забыли побѣды надъ ними русскихъ и перестали платить дань. Затѣмъ во второй половинѣ XVI в. походы Ермака и его сподвижниковъ на Тавду и Обь снова напомнили этимъ угорскимъ народамъ о томъ погромѣ, который они потерпѣли при Иванѣ III; побѣдители собрали съ побѣжденныхъ обильную дань въ видѣ драгоцѣнныхъ пушныхъ звѣрей, князьки вогуловъ и остяковъ снова присягнули быть въ подданствѣ московскихъ царей. Но смерть Ермака снова разрушила дѣло утвержденія русской власти между угорскими племенами. Окончательное завоеваніе остяковъ и вогуловъ совершилось только тогда, когда въ ихъ земляхъ основаны русскіе города Березовъ и Пелымъ (1593 г.). Съ этого же времени христіанство начинаетъ пріобрѣтать послѣдователей среди березовскихъ и пелымскихъ язычниковъ. Плѣнные князья почти всѣ крестились: одни изъ новокрещенцевъ оставались жить въ своихъ вотчинахъ, а другіе переселялись въ русскіе города и вступали въ царскую службу въ званіи боярскихъ дѣтей. Такъ извѣстно, что одинъ сынъ казненнаго вогульскаго князя Аблегерима, при которомъ основанъ Пелымъ, Таутай съ женой крещенъ въ Тобольскѣ, а внукъ того же князя Учотъ ѣздилъ въ Москву и тамъ принялъ крещеніе; въ 1624 г. въ Пелымѣ было семь боярскихъ дѣтей и всѣ они изъ вогульскихъ князей, уже давно принявшихъ христіанство. Изъ остяковъ послѣ основанія въ ихъ землѣ русскаго города сначала приняла крещеніе жена Кодскаго князя [1]) Алачея,

[1]) Кода находилась на правомъ берегу Оби, ниже Атлыма.

при которомъ основанъ Березовъ; эта княгиня Анна построила даже монастырь въ Кодѣ. Сынъ Алачея Игичей, наслѣдовавшій послѣ отца Кодское княженіе, за его грабежи вогуловъ Большой Конды былъ отправленъ въ Москву, принялъ тамъ крещеніе и тамъ же умеръ; одинъ изъ сыновей Игичея, въ крещеніи Михаилъ, жилъ въ Тобольскѣ и тамъ построилъ церковь во имя Троицы. Казалось бы, что послѣ принятія христіанства остяцкими и вогульскими князьками послѣдніе должны были позаботиться и объ утвержденіи христіанской религіи и между своей братіей—остяками и вогулами, но на самомъ дѣлѣ не было ничего подобнаго, и вотъ почему. Вогульскіе и остяцкіе князьки принявшіе христіанство поступали на царскую службу, жили въ русскомъ городѣ и съ этого времени уже потеряли всякое вліяніе на своихъ соплеменниковъ, которые смотрѣли на новокрещенцевъ какъ на измѣнниковъ; да и русскіе воеводы въ видахъ политическихъ старались не допускать ихъ до общенія съ своей братіей—вогулами и остяками. Великую службу христіанству могъ оказать Кодскій монастырь, основанный среди остяцкой земли, но онъ существовалъ недолго. Въ 1607 г. новокрещенная княгиня Анна приняла участіе въ бунтѣ остяковъ противъ русскаго владычества, захвачена въ плѣнъ и посажена въ тюрьму. Получивши скоро свободу, она снова въ 1609 г. оказалась во главѣ заговора инородцевъ противъ русскихъ и на этотъ разъ, кажется, была казнена, по крайней мѣрѣ объ этой остяцкой героинѣ послѣ 1609 г. уже нигдѣ не упоминается. Служившій же въ Кодской церкви Живоначальной Троицы игуменъ Евстратій просилъ государя перевести его въ Березовъ, потому что „въ Кодѣ ему дѣлать нечего и приходу нѣтъ никакого“, т. е. нѣтъ прихожанъ христіанъ.

Встрѣчаемъ и въ концѣ XVI в. и въ теченіе всего XVII в. отдѣльные случаи принятія христіанства и между простыми остяками и вогулами въ Березовскомъ, Пелымскомъ, Верхотурскомъ и въ другихъ уѣздахъ, но эти новокрещенцы или поступали на царскую службу, или поселялись въ русскихъ деревняхъ, дѣлались совершенно русскими, и потому прерывали всякое сношеніе съ своими соплеменниками, а если оставались жить въ юртахъ, какъ мы говорили, то снова при-

нуждены были переходить въ язычество. Послѣднее обстоятельство зависѣло отъ того, что язычники съ презрѣніемъ относились къ измѣнившимъ вѣрѣ отцовъ, выгоняли ихъ изъ юртъ и принимали въ свое общество только тогда, когда новокрещенцы снова обращались къ старой вѣрѣ. При такихъ условіяхъ выходило, что прозелиты изъ язычниковъ, какъ изъ высшаго, такъ и изъ низшаго класса не могли быть проводниками христіанскихъ истинъ въ среду своихъ соплеменниковъ и нисколько не вліяли на утвержденіе христіанства среди сибирскихъ инородцевъ. Въ Нарымскомъ уѣздѣ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ была даже цѣлая деревня изъ новокрещенныхъ остяковъ. Казалось бы, что этотъ христіанскій оазисъ среди язычниковъ долженъ былъ послужить самымъ надежнымъ источникомъ, который проливалъ бы свѣтъ евангельскаго ученія на всѣхъ своихъ соплеменниковъ. Между тѣмъ онъ самъ скоро изсякъ отъ недостатка питанія. Въ упомянутой деревнѣ не было построено христіанской церкви, потому что въ то время трудно было найти для нея священника. По всякимъ религіознымъ дѣламъ новокрещенцы должны были ѣздить за нѣсколько десятковъ верстъ въ городъ Нарымъ, но мы знаемъ, что въ этомъ русскомъ городѣ по два и по три года не бывало священника и церкви Божіи, какъ тогда выражались, оставались безъ пѣнія. Слѣдуетъ также замѣтить, что московское правительство, хотя по своему и очень усердно заботилось о томъ, чтобы всякихъ невѣрныхъ подданныхъ просвѣтить святымъ крещеніемъ „да вкупѣ съ нами будутъ прославлять Отца и Сына и св. Духа“, но въ тоже время оно, такъ сказать, одною рукою давало христіанское просвѣщеніе невѣрнымъ, а другою отнимало. Слишкомъ заботясь о матеріальныхъ интересахъ, правительство строго запрещало священникамъ ѣздить въ инородческія юрты изъ опасенія, чтобы они не выкупали у инородцевъ шкуры пушныхъ звѣрей. Спрашивается послѣ этого, гдѣ же и какъ новокрещенный инородецъ могъ питать свое религіозное чувство, утвердиться въ новой вѣрѣ, познать ея святое ученіе?! Вотъ почему и русскіе монастыри, хотя нѣкоторые изъ нихъ были основаны среди инородцевъ, какъ наприм. Тураханскій Троицкій, вблизи котораго жили тунгусы и енесейскіе остяки,

и возобновленный въ началѣ второй половины XVII в. Кодскій монастырь среди обскихъ остяковъ не имѣли никакого вліянія на христіанское просвѣщеніе инородцевъ; опять таки потому, что монахамъ запрещалось бывать въ ихъ юртахъ, какъ и священникамъ. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ нарымскіе остяки вышеупомянутой деревни были христіанами только по имени и не могли имѣть вліянія на своихъ соплеменниковъ. Напротивъ они сами, не видя по году и болѣе русскаго священника, но имѣя религіозныя потребности, принуждены были обращаться къ шаманамъ и просить помощи во всякихъ житейскихъ дѣлахъ у своихъ старыхъ боговъ.

Проповѣдь была необходима въ Сибири и для новокрещенцевъ и для невѣрныхъ, чтобы прочно утвердить христіанство среди разныхъ Сибирскихъ инородцевъ, но этого не понимало московское правительство и въ теченіе всего XVII в. ограничивалось только одними указами относительно крещенія инородцевъ и совершенно одинаковаго содержанія. Послѣдній такого рода указъ посланъ въ Сибирь въ 1685 г. отъ великихъ государей Іоанна и Петра Алексѣевичей и сестры ихъ великія государыни цесаревны Софіи. „Буде, гласилъ этотъ указъ, которые иноземцы похотятъ креститься въ православную христіанскую вѣру волею своею и ихъ велѣть принимать и крестить, а не волею никакихъ иноземцевъ крестить не велѣть... Сибирь государство дальнее и стоитъ межъ бусурманскихъ и иныхъ вѣръ многихъ земель, чтобы тѣмъ тобольскихъ татаръ и бухарцевъ и иныхъ земель пріѣзжихъ иноземцевъ не отогнать и сибирскому государству никакого повреждения не учинить, а добровольно хотящихъ въ православную христіанскую вѣру принимать и крестить и на таковое дѣло ихъ призывать и государскою милостію обнадеживать, которые крестятся и тѣмъ держать ласку и привѣтъ, чтобы смотря и иные иноземцы православную христіанскую вѣру пожелали“. Указъ 1686 года еще добавлялъ къ этому, что тѣ инородцы, которые „похотятъ“ принять христіанскую вѣру, должны о томъ подавать челобитную въ съѣзжую избу [1]). Издавая подобные указы, московское

[1]) Тобольскія Губерн. Вѣдомости, 1885 г., № 44.

правительство ни разу не подумало о томъ, да почему же иновѣрные „похотятъ“ принять христіанскую вѣру, почему они должны предпочесть своей старой вѣрѣ христіанство, о которомъ они не имѣли никакого понятія?!

Между тѣмъ уже давно настало время серьезнѣе подумать русскимъ людямъ объ исполненіи той исторической миссіи, которая на нихъ лежала относительно утвержденія христіанской культуры между завоеванными сибирскими инородцами. Представители ламаизма и магометанства уже обратили свое вниманіе на сибирскихъ язычниковъ и отправляли въ разныя мѣста учителей для обращенія послѣднихъ въ свою вѣру и проповѣдь ихъ оказывала успѣхи. Нѣкоторые язычники разно племеннаго происхожденія вслѣдствіе общенія съ русскими уже чувствовали ничтожество своихъ идоловъ и имъ нужно было только открыть истиннаго Бога, познакомить хоть немного съ божественною религіей, чтобы и эти братья наши по человѣчеству „пришли въ познаніе истины“ и стали нашими братьями во Христѣ. Мы знаемъ случаи крещенія, относящіеся ко второй половинѣ XVII в., когда инородцы принимали христіанство безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій, а исключительно движимые внутреннимъ чувствомъ. Мы приведемъ здѣсь два такихъ случая крещенія изъ записокъ, относящихся ко второй половинѣ XVII в. и писанныхъ въ Сибири несомнѣнно извѣстнымъ Крижаничемъ, сосланнымъ при Алексѣѣ Михайливичѣ въ Тобольскъ. „Однажды къ русскому посланнику, бывшему у калмыцкаго Тайши, приходитъ калмыкъ и проситъ святаго крещенія. Посолъ спросилъ его: кѣмъ онъ обращенъ или какимъ образомъ убѣжденъ къ принятію онаго? Калмыкъ отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ, а только слышалъ, что одни христіане получаютъ спасеніе и потому умоляетъ ради Бога сдѣлать его христіаниномъ. Посланникъ приказалъ священнику, который былъ при немъ, обучить его катехизису и окрестить. По совершеніи крещенія новокрещенный не отлучался изъ молитвеннаго дома и тамъ ревностно молился Богу“. „Другой подобный предыдущему случай, продолжаетъ авторъ записокъ, произошелъ въ Сибири. Въ Енесейскѣ былъ священникъ, по имени Димитрій, мужъ нрава воздержаннаго и непорочнаго,

мнѣ близко знакомый. Отъ его сына, отрока скромнаго и прекрасно воспитаннаго, я слышалъ слѣдующее. Недалеко отъ города Енесейска, разсказывалъ онъ, жилъ одинъ татаринъ. Уже давно тайно увѣровавъ въ Господа Спасителя и Бога нашего Іисуса Христа, онъ собирался вмѣстѣ съ семьей принять св. крещеніе, но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вслѣдствіе упрековъ жены, откладывалъ столь благочестивое дѣло. Наконецъ однажды, почувствовавъ какимъ-то образомъ приближеніе смерти (хотя въ это время онъ находился въ добромъ здоровьѣ), онъ велѣлъ своему слугѣ, взявъ сѣти, сѣсть вмѣстѣ съ нимъ въ лодку и везти его къ нѣкоему острову на р. Енисеѣ, какъ бы для рыбной ловли. Прибывъ туда, татаринъ послалъ своего слугу въ городъ съ униженной просьбой къ свящ. Димитрію— какъ можно скорѣе отправиться къ нему на островъ, такъ какъ онъ сообщитъ ему весьма нужное дѣло, нетерпящее отлагательства. Священникъ прибылъ и татаринъ сталъ просить его совершить надъ нимъ таинство св. Крещенія.... По совершеніи крещенія татаринъ и часу не прожилъ послѣ того" [1]. Но сколько было бы искренно обращенныхъ изъ инородцевъ, если бы въ Сибири было христіанское миссіонерство?!

Но вотъ явился Великій Петръ и со свойственною ему проницательностью ясно увидѣлъ, почему въ отдаленной окраинѣ московскаго государства, населенной язычниками, магометанами и народами другихъ вѣроисповѣданій, такъ слабо распространяется христіанство, почему религіозная миссія русскаго народа относительно сибирскихъ иновѣрцевъ столь слабо подвигается тамъ впередъ.

Онъ первый установилъ тамъ миссіонерство, отнесся съ особенною энергіей къ дѣлу утвержденія христіанства между сибирскими инородцами и плодомъ этого было массовое крещеніе остяковъ и вогуловъ въ 1713, 1714 и 1715 годахъ.

Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ религіозномъ подвигѣ, совершенномъ митрополитомъ Сибирскимъ Филоѳеемъ, или точнѣе схимонахомъ Ѳеодоромъ и его сподвижниками, мы намѣрены нѣсколько познакомить нашихъ читателей съ упомянутыми

---

[1]) Сбор. Титова „Сибирь въ XVII в.", стр. 177—178.

угорскими народами, чтобы знать, на какой почвѣ русскому миссіонеру пришлось сѣять сѣмена христіанскаго ученія.

II.

Болѣе или менѣе вѣроятно, что остяки и вогулы жили въ древнѣйшія времена около Алтая и потому ученые относятъ ихъ къ Алтайской группѣ народовъ, угорской отрасли. Но въ неизвѣстное время они были вытѣснены оттуда сильнѣйшими племенами, принуждены подвинуться на сѣверъ и при этомъ передвиженіи попали на рѣку Обь. Въ историческое время мы видимъ остяковъ почти по всей обширной рѣкѣ Оби и ея притокамъ, на нѣкоторой части Иртыша, по Енесею между Енесейскомъ и Туруханомъ и по западнымъ склонамъ Уральскаго хребта въ такъ называемой Югоріи, а вогуловъ по Кондѣ, Тавдѣ, Турѣ съ ихъ притоками и по сю сторону Уральскаго хребта отъ Югоріи на югъ до Чусовой. Названія остяковъ и вогуловъ упомянутыя угорскія племена получили отъ сосѣдей, а сами себя первые называютъ „хонда", вторые „маньсъ", но то и другое слово на ихъ языкѣ означаютъ люди; называютъ себя также по рѣкамъ, на которыхъ они живутъ.

Кромѣ того остяки говорятъ, что въ древности они назывались на ихъ нарѣчіи „арьяхи", т. е. многочисленнымъ народомъ: „арь" много и „хо" человѣкъ [1]). А что остяки въ давнишнія времена, дѣйствительно, составляли многочисленное племя, въ доказательство этого можетъ служить то, что они заняли громаднѣйшее пространство въ Сибири. До занятія Иртыша и Туры татарами они несомнѣнно жили и по этимъ рѣкамъ Еще въ XVII в. въ ясачныхъ книгахъ упоминается три остяцкихъ юрты въ Туринскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Турѣ. Но вѣроятно ихъ больше было, а если русскіе упоминаютъ только о трехъ юртахъ то потому, что всѣхъ принявшихъ магометанство называютъ татарами. Мы знаемъ, что извѣстный всѣмъ Кучумъ послѣ завоеванія Иртыша, Тобола и Туры, покорилъ остяковъ и вогуловъ и силой утвердилъ магометанство между покоренными народами. Такъ что въ XVII в. осталось только

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1868 г. Іюль см. ст. Шестакова.

нѣкоторое число остяковъ на Турѣ, а остальные обусурманились и вполнѣ ассимилировались съ татарами.

Но не смотря на такое громадное пространство, которое занимали остяки, они чувствовали родственность между собою, сознавали единство происхожденія. Это видно изъ того, что въ XVII в. сургутскіе, нарымскіе, кетскіе и енесейскіе остяки въ своихъ челобитныхъ московскимъ царямъ говорятъ другъ о другѣ „братія наша". Правда не всѣ остяки говорятъ однимъ языкомъ, напримѣръ, енесейскіе остяки совсѣмъ особымъ, но это зависитъ отъ вліянія сосѣдей; вліяніе сосѣдей сказалось и на ихъ бытѣ, нравахъ, но вѣра у нихъ вездѣ одинаковая шаманская, которую они приняли еще тогда, когда жили на одномъ мѣстѣ. Вогулы отличаются отъ своихъ сосѣдей единоплеменниковъ остяковъ только отчасти болѣе благообразнымъ видомъ и болѣе крѣпкимъ сложеніемъ и своимъ языкомъ.

Во время завоеванія остяковъ и вогуловъ русскими, эти угорскія племена жили отдѣльными родами, изъ которыхъ каждый имѣлъ своего собственнаго князя, который творилъ судъ и расправу, защищалъ свой родъ отъ другого. Не смотря на единоплеменность и остяки и вогулы жили въ постоянной междуусобной распрѣ: одинъ князекъ нападалъ на другого, уводили въ плѣнъ другъ у друга людей, разграбляли имущества. Русскіе при завоеваніи очень искусно пользовались этими распрями для своихъ завоевательныхъ цѣлей. Нѣкоторымъ князькамъ удавалось иногда подчинить себѣ другихъ, пріобрѣсть власть надъ многими другими родами и сдѣлаться могущественными. Такими были въ концѣ XVI в. у вогуловъ Аблегиримъ, у нарымскихъ остяковъ союзникъ Кучума князь Воня, у нижнеобскихъ остяковъ Алачей, а у иртышскихъ остяковъ во времена Ермака Самаръ. Затѣмъ слѣдуетъ еще замѣтить, какъ у остяковъ, такъ и вогуловъ пользовались особымъ значеніемъ и могуществомъ тѣ князьки, во владѣніяхъ которыхъ находился такой идолъ, котораго почитало цѣлое племя, а мы знаемъ, что были и такіе идолы, которыхъ одинаково почитали и вогулы и остяки, какъ напр. идолы „Кондійскій" и „Старикъ Обскій".

Но послѣ окончательнаго покоренія русскими ни у остяковъ,

ни у вогуловъ не было уже значительныхъ князей; русская власть терпѣла только князьковъ волостныхъ, т. е. такихъ, которые были князьками надъ одною или двумя волостями.

Не смотря на столѣтнее владычество русскихъ въ Сибири, частое общеніе завоевателей съ покоренными, ни вогулы, ни остяки язычники нисколько не измѣнили своего быта; высшая культура русскихъ почти не имѣла на нихъ никакого вліянія; они оказались мало воспріимчивы, не заимствовали никакого искусства, ни ремесла. Чрезъ русскихъ угорскіе народы только познакомились съ употребленіемъ табаку и водки и развившаяся страсть къ этимъ предметамъ была очень гибельна для нихъ [1]). Въ первой четверти XVIII в. нѣкто Григорій Новицкій, сопровождавшій схимонаха Θеодора во время проповѣди послѣдняго между остяками и вогулами и жившій нѣкоторое время среди первыхъ, составилъ „Краткое описаніе объ остяцкомъ народѣ". Эта рукопись, напечатанная только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, является для историка драгоцѣннымъ источникомъ для знакомства съ бытомъ остяковъ и вогуловъ въ началѣ прошлаго вѣка. И что-же? Изъ этого историческаго памятника оказывается, что упомянутыя племена и въ началѣ XVII в. находились въ томъ же полудикомъ состояніи, въ какомъ были и во времена завоеванія ихъ русскими. Они вели полукочевой образъ жизни: лѣтомъ они имѣли стоянки около рѣкъ, а зимою проживали въ лѣсахъ. Не смотря на то, что вогулы и остяки давно уже знакомы были съ русскими избами, имѣли топоры и изобиліе лѣса, но не дѣлали себѣ подобныхъ жилищъ, а продолжали жить зимою и лѣтомъ въ своихъ тѣсныхъ, дымныхъ, холодныхъ и грязныхъ юртахъ. Правда, тамошнія жизненныя условія заставляли вогуловъ и остяковъ перекочевывать съ одного мѣста на другое ради промысловъ и

---

1) Нѣкоторые говорятъ, что остяки и вогулы чрезъ русскихъ впервые въ концѣ 16 в. познакомились съ хлѣбомъ; но это совершенно невѣрно. Земледѣліе существовало и у прежнихъ ихъ завоевателей—татаръ. Ермакъ во время своего похода нашелъ засѣянныя хлѣбомъ земли на р. Турѣ; таборинскіе татары, жившіе на Тавдѣ въ сосѣдствѣ съ вогулами, также немного занимались земледѣліемъ. Чрезъ русскихъ хлѣбъ вошелъ только въ бóльшее употребленіе среди угорскихъ народовъ.

въ такомъ случаѣ юрты, какъ легко переносимыя жилища, имѣли преимущество предъ русскими избами. Но очень долгую и холодную зиму они проживали на однихъ мѣстахъ и въ это время русская изба могла оказывать имъ незамѣнимую услугу. Тѣмъ не менѣе они не переняли этихъ усовершенствованныхъ жилищъ и продолжали мерзнуть въ своихъ юртахъ. И одежда какъ у остяковъ, такъ и у вогуловъ была совершенно неудовлетворительна при тамошнемъ убійственномъ климатѣ. Лѣтомъ они ходятъ въ рыбьихъ кожаникахъ [1]), сшитыхъ кае-какъ крапивными нитками или звѣриными жилами, въ рубахахъ изъ крапивнаго холста или полотняныхъ, купленныхъ у русскихъ, которые на соболи промѣнивали имъ всякое поношенное тряпье. Изъ налимьихъ же кожъ, говоритъ Новицкій, остяки и вогулы дѣлаютъ себѣ чулки и даже сапоги. Зимняя одежда и обувь дѣлается изъ оленнихъ шкуръ, но такой теплой одеждой обладали только зажиточные, нѣкоторые даже имѣли кафтаны изъ англійскаго сукна, а другіе, и такихъ, конечно, большинство при необыкновенной бѣдности остяковъ и вогуловъ, замѣчаетъ тотъ же современникъ и очевидецъ, и въ лютое зимнее время ходили только въ однихъ рыбьихъ кожаникахъ. Но и у этихъ полудикихъ народовъ была развита страсть къ украшенію своихъ одеждъ и особенно среди женскаго пола. Они сдирали кожи съ гусей, лебедей, выщипывали перья, оставляя только пухъ, выдѣлывали ихъ особеннымъ образомъ и нашивали на свои кожаники. Украшали одежды также оловянными и мѣдными пуговицами, которыя вымѣнивали у русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей на шкуры пушныхъ звѣрей, украшали камками и разноцвѣтными сукнами. Но обыкновенная одежда и у женщинъ по большей части состояла только изъ однихъ налимьихъ кожаниковъ. Спрашивается, какъ можно было проводить въ этихъ кожаникахъ, которые не теплѣе обыкновенныхъ полотняныхъ рубахъ, жестокую зиму въ такой странѣ, гдѣ 30 и 40° морозу было не рѣдкость?! Правда, остяки и вогулы съ перваго момента рожденія пріучались къ холоду,

[1]) Кожи преимущественно сдирали съ налима, а иногда съ осетра и даже стерляди, см. „Краткое Описаніе...“ Г. Новицк., стр. 38.

такъ сказать, закаливались. Новицкій пишетъ, что если остячкѣ случится родить ребенка на пути въ зимнее время, то она прежде всего обтираетъ его снѣгомъ и затѣмъ кладетъ въ свой кожаникъ; если же рожденный отъ жестокаго холода начинаетъ мерзнуть и кричать, то снова бросаетъ его на снѣгъ и повторяетъ ту же операцію „симъ пріучаетъ его къ острому и жестокому житію“ [1]).

Но не смотря на это закаливаніе въ младенчествѣ, много остяковъ и вогуловъ во время звѣроваго промысла зимою погибало отъ жестокихъ холодовъ: такъ какъ охотясь за звѣрями, имъ приходилось далеко удаляться отъ своихъ юртъ. Не мало ихъ гибло въ зимнее время и отъ голода. Только нѣкоторые южные вогулы сѣяли немного овса и ячменя, а въ остальныхъ мѣстахъ поселеній угорскихъ народовъ земледѣліе было невозможно по тамошнему климату. Чѣмъ же они питались? Мы выше упомянули, что остяки и вогулы съ ранней весны и поздней осени располагаются въ своихъ юртахъ по берегамъ рѣкъ. Въ это время они питались рыбою, которую ѣли преимущественно сырою, разными птицами, которыхъ тамъ было въ изобиліи и разными травянными кореньями. Самое лакомое блюдо у нихъ, говоритъ Новицкій, называлось „варка“, приготовляемая такимъ образомъ: взявши внутренности рыбъ, нисколько не очищая оныя, бросаютъ въ сосудъ, подливаютъ туда рыбьяго жиру и подержавши немного на огнѣ начинаютъ ѣсть; на ихъ вкусъ такого сладкаго блюда нигдѣ не найдется. Но питаясь такимъ образомъ ежедневно, остяки и вогулы въ теченіи короткаго лѣта ежедневно приготовляютъ пищу для себя и для своихъ собакъ на продолжительную зиму. День и ночь дымятся ихъ юрты—это инородцы заготовляютъ консервы на зиму, то изъ рыбы, то изъ птицы и звѣрей. Перваго рода консервы назывались „юколою“, а втораго—„порсою“. Но остяки и вогулы были или слишкомъ неопытны или, вѣрнѣе, слишкомъ лѣнивы, чтобы приготовить эти консервы на продолжительную зиму нѣсколько лучше и прочнѣе: вытащивши изъ воды, нисколько не очистивши и посушивши немного на огнѣ въ юртахъ, они склады-

---

[1]) Ibid. стр. 31.

вали эти консервы безъ соли въ берестяные коробы, которые сохранялись въ ямахъ. Также они заготовляли на зиму всякое мясо. Эта пища съ теченіемъ времени перегнивала, юкола даже обращалась въ полужидкое состояніе, но тѣмъ не менѣе инородцы и сами питались ею въ теченіи цѣлой зимы и кормили своихъ собакъ. Кромѣ того во время зимы они убивали звѣрей, шкуры ихъ снимали для уплаты ясака или продавали русскимъ торговымъ людямъ, а мясо почти сырое употребляли въ пищу; нужда заставляла ихъ питаться даже падалью, чѣмъ, впрочемъ, не разъ доводилось кормиться и русскимъ промышленнымъ людямъ въ Сибири. Мы знаемъ также, что аманатовъ или заложниковъ изъ инородцевъ русское правительство кормило преимущественно падалью; въ расходныхъ денежныхъ книгахъ сибирскихъ воеводъ не рѣдко встрѣчаешь статьи расходовъ на покупку палой или утонувшей лошади для прокормленія аманатовъ.

Вслѣдствіе такого неудовлетворительнаго питанія остяки и вогулы скоро старились, гибли отъ голода, поражаемы были болѣзнями, которыя раньше времени вели ихъ къ могилѣ. Оспа, занесенная въ Сибирь русскими, также истребляла инородцевъ массами. Кромѣ того Новицкій свидѣтельствуетъ, что у остяковъ отъ питанія гнильемъ, нечистоплотности появлялась заразительная болѣзнь, которая поражала весь организмъ разомъ и человѣкъ живой сгнивалъ. Онъ же пишетъ, что остяки не знаютъ никакихъ врачеваній; даже дикіе звѣри, замѣчаетъ этотъ авторъ „Краткаго Описанія“, если бываютъ поражены какою язвою „ищутъ отъ земли какого нибудь врачеванія... песъ и тотъ лизаніемъ язвы врачуетъ послѣднюю“, а остяки, хотя и разумное созданіе не имѣетъ никакого попеченія объ исцѣленіи, или даже облегченіи своихъ болѣзней и ходятъ покрытые язвами до тѣхъ поръ, пока не умираютъ [1]). Вотъ въ чемъ лежала главная причина слабаго естественнаго размноженія угорскихъ народовъ и ихъ постепенное вымираніе.

И нельзя сказать, чтобы въ этомъ были слишкомъ виновна суровая природа, среди которой пришлось жить вогуламъ и

---

[1]) Ibid. стр. 44.

остякамъ или русское владычество. Правда, тамошняя природа для человѣка не была заботливою матерью, ничего не давала даромъ, но тѣмъ не менѣе рѣки въ томъ краѣ наполнены были рыбою, лѣса—драгоцѣннымъ пушнымъ звѣремъ, вездѣ можно встрѣтить массу разнообразныхъ птицъ; обиліе корма давало возможность разводить рогатый скотъ и особенно оленей. Но инородцы не умѣли пользоваться, какъ слѣдуетъ, этими благами тамошней природы; не въ состояніи были приспособиться къ тамошнимъ условіямъ на столько, чтобы жить не умирая отъ холода и голода. Виною этому природная лѣнь вогуловъ и особенно остяковъ. Правда, что русское владычество создало для нихъ нѣсколько болѣе тяжелыя условія жизни; напримѣръ, инородцы должны были платить въ казну ясакъ или давать подводы, но за то со времени утвержденія русской власти среди угорскихъ народовъ, между ними прекратились междуусобныя брани, а эти междуусобія, какъ мы упомянули выше, всегда сопровождались истребленіемъ людей и грабежомъ имущества. Мы знаемъ также, что ясакъ былъ очень легкій и московское правительство наказывало сибирскимъ воеводамъ собирать его „ласкою, о не жесточью". Вогулы съ человѣка по окладу должны были уплачивать въ годъ звѣриныхъ шкуръ maximum на 2 р. 50, а остяки—maximum на 3 р. Т. е. достаточно было убить одного бобра или одного хорошаго соболя, чтобы сполна уплатить годовую подать. А между тѣмъ не было года, чтобы вогулъ или остякъ уплачивалъ ясакъ безъ недоимоки; объ этомъ свидѣтельствуютъ ясачныя книги за все XVII столѣтіе. Эти недоимки росли изъ года въ годъ и къ началу XVIII представляли почтенныя суммы: на пелымскихъ вогулахъ съ 1628 г. по 1700 г. накопилось недоимокъ на 7011 р. 10 к., на березовскихъ остяковъ на 6300 р., а на сургутскихъ даже 67,442 р. [1]). Конечно, грабежи служилыхъ людей, прижимки оцѣнщиковъ мягкой рухляди, приносимой въ ясакъ инородцами, значительно усиливали тяжесть ясачной подати. Тѣмъ не менѣе при бóльшемъ трудѣ инородцы могли легко уплачивать ясакъ. Новицкій замѣчаетъ, что остякъ, убившій

[1]) Архивъ М. Ю. Сибир. Прик. кн. № 1252 л. 73; кн. № 1302 л. 99; кн. № 1361 л. 81.

одну черную лисицу, могъ заплатить подать за цѣлую волость. Мы знаемъ также, что не смотря на варварское истребленіе русскими пушнаго звѣря, послѣдняго было еще въ изобиліи въ тамошнихъ краяхъ и въ XVII и XVIII вв. И только благодаря своей особенной лѣни, вогулы и остяки не имѣли хорошей добычи пушнаго звѣря. Достаточно указать на то, что русскіе воеводы, когда наставало время звѣрового промысла, то посылали по юртамъ служилыхъ людей, которые должны были силою выгонять инородцевъ на эти промыслы. Сибирскіе инородцы славились какъ отличные стрѣлки, имѣли прекрасныхъ охотничьихъ собакъ, имѣли быстрыхъ и легкихъ оленей и нартяныхъ собакъ, на которыхъ могли дѣлать большіе переѣзды по тамошнимъ глубокимъ снѣгамъ, имъ, наконецъ, были хорошо извѣстны всякія звѣриныя тропы и мѣста, въ которыхъ преимущественно звѣри держались въ то, или другое время года. И что же? Русскіе, хотя и не обладали этими средствами и знаніями, но благодаря труду и энергіи, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ въ 20 и 30 разъ болѣе добывали звѣря, чѣмъ инородцы. Вслѣдствіе такой лѣни и безпечности эти угорскія племена проводили цѣлую жизнь въ ужасной бѣдности. Навицкій даже говоритъ, что во всемъ мірѣ нѣтъ несчастнѣе существа, какъ остякъ, нищета, голодъ и холодъ, болѣзни преслѣдовали его до гробовой доски. Нѣкоторые утверждаютъ, что будто бы эксплоатація русскими торговыми людьми сибирскихъ инородцевъ была главною виною нищенскаго положенія послѣднихъ; что будто-бы русскій кулакъ наложилъ на инородца такое иго, съ которымъ онъ не могъ бороться и подъ которымъ задыхался. Въ этомъ взглядѣ есть доля правды. Русскій торговый человѣкъ умѣлъ пользоваться тяжелымъ обстоятельствомъ инородца, выкупалъ у него лучшую рыбу и лучшую мягкую рухлядь; пользовался страстью инородца къ водкѣ, напаивалъ его, а подъ вліяніемъ опьяненія послѣдній продавалъ свою добычу по слишкомъ дешевой цѣнѣ. Знаемъ также, что русскіе торговые люди, какъ это и теперь видимъ, давали инородцамъ въ долгъ деньги и за большіе проценты; долговая кабала, дѣйствительно, ложилась на инородца такимъ тяжелымъ бременемъ, которое давило его въ теченіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ: иногда внукъ уплачивалъ

русскому кулаку долгъ занятый еще его дѣдомъ. Тѣмъ не менѣе, по нашему мнѣнію, прежде всего самъ инородецъ былъ виноватъ въ томъ, что доводилъ себя до такого положенія, при которомъ возможно было эксплоатировать его болѣе разумному человѣку. При изобиліи рыбы, птицы и пушного звѣря въ тамошнихъ краяхъ инородецъ сравнительно легко могъ полученною добычею и уплатить ясакъ и пріобрѣсти необходимые предметы для домашняго обихода, нисколько не должаясь. Нужно было только побольше трудиться. Нечего уже говорить о томъ, что страсть къ водкѣ не можетъ служить извиненіемъ для инородца. Вѣдь были же какъ между вогулами, такъ и остяками люди богатые, обладавшіе оленьими стадами въ сотни головъ!

До сего времени мы говорили о матеріальныхъ условіяхъ жизни остяковъ и вогуловъ въ началѣ XVIII в., теперь же коснемся нѣсколько ихъ нравовъ и главнымъ образомъ остановимся на ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ.

Остяки и вогулы жили отдѣльными юртами и многое собраніе юртъ въ одномъ мѣстѣ встрѣчается рѣдко. Въ каждой юртѣ жила одна семья. Отецъ пользовался неограниченною властію надъ своею семьей: жену и дѣтей онъ имѣлъ право заложить, продать и даже убить; вся семья была его собственностью, какъ и всякое имущество. У пелымскихъ вогуловъ и березовскихъ остяковъ существовало многоженство и калымъ—это вліяніе татаръ магометанъ: каждый мужчина могъ имѣть столько женъ, сколько въ состояніи былъ купить и прокормить. Этотъ магометанскій обычай вредно отражался на естественномъ размноженіи упомянутыхъ племенъ: при той нищетѣ, въ которой они находились, многіе мужчины цѣлую жизнь оставались не женатыми или женились слишкомъ поздно. И въ самомъ дѣлѣ дочь у отца была такимъ товаромъ, который онъ хотѣлъ продать какъ можно дороже и, конечно, выгоднѣе было продать богатому. Новицкій свидѣтельствуетъ, что въ началѣ XVIII в. обычный калымъ состоялъ во сто рубляхъ; эта сумма по тому времени довольно значительная и уплатить ее не каждый могъ. Такая высокая цѣна на женщину въ то время указываетъ на значительное уменьшеніе женскаго пола у остяковъ и вогуловъ сравнительно съ прошлымъ вѣкомъ. Мы знаемъ, что въ концѣ

XVI в. остячки на рынкѣ продавались по 20 к., а въ первой половинѣ XVII в. рубля по два. Но калымъ XVIII в. показываетъ, что цѣна на женщину слишкомъ вздорожала и значитъ невѣстъ было мало, между тѣмъ, какъ невѣстою могла быть каждая дѣвушка, даже семилѣтній ребенокъ. Каждый отецъ заботился, чтобы достать жену своему сыну и потому входилъ въ сдѣлку съ отцомъ какой нибудь дѣвушки еще въ то время, когда она была малолѣтней. Если онъ сразу выплачивалъ калымъ, то немедленно будущую жену своего сына вводилъ въ юрту, въ противномъ же случаѣ отецъ до тѣхъ поръ не отпускалъ дочь, пока не выплачивалась вся назначенная сумма. Нерѣдко бывало, что женихъ за свою невѣсту платилъ калымъ въ продолженіе десяти и болѣе лѣтъ. Однако отецъ не возбранялъ жениху имѣть сожительство со своей дочерью, лишь бы только оное было въ его домѣ. Сочетаніе бракомъ или вѣрнѣе покупка жены не сопровождалась никакими обычаями, обрядами, ни даже пированіями. Когда конченъ торгъ, то женихъ шелъ въ юрту отца своей невѣсты и притомъ долженъ былъ входить туда задомъ, чтобы показать смиреніе предъ ея родителями; войдя въ юрту, женихъ садился около своей нареченной и сидѣлъ, не смотря ни на отца, ни на мать невѣсты, потому что смотрѣть считалось неприличнымъ, недостойнымъ. Затѣмъ отецъ передавалъ дочь жениху и послѣдній немедленно уводилъ её въ свою юрту; тѣмъ все дѣло и кончалось. Съ этого времени прекращалась всякая власть отца надъ своею дочерью; она дѣлалась полнѣйшею собственностью мужа: послѣдній могъ немедленно же перепродать другому, заложить и жениться на иной [1]). Женщина, по понятію остяковъ и вогуловъ, считалась нечистымъ существомъ; она не допускалась въ собраніе мужчинъ и даже во время жертвоприношеній женщины стояли отдѣльно и съ покрывалами на лицахъ. Когда ей приходило время родить, то она должна была уходить изъ юрты, хотя бы это было и зимою, итти въ какую-нибудь пустую юрту и тамъ разрѣшиться отъ бремени. Когда объ этомъ узнавалъ отецъ, и если родился мальчикъ, передаетъ Новицкій, то выходилъ изъ юрты,

---

[1]) Новицкій, стр. 40—43.

чтобы встрѣтить гдѣ-нибудь непремѣнно христіанина и упросить его дать имя новорожденному. Этимъ упомянутый авторъ объясняетъ существованіе христіанскихъ именъ у многихъ инородцевъ язычниковъ. Но это можетъ быть справедливо только относительно подгороднихъ инородцевъ, которымъ легко встрѣтить христіанина, а для тѣхъ, которые жили въ глуши, достаточно было встрѣтить своего соплеменника и отъ него получить имя новорожденному; а еще проще отецъ самъ давалъ имя своему сыну по названію птицы или звѣря, или какого-нибудь предмета, которыхъ онъ увидитъ по выходѣ изъ юрты; иногда рожденные мальчики назывались по порядку рожденія—первый сынъ, второй и т. д., а дѣвочки не получаютъ никакого имени. Роженица обязана была въ продолженіи, двухъ или трехъ недѣль жить тамъ, гдѣ разрѣшилась отъ бремени и только послѣ очищенія огнемъ, которое состояло въ трехкратномъ перепрыгиваніи чрезъ зажженный костеръ, она могла снова войти въ юрту мужа. Новорожденному ребенку, будь то дѣвочка или мальчикъ, выжигаютъ на рукахъ, ногахъ разныя тавры, которыя представляютъ изображенія птицъ, звѣрей и другихъ предметовъ. У женскаго пола эти изображенія служили только украшеніемъ, а мужчины употребляли оныя вмѣсто подписи руки на разныхъ документахъ: такъ напр., у кого былъ выжженъ соболь, тотъ рукою рисовалъ на бумагѣ соболя. Въ архивѣ Сибирскаго Приказа мы видѣли много документовъ, на которыхъ остяки ставили свои тавры, или какъ называли русскіе—знамена; тамъ мы встрѣчаемъ изображенія оленя, соболя, лиственницы и пр. Конечно, при неумѣньи ихъ рисовать, эти знамена суть только самое слабое подобіе того, что имъ хотѣлось изобразить [1]).

Религіозныя вѣрованія какъ у остяковъ, такъ и вогуловъ были одинаковы и главные ихъ боги-идолы были одни и тѣ же. Они исповѣдывали шаманскую религію, которую приняли еще тогда, когда жили въ срединѣ Азіи. Шаманство существовало еще въ глубокой древности и до появленія буддизма оно было распространено на громадномъ пространствѣ азіатскаго мате-

[1]) Объ остяцкихъ знаменахъ, см. статью Н. Н. Оглобина въ Истор. Вѣст., 1891 г.

рика. Китайцы называютъ шаманство „пляскою предъ духами", а монголы „черною вѣрою" въ отличіе отъ буддизма, которую они называютъ „желтою вѣрою" [1]).

Остяки и вогулы познакомились съ шаманскою вѣрою еще въ неразвитомъ ея состояніи, когда она не имѣла еще опредѣленныхъ правилъ и обрядовъ; въ такомъ видѣ они перенесли шаманство изъ глубины Азіи на сѣверъ и съ своей стороны нисколько не содѣйствовали ея развитію. Сущность этой вѣры состояла въ почитаніи боговъ-идоловъ, въ жертвоприношеніяхъ имъ, то съ цѣлію найти у нихъ покровительство въ своей жизни, то съ цѣлію умилостивить ихъ, чтобы они не дѣлали вреда, а посредникомъ между богами и людьми было особое лицо—шаманъ. Остяки и вогулы вѣрили въ высшее, всемогущее существо, которое сотворило міръ и управляло имъ. Но Нума-Торымъ, какъ они называли невидимаго, живущаго на небесахъ Бога, управляетъ міромъ по закону справедливости, у него нѣтъ милости, онъ воздаетъ каждому по заслугамъ и его ничѣмъ нельзя умилостивить. Вслѣдствіе такого понятія о верховномъ существѣ остяки и вогулы ни съ чѣмъ не обращались къ нему и въ жизни ни чѣмъ не выражали ему поклоненія. На небесахъ много другихъ могущественныхъ боговъ, но по отдаленности ихъ, человѣку безполезно къ нимъ обращаться; разсчитывать на ихъ помощь ни въ какомъ случаѣ невозможно. „Самоѣды и другіе алтайскіе народы (остяки, вогулы), пишетъ Кастренъ, бывшій неутомимымъ изслѣдователемъ финскихъ и угорскихъ племенъ, считаютъ безполезнымъ возсылать молитвы къ небеснымъ и другимъ могущественнымъ богамъ. Эти боги далеко, далеко живутъ отъ смертныхъ: какъ возможно, чтобы они слышали слабыя мольбы человѣка? Эта рѣчь постоянно на устахъ дикихъ сѣверной Сибири. Они никакого понятія не имѣютъ о духовномъ общеніи боговъ съ людьми, и если тамъ и сямъ слышишь, что сильный богъ неба и обращаетъ вниманіе на дѣла смертнаго, награждаетъ его добрые поступки и наказываетъ

---

[1]) „Библіотека для чтенія", т. 91 см. статью „Шаманство у народовъ сѣверной Азіи", стр. 25.

злые и т. д., то все же не вѣрятъ они тому, чтобы слабый человѣкъ могъ вступить съ нимъ въ духовное общеніе [1]).

Но въ тоже время угорскіе народы, какъ и другіе послѣдователи шаманской вѣры, вѣрили, что весь міръ наполненъ низшими богами, способными дѣлать добро или зло человѣку; всякое мѣсто, каждый предметъ, чѣмъ нибудь обращающій на себя вниманіе, были мѣстами присутствія этихъ божествъ: высокая гора, необыкновенный камень, темная чаща въ лѣсу, глубокій оврагъ, рѣка, озеро, большое старое дерево, особенно лиственница и пр. и пр.—все это мѣсто особеннаго присутствія божествъ. Безчисленное множество послѣднихъ постоянно еще увеличивается присоединеніемъ къ нимъ душъ умершихъ выдающихся людей и особенно шамановъ. Остяки и вогулы даже вѣрили въ особенную, какъ бы божескую силу медвѣдя и очень боялись его: если кто убьетъ медвѣдя, того ожидаетъ неизбѣжная месть отъ убитаго. Впрочемъ отъ этой мести можно избавиться, если убитому воздать честь, подобную той, которую остяки и вогулы воздавали своимъ идоламъ. „Если случилось убить медвѣдя, передаетъ Новицкій, то снявъ съ него кожу, остяки клали послѣдняго предъ кумирнею и потомъ пѣли пѣсни и плясали около нея. А убійца звѣря приговаривалъ: не онъ убилъ его, потому что не онъ сдѣлалъ желѣзце и стрѣлу, а русакъ (русскій) сковалъ желѣзо, пера орелъ—родитель. Затѣмъ всѣ участвовавшіе въ церемоніи цѣлуютъ кожу и только послѣ этого владѣлецъ ея можетъ продать кому захочетъ“ [2]). Извѣстно также, что у сѣверныхъ инородцевъ клятва на кожѣ медвѣдя считалась самою сильною и нарушеніе ея никогда не проходило даромъ. Вслѣдствіе этого и русскіе воеводы для утвержденія въ вѣрности государю требовали отъ этихъ инородцевъ клятвы именно на кожѣ медвѣдя. Обрядъ этой клятвы обставлялся такимъ образомъ: прежде всего на распростертой кожѣ этого звѣря клались ножъ, топоръ и другія орудія; затѣмъ берутъ ножъ съ кожи, кладутъ на него кусокъ хлѣба и

---

[1]) Вѣстникъ И. Р. Г. Общества ч. XVII, 1856 г., см. извлеченія изъ труда Кастрена „Этнографическія замѣчанія и наблюденія“.

[2]) „Краткое описаніе...“ стр. 53.

подаютъ присягавшимъ со словами: если лестію сію клятву утверждаете, будете невѣрно служить и не радѣть въ платежѣ ясака, то звѣрь сей отомститъ вамъ, отъ него умрете; хлѣбъ сей и ножъ да погубитъ, если не будете соблюдать то, въ чемъ клянетесь.

Если взять во вниманіе, что подобный обрядъ клятвы употреблялся у остяковъ и вогуловъ и предъ ихъ идолами, когда нужно было доказать виновность или невинность кого-нибудь въ томъ или другомъ преступленіи, то можемъ заключить, что медвѣдь у этихъ инородцевъ былъ особымъ богомъ, карающимъ клятвопреступниковъ.

Кромѣ боговъ пользовавшихся одинаковымъ почетомъ у всего племени или боговъ народныхъ, у остяковъ и вогуловъ, какъ и у всѣхъ послѣдователей шаманства, были еще домашнія божества, пенаты. Каждый хозяинъ юрты дѣлалъ себѣ каменныхъ или деревянныхъ болванчиковъ, одѣвалъ разнымъ тряпьемъ и разставлялъ передъ юртою и въ самой юртѣ, это его пенаты, покровители. Если они хорошо служили своему хозяину, то пользовались отъ него почетомъ, имъ онъ давалъ разныя кушанья, а въ противномъ случаѣ жестоко наказывалъ ударами, бросалъ въ нечистыя мѣста, гдѣ они находились до тѣхъ поръ, пока не окажутъ услуги. „Иногда вмѣсто балванчика, передаетъ Палласъ, чтится обрубокъ дерева, или колъ обтесанный на подобіе булавы; иногда какой-нибудь ящичекъ, купленный у русскихъ и обвѣшанный кольцами, лоскутками и тому подобнымъ, почитается какъ домашнее божество“ [1]). Итакъ, у остяковъ и вогуловъ было множество идоловъ или въ видѣ разныхъ издѣлій рукъ человѣческихъ, или въ видѣ произведеній природы. Но вотъ интересный вопросъ, какъ язычникъ относился къ своимъ идоламъ, т. е. частнѣе—считалъ ли онъ ихъ за самыя божества, или они были только изображеніемъ? Кастренъ говоритъ: „большинство алтайскихъ народовъ представляетъ себѣ идоловъ не какъ внѣшніе образы, символы божества, имѣющаго свое самобытное, независимое отъ своего изображенія существованіе. Нѣтъ, они представляютъ себѣ, что *боже-*

---

[1]) Путешествіе Палласа т. III.

ство живетъ въ изображеніи, или, такъ сказать, *воплощено въ немъ* [1]). Это объясненіе не вполнѣ насъ удовлетворяетъ; къ нему нужно сдѣлать комментарій. Что значитъ „божество воплощено въ изображеніи?“ Мы имѣемъ понятія объ индійскихъ воплощеніяхъ, когда боги сходили на землю, подъ видомъ людей; они являлись воплощенными, а не воплощались въ какомъ нибудь предметѣ, или существующемъ человѣкѣ. Неужели остяки и вогулы имѣли такое же представленіе о воплощеніи своихъ божествъ въ идолахъ, деревьяхъ, камняхъ, звѣряхъ и птицахъ?! Совсѣмъ нѣтъ. Эти народы уже давно находились въ такомъ развитіи, что различали духовное отъ матеріальнаго; ихъ боги существа вѣчныя, духовныя и безсмертныя и они не могли считать каменныхъ или деревянныхъ идоловъ за самыхъ боговъ, какъ думаетъ Кастренъ. По нашему мнѣнію, они не сливали во единое цѣлое духа съ предметомъ въ которомъ послѣдній обиталъ; божественное существо не нераздѣльно съ изображеніемъ его. Когда русскіе, во время проповѣди схимонаха Ѳедора, сжигали идола, такъ называемаго „Обскаго Старика“, то остяки говорили, что они видѣли, какъ самый богъ вылетѣлъ изъ идола въ видѣ лебедя. Изъ этого видно, что они идола считали только жилищемъ божества, не болѣе. Такому представленію объ идолѣ, какъ и жилищѣ бога, нисколько не противорѣчитъ то, что остякъ иногда жестоко наказывалъ своего идола ударами палки, или бросалъ его въ нечистое мѣсто. Онъ вовсе не думалъ, что при этомъ наказаніи богъ чувствуетъ матеріальные удары, какъ какое-нибудь живое существо. Этимъ остякъ хотѣлъ только выказать свою ненависть къ богу, нанести ему позоръ, подобно тому, какъ бѣшенная толпа нѣмцевъ, возбужденная лжеученіемъ Лютера, выносила иконы изъ церквей, бросала въ грязь и топтала ногами.

Но спрашивается, почему одному богу приходилось жить въ какомъ-нибудь камнѣ, другому въ копьѣ, третьему въ лиственницѣ, иному въ балванчикѣ деревянномъ, или въ вылитомъ изъ

---

[1]) По ихъ воззрѣнію, идолы и есть настоящіе боги и въ состояніи даровать человѣку здоровье, благосостояніе и другія житейскія блага“. Вѣстникъ И Г. общ. 1856. г. ч. XVII, стр. 314.

металла и т. п.? Угорскіе народы вѣрили, какъ мы выше упомянули, что весь міръ наполненъ богами. но намъ кажется, что, по понятію этихъ народовъ, боги могли или любили жить только въ какихъ-нибудь матеріальныхъ предметахъ. Поэтому остякъ или вогулъ почиталъ бы каждый предметъ, если бы зналъ, что въ немъ живетъ богъ, но для этого онъ не имѣлъ средствъ: это знаніе имѣетъ только шаманъ и только онъ извѣстными ему средствами можетъ опредѣлить—заключаетъ ли въ себѣ извѣстный предметъ духа и насколько онъ могущественъ, т. е. насколько онъ можетъ дѣлать добро или зло людямъ. Кромѣ того шаманы имѣли какъ бы власть распоряжаться богами, заключить ихъ въ то или другое жилище. Если остякъ или вогулъ дѣлали себѣ балванчика изъ дерева, камня или метелла и чтили его какъ божество — покровителя своей юрты, то не слѣдуетъ думать, чтобы это дѣло обходилось безъ шамана. Хотя мы на это не имѣемъ указаній, однако слѣдуетъ предполагать, что остякъ, сдѣлавшій себѣ домашняго пената, обращался къ шаману, чтобы послѣдній вселилъ въ него извѣстными ему средствами духа; только послѣ какихъ нибудь таинственныхъ шаманскихъ причитаній кусокъ дерева дѣлался божествомъ. Таково же происхожденіе боговъ родовыхъ и племенныхъ.

Между божествами, пользовавшимися особымъ почитаніемъ у остяковъ и вогуловъ, были слѣдующія:

1) „Старикъ Обскій", который находился въ землѣ остяцкой при впаденіи Иртыша въ Обь, недалеко отъ Самаровской деревни. Онъ почитался водянымъ богомъ и ему были подвластны рыбы и всякія живущія въ водѣ существа. Самое названіе этого бога указываетъ на его древность, а старые боги пользовались особеннымъ почетомъ у всѣхъ язычниковъ. Кастренъ передаетъ, что если у сѣверныхъ обитателей Сибири спросить какія чудеса совершилъ его идолъ, то онъ отвѣтитъ: „мы не знаемъ этого, но мы служимъ тѣмъ же богамъ, какимъ служили и отцы и дѣды наши, и подъ чьимъ покровомъ жили благополучно" [1]). Помимо древности *Обскій Старикъ* и потому еще долженъ былъ пользоваться особеннымъ почетомъ, что онъ былъ богомъ рыбъ и значитъ отъ него зависѣлъ хорошій или

[1]) Ibid. стр. 316.

дурной исходъ рыбной ловли—одного изъ важнѣйшихъ промысловъ инородцевъ. Новицкій, самъ видѣвшій этого идола, описываетъ его такъ: „нѣкая доска, на которой носъ изображаетъ жестяная труба, стеклянные глаза и небольшіе роги на головѣ; идолъ покрытъ разными рубищами, а сверху накинута на него красная одежда съ золотою грудью“. Около этого бога лежали —лукъ, стрѣлы, панцыри, копья, и проч.—вооруженіе его, которымъ онъ иногда принужденъ бываетъ сражаться съ другими водяными богами. Въ честь „Старика Обскаго“ устроено двѣ кумирни — одна при устьяхъ Иртыша, а другая на самой великой рѣкѣ Оби; онъ живетъ попеременно по три года въ каждой. Весною, когда настаетъ рыбный промыселъ, жрецы этого идола объявляютъ простымъ смертнымъ, что богъ хочетъ жертвы и обѣщаетъ обильный уловъ рыбы. Послѣ такого объявленія народъ беретъ рыболовныя снасти и бросается къ Оби на рыбный промыселъ и первую попавшуюся рыбу нельму приносятъ въ жертву Старику Обскому: жертву варятъ и жиромъ мажутъ носъ и уста этого идола, а остальное—смертные съѣдаютъ вмѣстѣ съ жрецами. Насытившись, остяки бросали вверхъ палки по направленію къ другой кумирнѣ, показывая этимъ, что они и тамъ также достойно чтутъ Старика Обскаго. Послѣ жертвоприношенія народъ приступаетъ къ рыбной ловлѣ и если уловъ хорошъ, то властелину рыбъ приносятся новыя и новыя жертвы. Но случается иногда, что жрецы Старика Обскаго объявляютъ волю этого бога о жертвѣ и рыбной ловлѣ преждевременно, т. е. не разсчитавъ времени входа рыбы изъ моря въ рѣку Обь. Эта ошибка дорого обходится ни въ чемъ неповинному упомянутому богу. Остяки, не уловивъ рыбы, бросаются къ кумирнѣ и начинаютъ всячески ругать своего „Старика“: „ты забылъ, кричатъ они, почести воздаваемыя тебѣ нашими отцами и праотцами, нерадѣешь о нашемъ промыслѣ и губишь насъ голодомъ“. Этого мало—вытаскиваютъ идола изъ кумирни, обвязываютъ его веревкою и таскаютъ по разнымъ нечистымъ мѣстамъ, топча ногами и оплевывая его. И бѣдный „Старикъ Обскій“ находится въ такомъ безчестіи до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно придетъ время обильнаго улова рыбы.

2) Мѣдный идолъ, находившійся въ Бѣлогорскихъ остяцкихъ

юртахъ при великой рѣкѣ Оби. Онъ изображалъ гуся, сидящаго въ гнѣздѣ, сплетенномъ изъ суконъ, холста и кожъ. Этотъ идолъ былъ богомъ водяныхъ птицъ—лебедей, гусей и т. п. и почитался остяками и вогулами покровителемъ птичьяго промысла. Когда настаетъ время ловли птицъ, преимущественно тогда, когда они линяютъ (въ тѣмъ мѣстахъ въ концѣ іюня), то богу гусю инородцы приносятъ также обильныя жертвы изъ оленей и лошадей.

3) Въ той же самой кумирницѣ находился и старѣйшій богъ, пользовавшійся особеннымъ почетомъ, какъ у остяковъ, такъ и у вогуловъ, но что онъ собою изображалъ, мы не знаемъ. Вѣроятно бога звѣрей, потому что между всѣми другими божествами нѣтъ такого бога, который покровительствовалъ бы звѣриному промыслу, а этотъ промыселъ доставлялъ инородцамъ драгоцѣнныя звѣриныя шкуры, которымъ онъ уплачивалъ и ясакъ и велъ торговлю. Понятно, что остяки и вогулы не могли обойтись безъ покровителя ихъ звѣриному промыслу. Новицкій говоритъ, что этого бога онъ самъ не видѣлъ, такъ какъ во время проповѣди схимонаха Ѳедора, остяки предувѣдомленные о приходѣ проповѣдника и зная, что и этого старѣйшаго идола русскіе сожгутъ, какъ и другихъ, передали его кондійскимъ вогуламъ и русскимъ не пришлось потомъ найти онаго.

4) Идолъ въ землѣ вогуловъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Пелыма. Тутъ стояла кумирня съ пятью деревянными идолами въ видѣ людей, но между ними возвышался главный богъ—вѣроятно властитель птицъ, подобно остяцкому идолу гусю, потому что на головѣ у него была птичья кость.

5) Недалеко отъ того же идола, верстахъ въ трехъ стояло листвиничное дерево и при немъ кумирня. Это старое дерево очень обожалось вогулами, но неизвѣстно, какой духъ обиталъ въ немъ, какую онъ имѣлъ силу и власть. Только и ему приносились обильныя жертвы изъ лошадей, какъ и другимъ богамъ—это видно изъ того, что громадная лиственница была вся увѣшена лошадиными шкурами. Этого мало—предъ нею, какъ увидимъ ниже, приносились и человѣческія жертвы.

6) Но самый главнѣйшій изъ вогульскихъ идоловъ былъ гдѣ-то при рѣкѣ Кондѣ. Онъ находился въ кумирнѣ, въ которую

не только простой смертный, но и князь не смѣлъ входить; только одинъ главный шаманъ имѣлъ это право. При кумирнѣ всегда стояло два сторожа, одѣтыхъ въ красныя одежды и съ разукрашенными копьями въ рукахъ. Вогулы разсказывали русскимъ, что когда этотъ богъ захочетъ жертвъ, то издаетъ голосъ, на подобіе голоса ребенка [1]).

Много было и другихъ пользовавшихся особымъ почетомъ у вогуловъ и остяковъ боговъ, но мы о нихъ не говоримъ, потому что намъ еще придется съ ними встрѣтиться, когда будемъ слѣдить за проповѣдью евангелія схимонаха Ѳедора упомянутымъ инородцамъ; мелкихъ же идоловъ у послѣднихъ было безчисленное множество.

Мы выше упомянули, что послѣдователи шаманства считали себя самихъ совершенно безпомощными предъ духами, населявшими „лѣса, воды, горы и долы" всего міра, предъ духами, которые вмѣшивались безъ спросу въ дѣла людскія и по своимъ капризамъ дѣлали человѣку то пользу, то вредъ. Простые смертные не могли входить съ богами въ сношеніе, выражать свои нужды, просить отъ нихъ помощи въ какомъ-нибудь дѣлѣ, не имѣли средствъ заставить ихъ не дѣлать по крайней мѣрѣ зла человѣку. При такомъ мрачномъ взглядѣ на боговъ, казалось человѣкъ можетъ погибнуть отъ капризовъ послѣднихъ. Но за то между простыми смертными появляются мудрецы-шаманы, которые не только умѣютъ говорить съ богами, узнавать ихъ желанья, но имѣютъ силу и средства заставить этихъ безсмертныхъ духовъ служить человѣку. Отсюда понятно, какое значеніе имѣлъ шаманъ между остяками, вогулами и другими ихъ единовѣрцами. Что это за лицо? Откуда у одного человѣка, такъ же родившагося на свѣтъ божій, какъ и всѣ люди, явилась такая власть, такая сила? Авторъ статьи „Шаманство у народовъ сѣверной Азіи" такимъ образомъ отвѣчаетъ на эти вопросы. „Какъ скоро утвердилось мнѣніе о вліяніи духовъ на судьбу человѣка, тотчасъ явилось и мнѣніе о возможности привлечь счастіе и отогнать несчастіе. Счастливецъ пріобрѣлъ уваженіе несчастныхъ и по натурѣ человѣческой сталъ тщеславиться милостію боговъ, умѣньемъ склонить ихъ къ дѣй-

[1]) Новицкій, стр. 84.

ствіямъ въ его пользу. Первый шаманъ, увлеченный удачами, и самъ сталъ вѣрить могуществу своихъ заклинаній: люди впадаютъ сами въ обманъ ими выдуманный, и ложное свое мнѣніе считаютъ наконецъ истиннымъ".

И въ самомъ дѣлѣ, между всякимъ человѣческимъ обществомъ, на какой бы низкой степени развитія оно ни стояло, можетъ появиться человѣкъ, который, благодаря или природной физической силѣ и ловкости, или же природнымъ нравственнымъ качествамъ, станетъ выше другихъ, подчинитъ ихъ своему вліянію, заставитъ уважать свою волю. Положимъ одному удалось убить льва, тигра, удавалось убивать нѣсколько разъ и притомъ безнаказанно; и въ другихъ случаяхъ его сопровождаютъ удачи въ то время, когда другіе гибнутъ чрезъ свое сравнительное безсиліе, неловкость. На такого человѣка другіе непремѣнно станутъ смотрѣть особенными глазами, видѣть въ немъ особеннаго человѣка и вопросъ, почему послѣдняго вездѣ сопровождаютъ удачи, является у простыхъ смертныхъ вполнѣ естественнымъ. А люди вѣруютъ, что существуютъ боги добрые и злые; одни дѣлаютъ добро человѣку, другіе—зло. Но вотъ между ними живетъ человѣкъ, которому вездѣ везетъ сравнительно съ другими: онъ всегда сытъ, когда другіе голодаютъ; во взаимныхъ дракахъ онъ оказывается побѣдителемъ; предводительствуя своимъ родомъ или племенемъ, онъ одерживаетъ побѣды надъ врагами. Естественное заключеніе, что такой человѣкъ находится въ особенномъ расположеніи у боговъ добрыхъ и умѣетъ противодѣйствовать богамъ злымъ настолько, что они не могутъ сдѣлать ему зла. Значитъ у этого человѣка природа высшая, божеская. Вотъ почему разныхъ своихъ героевъ полудикіе или даже стоящіе на высшей ступени развитія производятъ отъ боговъ, воздаютъ имъ божескія почести при жизни и причисляютъ къ лику боговъ послѣ смерти. Очевидно такіе выдающіеся люди не только для себя могутъ расположить боговъ добрыхъ и сдѣлать безвредными злыхъ, но тоже могутъ сдѣлать и для другихъ.

Или иному человѣку случайно удалось наткнуться на чудодѣйственную травку, которою онъ излѣчитъ свою рану; онъ можетъ тѣмъ же средствомъ излѣчить другого и третьяго. Къ

нему станутъ обращаться за излѣченіемъ и другихъ болѣзней и онъ станетъ пробовать надъ своими паціентами разныя средства и, благодаря частой пробѣ, сдѣлается болѣе опытнымъ въ этомъ дѣлѣ, станетъ лѣкаремъ. И на такого человѣка начинаютъ другіе смотрѣть особенными глазами: одни вѣрятъ, что онъ имѣетъ сношеніе съ богами, а другіе съ дьяволами, какъ напр., у насъ на Руси крестьяне до сего времени вѣрятъ, что разные знахари, колдуны имѣютъ сношенія съ вѣдьмами и съ чертями и при ихъ посредствѣ могутъ надѣлать своему сосѣду и добра и зла. Но съ кѣмъ бы подобные люди ни знались съ богами или съ чертями, но къ нимъ простые смертные обращаются за помощью въ томъ или другомъ дѣлѣ. Таково, по нашему мнѣнію, первоначальное происхожденіе тѣхъ лицъ, которыя у однихъ азіатскихъ народовъ называются „шамани" (Тунгусы), у бурятъ „буге", у остяковъ „тадымъ" и пр.

Эти лица, пользуясь такимъ особеннымъ мнѣніемъ о себѣ толпы, сами стараются поддержать, утвердить его искусственно: напр. лѣченіе свое они обставляютъ таинственностію, говорятъ при этомъ какія-нибудь фразы, часто безсмысленныя, а больной думаетъ, что это бесѣда съ духами. Поговорка гласитъ: легко вѣрится тому, чему хочется. Такъ и въ данномъ случаѣ. Больному хочется выздоровѣть и онъ легко вѣритъ, что нашептыванія колдуна помогутъ ему; вслѣдствіе этой вѣры у него поднимаются нравственныя силы, онъ дѣлается бодрѣе и эта бодрость духа помогаетъ организму побѣдить болѣзнь. Конечно, не всѣ шаманы и не во всемъ сознательно обманываютъ толпу. Отъ частаго повторенія однихъ и тѣхъ же дѣйствій, отъ разныхъ случайныхъ удачъ, которыми сопровождаются ихъ обманы, нашептыванія, обращенія къ богамъ они сами начинаютъ вѣрить въ чудодѣйственность своихъ средствъ, начинаютъ вѣрить, что они дѣйствительно особенные люди, что они могутъ входить въ непосредственныя сношенія съ духами, умѣютъ съ ними говорить и понимать ихъ отвѣты и т. п. Вѣра въ нихъ толпы заставляетъ и ихъ вѣрить въ себя и они собственныя мысли выдаютъ за откровеніе боговъ. Съ другой стороны, слѣдуетъ замѣтить, что шаманы азіатскихъ народовъ значительно развитѣе массы и ихъ по справедливости можно назвать муд-

рецами: они знакомы съ нѣкоторыми, неизвѣстными другимъ силами природы, имѣютъ свѣдѣнія по ботаникѣ, химіи и др. Благодаря этимъ знаніямъ, шаманы дѣлаютъ такіе фокусы, которые приводятъ въ изумленіе не только полудикихъ инородцевъ, но и русскихъ людей. Авторъ вышеупомянутой статьи о шаманствѣ говоритъ, что „русскіе отъ души вѣрятъ могуществу шамановъ и только изъ религіознаго страха не прибѣгаютъ къ ихъ помощи. Вы услышите, свидѣтельствуетъ онъ, не только отъ крестьянъ, но даже отъ купцовъ и чиновниковъ, что шаманы безвредно ходятъ голыми ногами по раскаленному желѣзу, стоятъ на остріи сабли, на горящихъ угольяхъ, глотаютъ ножи и выпускаютъ ихъ изъ себя, и наконецъ шаманъ отрѣзываетъ ножемъ у себя голову, ставитъ ее на полъ и продолжаетъ ходить и шаманить безъ головы; потомъ беретъ свою голову, ставитъ ее на шею и голова немедленно прирастаетъ". Кто не знаетъ, какъ все это дѣлается, тому трудно не вѣрить въ сверхъестественность этихъ людей; а между тѣмъ всѣ эти чудеса— обыкновенные фокусы, которые можно всегда видѣть на базарныхъ представленіяхъ. Русскіе воеводы XVII в. и даже московское правительство вѣрило въ могущество шамановъ. Въ 1608 г. томскій воевода доносилъ въ Москву, что въ прошломъ году, въ мартѣ мѣсяцѣ „учинилась болѣзнь тяжелая бѣсовскимъ недугомъ въ Томскомъ городѣ надъ многими служилыми людьми и женками" и что эта болѣзнь, по разспросу, напущена шаманомъ новокрещенцемъ Иваномъ, который ходитъ по татарскимъ юртамъ, ворожитъ, бьетъ въ бубенъ и шейтановъ призываетъ на русскихъ людей. Правительство велѣло сдѣлать по этому поводу розыскъ и тѣхъ, „которые напустили на русскихъ людей шейтановъ посадить въ тюрьму [1]). Мы знаемъ также, что въ XVII в. русскіе люди обращались къ шаманамъ за излѣченіемъ болѣзней и въ другихъ своихъ житейскихъ дѣлахъ, хотя современникъ и замѣчаетъ, что рѣдкій изъ такихъ лицъ кончалъ жизнь благополучно [2]).

Если христіане признавали у шамановъ чудесную силу и вѣрили, что они сносятся съ нечистою силою, то тѣмъ болѣе

---

[1]) Русская Ист. Библ. т. II, № 82.

[2]) Исторія о Сибири въ Сборн. Титова, стр. 171.

должны были имъ вѣрить инородцы и по своей вѣрѣ и вслѣдствіе низшей степени развитія. Для послѣдователей шаманизма шаманъ былъ врачемъ, жрецомъ и предсказателемъ и въ его могущество они вѣрили безусловно: даже при самыхъ грубыхъ ошибкахъ шамана никто изъ вѣрующихъ не позволитъ себѣ усумниться въ его чудесной силѣ.

Остяцкіе и вогульскіе шаманы, хотя и далеко уступали въ развитіи и разныхъ знаніяхъ шаманамъ среднеазіатскихъ народовъ, но тѣмъ не менѣе и они значительно стояли выше толпы и они продѣлывали фокусы, имѣвшіе неотразимое вліяніе на остяковъ и вогуловъ. Если напр., кто-нибудь обращался къ шаману—за предсказаніемъ ли, или врачеваніемъ, то онъ прежде всего давалъ просителю острый ножъ и повелѣвалъ ему воткнуть послѣдній въ его животъ. Этотъ ножъ уже никто не могъ вытащить кромѣ просителя, а когда (послѣ исполненія шаманомъ просьбы) послѣдній вынималъ его [1]), то онъ былъ горячій, какъ бы въ самомъ дѣлѣ все время находился въ животѣ шамана; при этой операціи никакой крови не показывалось. Другой фокусъ не менѣе былъ поразителенъ для инородца. Чтобы вызвать духа шаманъ входилъ въ пустую юрту и присутствующимъ приказывалъ крѣпко-на-крѣпко связать его; тѣ исполняли приказаніе и удалялись изъ юрты. А спустя нѣкоторое время, шаманъ выходилъ изъ юрты уже развязанный и объявлялъ присутствующимъ волю приходившаго къ нему духа [2]).

Мы выше дали объясненіе, какимъ образомъ могъ появиться первый шаманъ, такой человѣкъ, котораго другіе признали за высшее сравнительно съ ними существо, способное сноситься съ богами. Въ историческое же время шаманство или передается по наслѣдству отъ отца къ сыну, или по выбору самихъ послѣдователей шаманизма: молодыхъ людей, обращающихъ на себя вниманіе какими-нибудь странностями, напр. природнымъ юродствомъ или уродствомъ или чѣмъ-нибудь другимъ, они счи-

---

[1]) Ibid. Выниманіе ножа сопровождалось освобожденіемъ духа, выходомъ его изъ шамана. Остяцкіе шаманы бросались въ огонь и выходили невредимыми. (См. Памятники Сибир. Ист. XVIII в. стр. 242).

[2]) Новицкій стр. 49.

таютъ способными шаманить въ будущемъ и отдаютъ таковыхъ подъ науку старому шаману. А иные дѣлаются шаманами самостоятельно или по призванію, или вслѣдствіе корыстныхъ разсчетовъ; такъ какъ это было очень выгоднымъ дѣломъ. У остяковъ и вогуловъ во время проповѣди схимонаха Өедора особенную роль играли два шамана—одинъ былъ съ двумя горбами спереди и сзади, а другой—„зѣло бо злѣ, передаетъ Новицкій, изображена бысть ему лицезрѣніе человѣческое: малъ, черенъ и злонравенъ".

Хотя происхожденіе шамановъ было разное, но обязанности ихъ были одинаковы: они являлись посредниками между людьми и богами. А такъ какъ благополучіе человѣка зависѣло отъ каприза боговъ, то шаманъ былъ вездѣ нуженъ. Предпринимался ли походъ противъ непріятелей, шаманъ долженъ узнать отъ боговъ—будетъ ли счастливый исходъ предпріятія, долженъ призывать ихъ на помощь и принести имъ жертвы; начало рыбнаго и звѣринаго промысла сопровождалось всегда жертвоприношеніями чрезъ шамановъ; заболѣетъ-ли кто, шаманъ долженъ узнать—какой духъ мучаетъ больного и какъ избавиться отъ него; умретъ-ли кто, опять призывается шаманъ, чтобы сказалъ отъ какого духа умеръ; общественныя празднества тѣмъ болѣе не могли обходиться безъ шамана. А гдѣ шаманъ—тамъ призываніе боговъ и жертвоприношенія.

„Обыкновеніе и чинъ приношенія жертвъ нѣсть каковыми установлено череды, замѣчаетъ Новицкій, яко же прочіи идолопоклонники... слѣпотствующій невѣжа остякъ никакихъ чередъ не имѣя, но егда несытое ихъ до пированія понудитъ чрево, или кто почитаемый въ мѣсто жреца, искак несытой гортани, отверзаетъ оную, извѣщаетъ яко бози требуютъ жертвъ приношенія, за сія же нѣкая обнадежуетъ обрысти благополучіе, тогда и череды и время приношенія". Дѣйствительно ни у остяковъ, ни у вогуловъ не было опредѣленныхъ дней въ году, въ которые они совершали бы празднества въ честь того или другаго бога. Но въ то же время несомнѣнно, что осенью въ октябрѣ мѣсяцѣ тѣ и другіе инородцы праздновали начало новаго года и это празднество сопровождалось даже человѣческими жертвами. Для жертвоприношеній служили преимущественно

плѣнники, но иногда инородцы цѣлымъ племенемъ или нѣсколько родовъ покупали людей „для моленія у лиственницы“, то у своей же братіи, то посылали за покупкою людей для той же цѣли къ инородцамъ, жившимъ по сю сторону Уральскаго хребта, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ документъ, видѣнный нами въ портфеляхъ Миллера. Намъ кажется, что человѣческія жертвы своимъ богамъ вогулы и остяки приносили очень рѣдко, не болѣе одного раза въ годъ, именно осенью, если только не было какого-нибудь чрезвычайнаго обстоятельства, напр., похода противъ непріятеля: серьёзныя военныя предпріятія у этихъ инородцевъ также сопровождались человѣческими жертвами ихъ богамъ. Это заключеніе мы выводимъ изъ того, что извѣстные намъ два документа, касающіеся „моленія людей, относятся исключительно къ этому времени и вѣроятно къ празднованію новаго года. Такъ въ 1618 году сентября 26 дня верхокондинскіе вогулы Нуксыйко Кванинъ, Ебелко и Хрокумко пришли въ городъ Пелымъ и обратились къ воеводамъ Ивану Вельяминову и Григорію Орлову съ необыкновенной просьбой: они просили, чтобъ православные воеводы разрѣшили имъ убить человѣка „для моленія по ихъ бусурманской вѣрѣ у лиственницы“. Воеводы, конечно, отказали. Но 2-го октября того же года пришелъ въ съѣзжую избу одинъ стрѣлецъ и объявилъ, что тѣ верхокондинскіе вогулы Ебелко съ товарищами „малого убили и у лиственницы въ юртахъ молили, отшедъ отъ города“. По этому доносу немедленно произведено было слѣдствіе. „И мы, писали пелымскіе воеводы Михаилу Ѳедоровичу, про то дѣло сыскивали до пряма пелымскими вогуличами и пелымскіе вогуличи Янъ Кисленскій съ товарищами сказали, что тѣ верхокондинскіе вогуличи Ебелка съ таварищами насъ холопей твоихъ, государь, не послушали: малого убили и у лиственницы молили; и о тѣхъ, государь. верхокондинскихъ вогуличахъ въ ихъ непослушаньѣ, что велитъ твой царскій указъ учинить“... [1]) Къ сожалѣнію, мы не знаемъ отвѣта государя на этотъ вопросъ воеводы. Изъ приведеннаго документа можно заключить, что московское привительство не относилось равнодушно къ „моленію людей“ сибирскими идоло-

---

1) А. М. И. Дѣлъ Проф. Миллера № 478 тетр.. стр. № 61.

поклонниками, но въ то же время, вѣроятно, и не строго преслѣдовало этотъ дикій ихъ обычай; въ противномъ случаѣ пелымскіе вогулы не осмѣлились бы обратиться къ воеводѣ за разрѣшеніемъ „убить малого и молить у лиственницы". Да правительство и не могло услѣдить: если подгородніе вогулы, не смотря на запрещеніе воеводы, убили человѣка для жертвы, то тѣ, которые жили вдали отъ города, въ глуши лѣсовъ, могли совершенно безпрепятственно совершать подобныя жертвоприношенія. И если такихъ случаевъ мы мало знаемъ изъ документовъ, такъ это потому, что инородцы совершали свои жертвоприношенія только на глазахъ своихъ соплеменниковъ, безъ постороннихъ зрителей. Вѣдь они хорошо знали, что за каждаго убитаго человѣка будутъ отвѣчать предъ правительствомъ, прежде всего, какъ за ясачнаго человѣка, какъ за платежную силу, а потому человѣческія жертвы скрывали и сибирскіе воеводы не имѣли возможности узнавать объ этихъ варварскихъ жертвоприношеніяхъ. Человѣческія жертвы у остяковъ и вогуловъ существовали еще въ XVIII в.: въ началѣ этого столѣтія они рѣшили поднять бунтъ противъ русскаго господства; это чрезвычайное предпріятіе требовало и чрезвычайной жертвы богамъ, чтобы получить отъ нихъ помощь. Березовскій воевода на основаніи розыска объ измѣнѣ остяковъ доносилъ, что ляпинскіе остяки Анемка и Альма „для того измѣннаго дѣла" отдали лосвинскимъ остякамъ жонку убить на жертву шейтану [1]).

Другія же кровавыя жертвы приносились круглый годъ и приносились въ изобиліи: остякъ и вогулъ иногда отдавалъ послѣднее лишь бы только умилостивить своихъ боговъ, снискать ихъ помощь или предотвратить отъ нихъ зло. Жертвоприношенія были общественныя и частныя. „Каждый родъ, говоритъ Кастренъ, издавна имѣетъ своихъ идоловъ, которые часто сохраняются въ одной итой же юртѣ и чествуются отъ всего рода жертвоприношеніями и другими религіозными обрядами. Эти „божьи юрты" стоятъ подъ надзоромъ духовнаго, который въ одно и тоже время и прорицатель, и жрецъ, и врачъ и пользуется почти божескимъ почтеніемъ" [2]). Этому изслѣдователю

[1]) Памятн. Сибир. Ист. кн. 1, № 81.

[2]) Этнограф. Сборн. 1858 г. вып IV, стр. 305

на пути его въ Обдорскъ случайно попалась на глаза роща, въ которой подъ одной старой лиственницей было множество боговъ, а лиственница вся увѣшена множествомъ оленьихъ шкуръ и роговъ—остатковъ жертвенныхъ животныхъ. А нѣкоторыя божества, какъ „Старикъ Обскій", „Гусь", „Кондійскій" идолъ одинаково пользовались почитаніемъ, какъ остяковъ, такъ и вогуловъ и этимъ идоламъ приносились уже жертвы не отдѣльными родами, а цѣлою племенною группою. Самыя обильныя жертвоприношенія совершались предъ началомъ рыбнаго или звѣринаго промысловъ или во время празднествъ, устроиваемыхъ въ честь какого-нибудь, особенно чтимаго бога, или новаго года. Весною, напр., предъ началомъ рыбной ловли народъ сходился къ кумиру Старику Обскому и объявлялъ его служителю шаману, что онъ желаетъ приносить жертвы властелину рыбъ. Въ назначенное время къ кумирнѣ или юртѣ божіей оленеводы приводятъ на жертву оленей, а тѣ, которые живутъ по близости татаръ -- лошадей, такъ какъ лошадиное мясо особенно любили вогулы и остяки и потому непремѣнно заботились о томъ, чтобъ достать у татаръ этихъ животныхъ. Самый обрядъ жертвоприношенія совершался такимъ образомъ. Когда приведена жертва, то старѣйшій изъ вѣрующихъ, или, какъ выражается Новицкій, „иже вящше буесловити можетъ", связываетъ ей ноги; другой беретъ копье, третій лукъ, четвертый топоръ и становятся около жертвеннаго животнаго. Нужно замѣтить, что упомянутыя орудія принадлежатъ не частнымъ лицамъ, а берутся изъ кумирни и тамъ всегда сохраняются, какъ священныя. Затѣмъ подходитъ шаманъ и начинаетъ свое священнодѣйствіе. Онъ въ полномъ облаченіи и съ неизбѣжными принадлежностями, которыя онъ употребляетъ при призываніи боговъ, бубномъ и колотушкой. Его одежда длинная до пятъ и вся увѣшенная желѣзцами, бубенчиками и другими побрякушками, а равнымъ образомъ и разными лоскутками изъ шкуръ животныхъ, изображавшими орудія для отраженія злыхъ шейтановъ. Безъ бубна шаманъ и шагу ступить не можетъ: боги не слышатъ и не понимаютъ обыкновенной человѣческой рѣчи; съ ними можно вести бесѣду только пѣснями, сопровождаемыми звуками бубна. Кромѣ того бу-

бенъ своимъ устройствомъ изображаетъ вселенную, среди которой шаману приходится гоняться за богами. Отдѣльныя его части, разныя изображенія на немъ, вырѣзанныя или нарисованныя, суть орудія, съ которыми онъ только и можетъ исполнять дѣло своего служенія: внутри бубна есть рукоятка, вертикально стоящая, и съ 12 дырками—эти дыры означаютъ орудія, поддерживающія шамана при воздушныхъ полетахъ и путешествіяхъ; возвышенія между дырами изображаютъ горные хребты, чрезъ которые шаману приходится переходить и перелетать; желѣзная палка на упомянутой рукояткѣ служитъ тетивою лука, которымъ шаманъ отражаетъ своихъ враговъ и враговъ своего паціента; двѣ собаки изображенныя на бубнѣ своимъ лаемъ извѣщаютъ шамана о приближеніи нечистыхъ силъ и пр. и пр. Даже на колотушкѣ, которою шаманъ бьетъ въ бубенъ, есть орудія: она увѣшена лоскутками изъ звѣриныхъ шкуръ, служащими бичами для отраженія злыхъ духовъ [1]).

Въ такомъ нарядѣ и съ такими орудіями является шаманъ на дѣло своего служенія, для принесенія богамъ жертвъ. Ставши около жертвы и предъ кумиромъ, онъ начинаетъ пѣть пѣсни, бить въ бубенъ, кружиться на разныя манеры, гремѣть побрякушками, навѣшанными на его одеждѣ; всѣ эти дѣйствія постепенно усиливаются, учащаются, доводятъ шамана до изступленія, восторженнаго состоянія, въ которомъ онъ что-то бормочетъ и наконецъ падаетъ на землю въ изнеможеніи. Спустя нѣкоторое время, шаманъ поднимается и объявляетъ народу волю бога, обѣщающаго обильный уловъ рыбы. Затѣмъ онъ ударяетъ священнымъ копьемъ жертвенное животное, а стоявшіе около послѣдняго, о которыхъ мы упомянули выше, бьютъ жертву своими орудіями. Падшее на землю животное, но еще не испустившее послѣдній духъ, поднимаютъ и обносятъ его трижды около идола. Послѣ того наносятъ жертвѣ послѣдній ударъ ножемъ въ сердце, а льющуюся кровь собираютъ въ блюдо: этою кровью сначала помажутъ уста идола, потомъ кроплятъ ею юрты свои, а остатки допиваютъ предстоящіе вмѣстѣ съ шаманомъ. Кожи жертвенныхъ животныхъ вмѣстѣ съ го-

---

[1]) Извѣстія Императ. Томскаго Университета, кн. 2, стр. 237—238.

ловою и ногами до колѣнъ вѣшаютъ на деревьяхъ, стоящихъ около кумира; лучшую часть мяса, помазавши только уста идола, беретъ себѣ шаманъ, какъ вознагражденіе за трудъ, а остальное пожираютъ тутъ же жертвоприносители вмѣстѣ со своими домочадцами. Насытившись жертвеннымъ мясомъ, начинаютъ махать палками, бросаютъ вверхъ копья, сабли; этимъ, съ одной стороны, выражаютъ благодарность боготворимому въ идолѣ духу, который будто бы пировалъ съ ними въ это время, и устраиваютъ ему проводы, теперь возносящемуся на воздухъ; а съ другой стороны это бросаніе вверхъ копій, сабель имѣетъ видъ угрозы по адресу того же духа, чтобъ онъ помнилъ ту честь, которую ему воздаютъ вѣрующіе, и не забывалъ заботиться объ ихъ благополучіи. Упомянемъ также, что кости жертвеннаго животнаго не бросаются, а сохраняются при малыхъ кумирняхъ, какъ священныя [1].

Такъ описываетъ очевидецъ общія жертвоприношенія у остяковъ въ началѣ XVIII в.; также они совершались и у вогуловъ. Другой очевидецъ передаетъ намъ о томъ, какъ остяки праздновали въ честь бога Еленя, прислужника высшихъ боговъ. „Церемонія началась отъ 8 ч. вечера и продолжалась до 2 ночи. Сначала дѣти для призыва остяковъ къ богомолью подбѣжавъ къ каждой юртѣ, какъ испуганныя, весьма дико кричали разными голосами; потомъ остяки понемногу собирались въ юрту, назначенную для отправленія богослуженія. Входящій въ юрту остякъ вертѣлся по три раза предъ кумиромъ и потомъ садился на правой сторонѣ юрты на нарахъ, или полуразговаривалъ съ своимъ сосѣдомъ, и вообще всякій занимался, кто чѣмъ хотѣлъ; лѣвая же сторона наръ была закрыта занавѣсомъ, за которымъ помѣщались остячки, кои при входѣ также вертѣлись предъ кумиромъ. Наконецъ какъ всѣ собрались, шаманъ загремѣлъ саблями и копьями желѣзными, заблаговременно приготовленными, и лежавшими надъ кумиромъ на шестахъ; каждому изъ предстоящихъ, кромѣ женщинъ, далъ или саблю, или копье, а самъ, взявъ по саблѣ въ ту и другую руку, сталъ къ кумиру спиною. По полученіи сабель обнажен-

---

[1]) Новицкій, стр. 49—53.

ныхъ и копій, остаки стали вдоль юрты рядами и на нарахъ также выстроились, повернулись всѣ вдругъ по три раза, держа предъ собою сабли и копья. Шаманъ ударилъ своими саблями одна о другую, и тогда, по командѣ его, разными голосами вдругъ загайкали [1]), качаясь изъ стороны въ сторону. Гайкали то рѣдко, то вдругъ, очень часто, то опять рѣдко, не отставая одинъ отъ другого и при каждомъ повтореніи *гай*, переваливались то направо, то налѣво, осаживая копья и сабли нѣсколько книзу и подымая вверхъ. Крикъ сей и движеніе или перевалка остяковъ продолжались около часу.

Остяки чѣмъ болѣе кричали и качались, тѣмъ болѣе, казалось, приходили въ нѣкоторый родъ изступленія, такъ что я безъ ужаса не могъ глядѣть на лица ихъ... Нагайкавшись довольно, всѣ замолкли и перестали качаться; перевернувшись попрежнему отдали сабли и копья шаману... Послѣ этого остяки сѣли, иные на нарахъ, другіе на полу. Тогда завѣса, скрывавшая остячекъ поднялась, заиграли на домрѣ и остяки съ остячками начали плясать. Пляска сія попеременно была то дика, то забавна, то слишкомъ неблагопристойна и продолжалась весьма долго. Являлись также между тѣмъ на сцену въ разныхъ каррикатурныхъ нарядахъ шуты или комедіанты, изображавшіе такъ же, какъ и въ пляскахъ, подобныя глупости. Затѣмъ шаманъ снова раздалъ сабли и копья. Остяки, получа ихъ, какъ и прежде, перевернулись, довольно времени также гайкали, опять перевернулись; въ заключеніе стукнувъ концами сабель и копій въ полъ по три раза, отдали ихъ обратно и разошлись по своимъ юртамъ" [2]).

Этотъ очевидецъ ничего не говоритъ о жертвахъ, которыя несомнѣнно приносились на праздникахъ въ честь того или другого бога, но это потому, что онъ не дождался окончанія празднества, которое совершалось не въ одинъ вечеръ, а продолжалось по нѣсколько дней.

---

[1]) Авторъ этого описанія, очевидно, не понялъ значенія остяцкихъ криковъ: они не гайкали, а кричали *хай*—что значитъ богъ, т. е. крики ихъ были взываніемъ къ богу. Слово хай-самоѣдское, но у обдорскихъ остяковъ много словъ самоѣдскихъ.

[2]) Чтенія в. Общ. И. и Др. 1871 г. кн. II смѣсь стр. 11—12.

Но не всегда общія жертвоприношенія совершались по иниціативѣ самого народа; иногда починъ принадлежалъ шаману. Желая попировать на счетъ вѣрующихъ, онъ, по выраженію Новицкаго, отверзалъ несытую гортань свою и объявлялъ, что боги требуютъ приношенія жертвъ; боязливый народъ внималъ гласу жреца и велъ своихъ оленей на жертву.

Что же касается частныхъ жертвоприношеній, совершаемыхъ отдѣльными лицами, то они были очень часты. Если напр., кто заболѣетъ и обратится къ шаману за помощью, то жертва необходима: по вѣрованію остяковъ и вогуловъ каждая болѣзнь происходитъ отъ злого духа—послѣдній входитъ въ человѣка и мучаетъ его. Изгнать духа можетъ только шаманъ. Поговоривши съ духомъ обыкновеннымъ способомъ, шаманъ объявляетъ просителю, что духъ требуетъ жертвы и иногда даже указываетъ какой. Опять жертвоприношеніе! За то шаманъ, получивши часть жертвеннаго животнаго, объявитъ больному—какой духъ его мучитъ и за что. Съ богами, однако, можно торговаться по поводу жертвъ и, если человѣкъ бѣдный, то они охотно идутъ на уступки: иногда богъ требуетъ себѣ въ жертву, напр., оленя самку и, если жертвоприносителю невыгодно отдавать ее, то онъ обращается къ шаману съ просьбой поговорить съ богомъ—нельзя ли въ жертву принести самца и, конечно, богъ соглашается. Впрочемъ бываетъ и такъ, что боги упорствуютъ относительно своихъ требованій, тогда за жертвоприносителя вступается шаманъ и угрозами вынудитъ у нихъ согласіе, заставитъ принять назначенную жертву. Вѣдь шаманы могущественны и упорнаго бога могутъ загнать за тридевять земель. „Для убѣжденія легковѣрной толпы, сообщаетъ Кастренъ, что богъ, дѣйствительно, говоритъ устами своими, шаманъ обыкновенно навязываетъ тряпку на остріе палки и, когда она начнетъ шевелиться, то это означаетъ, что духъ божій держитъ рѣчь къ шаману“.

Желаетъ ли кто имѣть удачу въ какомъ-нибудь предпріятіи,—тоже обращается къ богамъ и также приноситъ имъ кровавую жертву и пр. и пр. Эти частыя жертвоприношенія въ высшей степени вредно вліяли на хозяйство остяковъ и вогуловъ, особенно, если возьмемъ во вниманіе, что предметами кровавыхъ

жертвъ были преимущественно олени, а олень составлялъ все для сѣвернаго сибирскаго инородца: это замѣчательное домашнее животное перевозило владѣльца, давало ему молоко, мясо и одежду; такъ что, кто имѣлъ нѣсколько оленей, тотъ могъ жить, какъ говорится, припѣваючи. Этого мало: нѣкоторые разсчитывая на помощь боговъ, и не имѣя скота, чтобы принесть имъ жертву и тѣмъ купить у нихъ помощь, отдаютъ въ закладъ, въ работу жену и дѣтей и даже продаютъ ихъ, чтобы пріобрѣсти оленя или лошадь для жертвы. Отдаютъ въ залогъ или продаютъ женъ и дѣтей, конечно, въ надеждѣ выкупить послѣ удачи. „Но, замѣчаетъ Новицкій, лестію сею иногда погубляемъ бываетъ: иская благъ, ничесо же обрящетъ, а не имѣя чѣмъ искупить, жены и чадъ лишается. Итако мнимый ихъ благъ датель, боготворимый въ идолѣхъ духъ лжи утаенною лестію безвѣстно сихъ невѣжей истребляетъ имѣнія, и чаяніемъ будущихъ имущая погубляютъ“. Вслѣдствіе такихъ частыхъ жертвоприношеній, замѣчаетъ тотъ же наблюдатель, остяки пришли въ нищету и крайнее разореніе [1])

Смерть главы дома или его жены, или кого-нибудь изъ взрослыхъ домочадцевъ, также вызывала большіе расходы у остяковъ и вогуловъ. Послѣдніе вѣрили по своему въ загробную жизнь, вѣрили, что человѣкъ и послѣ смерти будетъ жить тою же жизнію, какою жилъ на землѣ, будетъ нуждаться въ земныхъ предметахъ. Поэтому съ умершимъ кладутъ въ яму — одежду, лукъ, стрѣлы, топоръ, котелъ и пр., т. е. необходимыя орудія, которыми инородецъ добываетъ себѣ пищу и посуду, въ которой варитъ. Покойнику еще нужно, чтобы было на чемъ ѣздить въ загробной жизни и вотъ его родственники на могилѣ закалываютъ оленей запряженныхъ въ нарты и также кладутъ въ яму вмѣстѣ съ умершимъ; нѣкоторые же зажиточные инородцы клали въ могилу покойниковъ даже „всякое серебряное посудье“. Русскіе служилые люди знали объ этомъ, раскапывали могилы остяковъ, вогуловъ, самоѣдовъ и др. инородцевъ и забирали изъ нихъ цѣнныя вещи. Мы знаемъ нѣсколько челобитныхъ сибирскихъ инородцевъ, въ которыхъ они

---

[1]) „Краткое описаніе объ ост. народѣ“, стр. 53.

жалуются царю на раскопку могилъ служилыми людьми и на похищеніе ими „животовъ“ покойниковъ.

Какъ сильна была вѣра у угорскихъ народовъ въ загробную жизнь умершаго, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ обычаямъ, которые у нихъ существовали. При проводахъ умершаго въ могилу, его свойственники царапали себѣ лицо до крови, рвали волосы и бросали ихъ на покойника въ той увѣренности, что послѣдній придетъ потомъ и посмотритъ, насколько его родные проявляли къ нему любовь и соотвѣтственно этому будетъ относиться и къ нимъ. Или такой въ высшей степени странный и оригинальный обычай. Жена по смерти мужа дѣлаетъ изъ дерева идола, долженствовавшаго изображать покойника и одѣваетъ его въ тѣ одежды, которыя носилъ мужъ. Съ этимъ балваномъ она обращается также, какъ съ живымъ мужемъ: за столомъ сажаетъ его на первое мѣсто, а когда ложится спать, то кладетъ балвана съ собою, обнимаетъ и цѣлуетъ его. Такъ продолжается годъ, два и три, а потомъ идола зарываютъ въ могилу. Кастренъ передаетъ, что балвана хоронятъ только черезъ три года послѣ смерти покойника: инородцы думаютъ, что тѣло покойника за это время уже совершенно сгнило и съ нимъ вмѣстѣ окончилось и его безсмертіе [1]. Это объясненіе не вѣрно. Опредѣленнаго времени для пребыванія балвана въ домѣ не было: однѣ жены держали только нѣкоторое время, другія годъ и болѣе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Новицкій, прожившій достаточное время среди остяковъ, чтобъ присмотрѣться къ ихъ обычаямъ. Притомъ ни у одного народа нѣтъ такого понятія о безсмертіи души, чтобъ это безсмертіе продолжалось только три года. Если-бъ остяки вѣрили, что безсмертіе души покойника кончается вмѣстѣ съ сгніеніемъ тѣла, то они сами разрывали бы могилы чрезъ извѣстное время и забирали бы „всякое серебряное посудье“, которое клали съ умершимъ, но они этого никогда не дѣлали въ той увѣренности, что это добро всегда необходимо покойнику. Мы также знаемъ, что у остяковъ и вогуловъ былъ обычай поминовенія умершихъ и это поминовеніе, сопровождавшееся закланіемъ оленей на

[1]) Этнограф. сборникъ 1858 г. вып. IV, стр. 311.

могилахъ покойниковъ, также не ограничивалось извѣстнымъ временемъ. По нашему мнѣнію упомянутый обычай объясняется такимъ образомъ. Инородцы вѣрили, какъ мы выше говорили, что умершіе шаманы и выдающіеся люди дѣлаются богами, живутъ подъ видомъ духовъ вѣчно и могутъ дѣлать человѣку добро и зло. Простые смертные, хотя послѣ смерти и не причислялись ими къ богамъ, но души ихъ жили загробною жизнію вѣчно, какъ низшіе духи и также могли вредить живущимъ на землѣ. Поэтому, если жена воздаетъ нѣкоторое время почести идолу изображающему мужа, то она это дѣлаетъ ради того, ради чего его свойственники во время похоронъ царапаютъ лицо до крови, рвутъ волосы и т. п., т. е. этимъ стараются высказать любовь, жалость къ умершему и подкупить послѣдняго, чтобъ онъ не дѣлалъ имъ вреда. А боязнь умершихъ основывается на вѣрѣ, что они продолжаютъ жить подъ видомъ духовъ. Доселѣ мы говорили о кровавыхъ жертвахъ, но у остяковъ и вогуловъ были и другія, которыя приносились безъ шамана, самими вѣрующими. Предметами жертвъ были сукна, полотна; ими обвивали идола и отъ частыхъ такихъ жертвоприношеній послѣдній такъ утолщался, что представлялъ изъ себя цѣлую гору; другіе бросали ему шкуры звѣрей, даже лоскутки и пр. Но нѣкоторые жертвовали и серебрянныя вещи. Русскіе служилые люди не разъ забирались въ инородческія кумирни и ограбляли ихъ точно также, какъ и могилы [1].

Такъ жили остяки и вогулы, такія имѣли религіозныя вѣрованія и обряды, когда бывшій митрополитъ Сибирскій, схимонахъ Ѳедоръ явился къ нимъ съ проповѣдію христіанскаго ученія.

III.

„Сколько бы не было въ Сибири проповѣдниковъ, писалъ въ Сѵнодъ, ок. 1722 г. тобольскій митр. Антоній, всѣмъ было-бы здѣ мѣсто: жатва многа зѣло“.

Послѣдніе два русскихъ патріарха Іоакимъ и особенно Адріанъ мало занимались дѣлами церкви и ровно ничего не дѣ-

[1]) Р. И. Б. т. II № 91.

лали для распространенія христіанской религіи между язычниками, магометанами и буддистами, населявшими обширную окраину московскаго государства—Сибирь. Между тѣмъ церковныя реформы, такъ сказать, уже стучались въ дверь; необходимость ихъ ясно сознавалась лучшими духовными и свѣтскими чинами. Уже въ Сибири въ разныхъ мѣстахъ между язычниками ходили учители магометанскіе и буддійскіе и совращали ихъ въ свою вѣру. Тамъ не было только проповѣдниковъ христіанской религіи; только представители русской православной церкви—патріархи относились къ дѣлу христіанской миссіи въ Сибири съ непонятнымъ и непростительнымъ безучастіемъ! Такимъ бездѣйствіемъ высшая русская духовная власть, какъ бы сама передавала свое право на заботы о церкви и о христіанской миссіи между иновѣрными подданными московскаго государства въ руки власти свѣтской. Подобнымъ положеніемъ дѣла естественно долженъ былъ воспользоваться дѣятельный и энергичный московскій царь. Петръ I-й только что возвратился изъ заграничнаго путешествія и не смотря на то, что его голова была занята серьезнѣйшими и разнообразными государственными дѣлами внутренней и внѣшней политики, онъ въ тоже время думалъ и о дѣлахъ религіозныхъ, о проповѣди христіанскаго евангелія своимъ иновѣрнымъ подданнымъ. Уже въ іюнѣ 1700 г. онъ даетъ указъ относительно праздной въ то время каѳедры Сибирской Митрополіи, въ которомъ читаемъ: „назначить пастыря не только добраго и благаго непорочнаго житія, но и ученаго, который могъ бы Божіей помощью исподволь въ Китаѣ и въ Сибири пребывающихъ въ слѣпотѣ идолослуженія и прочихъ закоснѣлыхъ въ невѣріи людей приводить въ познаніе и служеніе и поклоненіе истиннаго живаго Бога, и привелъ бы съ собою добрыхъ и ученыхъ непрестарѣлыхъ иноковъ двухъ или трехъ человѣкъ, которые могли бы научаться китайскому и монгольскому языку“... Петръ хорошо понималъ, что проповѣдь христіанскаго ученія разнымъ язычникамъ только тогда будетъ успѣшна, если предлагать её на ихъ родномъ языкѣ и хорошо также зналъ, къ кому обратиться для выполненія намѣченной имъ задачи, именно, къ малороссійскому духовенству, которое получало образованіе въ

Кіевской Академіи. Тогдашній Кіевскій митрополитъ получилъ предписаніе найти достойнаго человѣка для занятія каѳедры Сибирской Митрополіи „въ малороссійской своей области городахъ и монастыряхъ изъ архимандритовъ и игуменовъ или иныхъ знаменитыхъ иноковъ“...[1]).

Насколько Петръ ревностно относился къ дѣлу христіанской миссіи въ Сибири, можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующихъ фактовъ. Упомянутый указъ данъ былъ имъ то время, когда онъ начиналъ борьбу съ могущественною Швеціей, не имѣя ни регулярнаго войска, за исключеніемъ нѣкоторыхъ полковъ, ни хорошаго вооруженія. А потому начало войны было очень неудачное: осенью этого года русскія войска были разгромлены подъ Нарвою Карломъ XII. Казалось бы послѣ этого, что Петръ долженъ былъ забыть о христіанскомъ просвѣщеніи сибирскихъ инородцевъ, отложить это дѣло до болѣе благопріятнаго времени, а всѣ свои силы, всё вниманіе сосредоточить на борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ: вѣдь пораженіе подъ Нарвою при иномъ ходѣ сѣверной войны могло окончиться пораженіемъ цѣлаго дѣла, замышляемаго русскимъ монархомъ. Что же мы видимъ на дѣлѣ? Создавая новое войско и новое вооруженіе, Петръ не перестаетъ думать и объ отдаленныхъ своихъ иновѣрныхъ подданныхъ, о проповѣди имъ евангелія. Уже чрезъ три мѣсяца послѣ нарвскаго пораженія онъ даетъ имянной указъ, которымъ дворянину Андрею Городецкому велѣно быть въ Софійскомъ домѣ у архіерея приказнымъ человѣкомъ *для утвержденія и расширенія словесъ Божіихъ;* на софійскомъ дворѣ или гдѣ прилично построить училище поповскихъ, дьяконовскихъ и церковниковъ дѣтей, ребятокъ учить грамотѣ, а потомъ славянской грамматикѣ и прочимъ на славянскомъ языкѣ книгамъ, и катехизисъ православный, напеч. въ Москвѣ 1696 г., могли совершенно знать и *удостоясь въ чинъ священства народъ учить и многочисленныхъ въ Сибири иноземцевъ, не вѣдающихъ Создателя Господа Бога, приводить въ познаніе истинной вѣры могли и по тому ко святому крещенію искать расширенія до самаго Государства Китайскаго*“[2]).

---

[1]) П. С. З. Р. И. т. IV № 1800, стр. 60.

[2]) Чт. Общ. Ист. и Древн. 1863 г. кн. IV см. „Челобитная Филофея“ стр. 25.

Но вотъ еще интересное распоряженіе Петра. Въ самомъ началѣ 1702 г. онъ послалъ указъ березовскому воеводѣ, которымъ повелѣвалось послѣднему прислать къ будущей зимѣ 1703 г. въ Москву трехъ или четырехъ человѣкъ шамановъ, „которые бы совершенно шаманить умѣли... везти ихъ бережно и велѣть имъ взять съ собою, что къ тому шаманству надобно и ихъ не стращать, а сказать, что имъ будетъ наше великаго государя жалованье“. Конечно Петръ выписывалъ шамановъ вовсе не для того только, чтобы посмотрѣть на ихъ комендіанство; нѣтъ, онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду серьезныя цѣли. Шаманы, какъ мы выше говорили, пользовались огромнымъ вліяніемъ среди вѣрующихъ язычниковъ и, если бы удалось обратить ихъ въ христіанство, научить божественнымъ истинамъ, то они на родинѣ своей могли бы оказать великую услугу дѣлу христіанскаго просвѣщенія березовскихъ остяковъ. Къ сожалѣнію мы не знаемъ—чѣмъ кончился этотъ замыселъ государя. Березовскій воевода отписывалъ: въ нынѣшнемъ 1703 г. января 2 ясачный сборщикъ привезъ въ Березовъ двухъ самоѣдскихъ шамановъ и они въ съѣзжей избѣ были допрошены—какое за ними есть шаманство. И тѣ шаманы въ бубенъ били и кричали, „а иного де шаманства за ними нѣтъ никакого и я къ Москвѣ послать ихъ не смѣлъ, чтобъ въ проѣздѣ отъ Березова до Москвы тѣхъ шамановъ въ кормѣхъ и подводахъ вашей великаго государя казнѣ лишней истраты не было... а въ другихъ волостяхъ шамановъ не сыскано“. Само собою понятно, что березовскій воевода покривилъ душою. Не говоря уже о томъ, что шамановъ въ березовскомъ уѣздѣ легко можно было найти: они жили при каждомъ капищѣ или кумирнѣ, а эти послѣднія хорошо были извѣстны ясачнымъ сборщикамъ. А привезенные въ Березовъ два шамана не потому не отправлены въ Москву, что не выказали своихъ фокусовъ предъ воеводой, а просто они подкупили его, чтобы освободиться отъ такой далекой поѣздки. Изъ Москвы отвѣчали березовскому воеводѣ, что онъ сдѣлалъ не хорошо, не прислалъ шамановъ въ Москву, и, если впередъ не пришлетъ ради какихъ своихъ отговорокъ, то на немъ будетъ доправлена пеня. Писалъ тому же воеводѣ по указу государя и воевода тобольскій: „чтобъ въ

Березовѣ, Бѣлогорьѣ и въ Самояди и иныхъ волостяхъ велѣлъ сыскать шамановъ, которые о всякихъ дѣлахъ съ своими болванами говорятъ и ихъ спрашиваютъ и въ томъ шаманствѣ тѣ имъ болваны и въ Бѣлогорьѣ мѣдный гусь отповѣдь чинятъ"— велѣлъ такихъ сыскать и прислать въ Тобольскъ безъ всякихъ отговорокъ [1]). Но не смотря на эти повторительные указы, кажется, березовскій воевода не исполнилъ даннаго порученія; по крайней мѣрѣ мы не знаемъ о пріѣздѣ въ то время шамановъ въ Москву.

Все это мы говоримъ къ тому, чтобы показать, насколько сильно занимала Петра мысль о крещеніи сибирскихъ инородцевъ, а дальнѣйшее еще болѣе покажетъ ревность его въ этомъ великомъ дѣлѣ. Между тѣмъ въ это самое время состоялся выборъ лица для занятія каѳедры Сибирской митрополіи: онъ палъ на человѣка вполнѣ достойнаго Филоѳея Лещинскаго, настоятеля Брянскаго свѣнскаго монастыря. Лещинскій, по происхожденію малороссъ, родился въ 1650 г., а образованіе получилъ въ Кіевской Академіи. Свое служеніе церкви онъ началъ въ санѣ священника, но скоро овдовѣлъ и принялъ монашество въ Кіево-Печерской лаврѣ. Здѣсь онъ въ качествѣ эконома завѣдывалъ обширнымъ хозяйствомъ Лавры и значитъ могъ хорошо познакомиться съ хозяйственными дѣлами. Затѣмъ Филоѳей дослужился до сана архимандрита и сдѣланъ настоятелемъ Брянскаго монастыря. Въ этой должности онъ испробовалъ свои административныя способности. Вообще этотъ человѣкъ былъ достаточно подготовленъ къ занятію каѳедры Сибирской митрополіи, въ которой царилъ необыкновенный безпорядокъ, а хозяйство тобольскаго архіерейскаго дома, благодаря болѣзни предшественника Филоѳея—митрополита Игнатія, пришло въ крайнее разстройство.

Въ началѣ января 1702 г. Филоѳей прибылъ въ Москву, хиротонисанъ въ митрополита Сибирскаго и послѣ хиротоніи немедленно съ нѣсколькими помощниками отправился въ Тобольскъ.

Живя постоянно въ Малороссіи, Филоѳею трудно было узнать—

---

[1]) Памятники Сиб. Ист. XVIII в. кн. 1, № 62.

что такое Сибирь, какъ живетъ тамъ русское христіанское население. Прибывъ же къ своей паствѣ, онъ не могъ не поразиться крайнею нравственною и религіозною ея распущенностью: ему здѣсь пришлось встрѣтиться съ такими явленіями въ нравственной и религіозной жизни русскаго населенія, которыхъ онъ вѣроятно никогда не наблюдалъ. „Отцы со дочерями, а братья съ сестрами, пишетъ онъ въ своемъ донесеніи, живутъ блудно и того есть много. Невольно ли архіерею истязовать тѣхъ людей, которые неистово живутъ, спрашиваетъ Филоѳей, и противно нашей православной христіанской вѣрѣ: церкви Божіей никогда не знаютъ, духовныхъ отцовъ не имѣютъ и Божественныхъ таинъ не причащаются“ [1]). Это сообщеніе Филоѳея показываетъ, что русское сибирское населеніе находилось въ такомъ же нравственномъ состояніи, въ какомъ оно было и при первомъ тобольскомъ архіепископѣ Кипріанѣ, который столь темными красками описывалъ его въ своей грамотѣ къ патріарху Филарету. Но при Кипріанѣ не было еще на Руси раскола, а Филоѳей встрѣтился въ Сибирѣ съ расколомъ въ развитомъ его состояніи, дошедшемъ до крайнихъ предѣловъ безобразія. Въ сибирскую окраину ссылались главари раскола, его первые піонеры, люди фанатичные, которые смѣялись и издѣвались и надъ обрядами православной церкви и надъ самымъ православнымъ духовенствомъ, все это въ большинствѣ случаевъ проходило имъ въ Сибири совершенно безнаказно. До какой дерзости доходили тамъ раскольники, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Въ концѣ XVII в. одна женщина, принявъ въ церкви Святыя Тайны, выплюнула и публично топтала ихъ ногами; этотъ примѣръ въ Сибири не единственный. Три старика раскольника публично обругали въ первый день пасхи митрополита Павла за то, что онъ совершалъ литургію по новымъ книгамъ; въ 1682 г. раскольники почти весь городъ Тюмень превратили въ пепелъ, а въ 1687 г. въ первый день пасхи, въ самую заутреню, раскольники подожгли церковь села Каменки и такимъ образомъ погубили до 400 чел. православныхъ. Самосожженія раскольниковъ въ кон-

---

[1]) Арх. М. Ю., Сиб. Прик., кн. № 1402, л. 123.

цѣ XVII и начала XVIII вв. были въ самомъ разгарѣ: они сожигали себя съ семействами сотнями и даже тысячами за разъ. Объ этихъ поступкахъ отщепенцевъ православной церкви митрополитъ Филоѳей легко могъ узнать въ Тобольскѣ, да и самъ могъ наблюдать во время управленія сибирской митрополіей. Ничего подобнаго онъ не видѣлъ въ Малороссіи, и какъ человѣкъ глубоко религіозный и усердный ревнитель православія, не могъ равнодушно отнестись къ расколу. Вотъ почему нечего удивляться, если Филоѳей предлагалъ Петру самыя крутыя мѣры противъ раскольниковъ. Одинъ пунктъ его „доносительныхъ статей" царю гласилъ: „Церковныхъ раскольщиковъ, отступившихъ отъ святой церкви и въ упрямствѣ необратно стоявшихъ, истребляти, а прочихъ церковныхъ раскольниковъ, гдѣ явятся, всякими наставленьями приводить до соединенія св. Церкви, а не покоряющихся, домы ихъ разграблять на Великаго Государя, а ихъ смерти предавати". Относительно сибирскихъ раскольниковъ даже Петръ измѣнилъ свои убѣжденія; онъ отличался вѣротерпимостью и религіозныя преслѣдованія были не въ его духѣ. „Господь далъ царямъ, говорилъ онъ, власть надъ народами, но надъ совѣстію людей властенъ одинъ Христосъ". И въ своихъ указахъ относительно раскольниковъ онъ совѣтывалъ духовнымъ властямъ: „съ противниками церкви съ кротостію и разумомъ поступать по апостолу, а не жестокими словами и не отчужденіемъ". Но расколъ въ Сибири заявилъ себя воинствующимъ и пропагандирующимъ, съ необыкновенною дерзостію относящимся къ господствующей церкви. А извѣстно, что Петръ строго запрещалъ въ Россіи пропаганду, какъ раскольникамъ, такъ протестантамъ и католикамъ и ослушниковъ не щадилъ. Вотъ почему онъ вполнѣ согласился на тѣ мѣры противъ раскола въ Сибири, которыя предлагалъ Филоѳей. Указъ 1704 г. гласилъ: „раскольниковъ отсылать къ митрополиту, а ему ихъ разговаривать всякими мѣрами накрѣпко, чтобъ они отъ такого дѣла перестали и буде тѣ раскольники пріидутъ въ повиновеніе сибирской церкви и ихъ для исправленія посылать въ монастырь подъ началъ; а которые раскольники на покаяніе не придутъ и тѣхъ съ митрополья двора отсылать къ розыску въ приказную палату къ

боярину и воеводамъ... а по розыску велѣть ихъ казнить смертію, жечь [1]). Разспросилъ Филоѳей и про инородческій міръ и что же онъ могъ узнать? Язычники погрязли въ своемъ отвратительномъ идолопоклонствѣ и еще приносили человѣческія жертвы идоламъ. Магометане пропагандируютъ свое ученіе въ чужомъ государствѣ и это проходитъ имъ безнаказанно. Они свили себѣ прочное гнѣздо въ самомъ Тобольскѣ. Тамъ между русскими жило много татаръ и бухарцевъ, послѣдователей ислама, людей богатыхъ, захватившихъ въ свои руки почти всю торговлю въ Тобольскѣ; ихъ мечети стояли около русскихъ православныхъ церквей и производили соблазнъ: магометанскіе муэдзины, иногда, во время богослуженія въ христіанскихъ храмахъ кричали съ своихъ минаретовъ, призывая правовѣрныхъ на молитву и тѣмъ нарушали чинъ православнаго богослуженія; во время крестныхъ ходовъ мимо мусульманскихъ дворовъ татары стояли въ шапкахъ и издѣвались надъ обрядомъ православной церкви; во время великаго поста они позволяли себѣ всякое веселье на соблазнъ христіанамъ. Еще архіепископъ Сѵміонъ, возмущенный этими безобразіями тобольскихъ магометанъ, просилъ правительство переселить послѣднихъ изъ центра Тобольска въ другія улицы, но правительство отнеслось къ этому представленію слишкомъ равнодушно и не сдѣлало соотвѣтствующаго распоряженія.

Словомъ митрополиту Филоѳею было чѣмъ поражаться. Ему предстояло много дѣла въ новой должности и, нужно сказать правду, онъ не сидѣлъ сложа руки, а съ перваго же года своего служенія въ Сибири началъ энергичную дѣятельность. Уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда въ Тобольскъ Филоѳей отправилъ Петру „доносительныя статьи“. Они охватывали самыя разнообразныя дѣла, входящія въ кругъ вѣдѣнія сибирскаго митрополита: въ нихъ Филоѳей трактуетъ о поведеніи раскольниковъ и магометанъ, о хозяйственныхъ дѣлахъ Софійскаго дома, о недостаточномъ матеріальномъ обезпеченіи нѣкорыхъ причтовъ, о невмѣшательствѣ воеводъ въ духовные суды, о тобольскихъ школахъ, о крещеніи инородцевъ и пр. Мы не

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 1402 и 125.

намѣрены обозрѣвать всю дѣятельность Филоѳея, какъ сибирскаго митрополита, а будемъ говорить только о миссіонерской его дѣятельности,—о томъ, что непосредственно относится къ нашей темѣ.

Филоѳей сознавалъ, что для распространенія и утвержденія христіанства между иновѣрцами обширной Сибири нужно много дѣятелей не только энергичныхъ, но и образованныхъ, особенно для борьбы съ исламомъ и буддизмомъ. Но гдѣ ихъ взять? Сибирское духовенство было невѣжественно; не говоря уже о дьяконахъ или дьячкахъ, даже священники были едва грамотные, большинство ихъ не получило никакого школьнаго образованія и умѣло только читать и писать. Монастыри сибирскіе были наполнены людьми преимущественно простаго званія и совершенно безграмотными. И вотъ новый сибирскій митрополитъ рѣшилъ поднять уровень образованія сибирскаго духовенства основаніемъ особой школы въ Тобольскѣ. Въ послѣднемъ уже существовала общая школа, устроенная Городецкимъ и называющаяся „латинской", а Филоѳей задумалъ основать еще школу славянскую, которая бы имѣла главною цѣлью подготовленіе молодыхъ людей для достойнаго занятія должностей священнослужителей и церковнослужителей, и которая давала бы для Сибири хорошихъ проповѣдниковъ Слова Божія. „Для вспоможенія Церкви Святой и расширенія Православной Христіанской вѣры, писалъ Петру митрополитъ, школамъ быть въ Тобольску, и учить граматикѣ словенской и латинской, а учителями промышлять одному и учениковъ понудить, которые до того понадобятся отъ всякаго чина дѣти, а для скудныхъ дѣтей на покупку къ тѣмъ наукамъ потребныхъ книгъ, чтобъ учинить вспоможеніе изъ государевой казны"... Но школа не скоро еще дастъ дѣятелей, а Филоѳею хотѣлось немедленно заняться проповѣдью христіанской религіи между сибирскими инородцами, да и для школы необходимы преподаватели, поэтому онъ просилъ царя: монахамъ кіевскимъ разрѣшить пріѣздъ въ Сибирь и отъѣздъ вольный; ибо безъ проповѣдниковъ Слова Божія и учителей школьныхъ быть невозможно,—прислать въ Тобольскъ дьякона Кіево-Печерской обители Пахомія Арамашенко, который „зѣло угоденъ до проповѣди Слова Божія", замѣ-

чаетъ Филоѳей. Просилъ также разрѣшенія завести при Софійскомъ домѣ печатню и дать для ея устройства средства изъ казны. Въ тѣхъ же доносительныхъ статьяхъ мы находимъ особый пунктъ относительно крещенія иновѣрныхъ. „Буде иноземцы, говорится тамъ, похотятъ креститься въ Православную Христіанскую вѣру своею волею, и чтобъ тѣмъ иноземцомъ ко крещенію приходить свободно, безъ ясачныхъ убытковъ, и никому не возбраняти".

Петръ Великій въ высшей степени внимательно отнесся къ донесенію митрополита Филоѳея: „доносительныя статьи" послѣдняго получены въ Москвѣ 31 дек., а уже 20 января царь слушалъ ихъ и постановилъ соотвѣтственныя рѣшенія. Относительно школы при Софійскомъ домѣ Петръ далъ свое согласіе и повелѣлъ недостаточнымъ ученикамъ давать изъ государевой казны на одежду по двѣ деньги на день, а пропитаніе ихъ на счетъ софійскихъ доходовъ. И въ то же время Петръ писалъ: „Преосвященному митрополиту паче простираться въ ученіе Славяно-Россійской граматикѣ и чтобъ вся, яже попу, или діакону надобно знать, изучились и православной вѣры катехизисъ достаточно знали, и по согласію содержащей въ ней артикулъ умѣли, и людей мірскихъ учили". Монахамъ кіевскимъ разрѣшенъ вольный пріѣздъ въ Сибирь и отъѣздъ. Относительно крещенія иноземцевъ Петръ постановилъ такое рѣшеніе, „которые иноземцы похотятъ волею своею креститься въ православную христіанскую вѣру и ихъ крестить, а неволею никакихъ иноземцевъ не крестить, и ясакъ съ нихъ не складывать, только ихъ спрашивать, какой ради причины приходятъ ко святому крещенію и вѣрѣ православной, велѣть учинить имъ исповѣдь; которые татары, или иные иноземцы, пойманы въ смертныхъ винахъ, и похотятъ креститься на томъ, чтобъ быть имъ живымъ, и такихъ буде съ вѣрою совершенною приступаютъ, окрестя и давъ имъ время довольное на покаяніе, потомъ учинить по Уложенію и Градскимъ Законамъ, да всякія беззаконія истребятся; а которые языка, ниже вѣры свѣдомы, и тѣхъ скоро не кристить, да не будетъ вѣрѣ православной отъ нихъ наруганій, дѣлать въ томъ со многимъ опасьствомъ и разсмотрѣніемъ, испытуя вины, чего ради который ино-

земецъ крещенія пожелаетъ, внимали бъ словесы Спасителевы, реченныя: „аще кто вѣруетъ и креститься, спасенъ будетъ“.

Только въ дѣлахъ, сопряженныхъ съ матеріальными расходами для казны и въ то же время дѣлахъ терпимыхъ, царь или не вполнѣ удовлетворилъ просьбы Филоѳея, или совсѣмъ отказалъ. Такъ, напр., не разрѣшилъ устроить типографію при Софійскомъ домѣ, отказалъ въ жалованьѣ софійскимъ соборянамъ и т. п. Въ слѣдующемъ году Филоѳей билъ челомъ государю, чтобы школы латинскія, которыя на воеводскомъ дворѣ, быть на архійскомъ и вѣдать ихъ архіерею. Дьякъ Петра Андрей Виніусъ относительно этой просьбы сдѣлалъ такого рода помѣтку. „По указу государя велѣно быть двумъ школамъ въ Тобольскѣ. Первой у митрополита и учить поповскихъ, дьяконскихъ и прочихъ чиновъ духовныхъ до церкви надлежащихъ; а вѣдать ихъ митрополиту. Во второй школѣ учить дворянскихъ, служилыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей—дѣтей граматикѣ, ариѳметикѣ, тиктурѣ и прочимъ тѣмъ подобнымъ. А школу и учителей вѣдать боярамъ и воеводамъ для того, что тѣ науки духовнаго чина людямъ не надлежатъ“. Однако Петръ посмотрѣлъ на дѣло иначе и указомъ 1704 г. повелѣлъ и латинскую школу подчинить вѣдѣнію митрополита [1]).

Вообще Петръ относился съ величайшимъ довѣріемъ къ новому сибирскому митрополиту, а тамъ, гдѣ дѣло касалось распространенія христіанства въ Сибири, онъ оказывалъ ему всякую помощь.

Первые шаги Филоѳея на пути миссіонерства были неудачны. Въ 1704 г. царское посольство отправлялось къ одному изъ значительныхъ монгольскихъ хановъ Кутухтѣ, исповѣдующему буддизмъ. Филоѳей рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и просилъ Петра, чтобъ онъ позволилъ двумъ его монахамъ сопровождать это посольство и даже остаться у Кутухты для изученія монгольскаго языка и христіанской проповѣди. Царь далъ свое согласіе и въ тоже время повелѣлъ сибирскимъ воеводамъ давать монахамъ подводы и кормъ и дѣлать всякое вспоможеніе. Хотя мы и не знаемъ чѣмъ кон-

---

[1]) Арх. М. Ю. Пр. кн. № 1402.

чилось это дѣло Филоѳея, но несомнѣнно, оно не имѣло никакого успѣха: монахи возвратились назадъ и ни съ чѣмъ. Однако Филоѳей былъ настойчивъ и рѣшился повторить тотъ же опытъ. Въ 1706 г., въ бытность свою въ Москвѣ, онъ просилъ Петра: „чтобъ снова послать до Кутухты людей мудрыхъ, которыхъ нарочно везу съ собою на то дѣло, дабы тѣ люди пожили у Кутухты и изучились мунгальскаго языка для лучшей проповѣди христіанской вѣры“. Этого мало: Филоѳей даже просилъ у царя разрѣшенія самому повидаться съ Кутухтою въ то время, когда онъ будетъ обозрѣвать свою сибирскую митрополію: „бо недалече отъ твоихъ крайнихъ городовъ, пишетъ Филоѳей, онъ Кутухта кочуетъ“ [1]). Какъ на эту новую просьбу ревнителя христіанства посмотрѣлъ Петръ намъ неизвѣстно, но, по всей вѣроятности, Филоѳей получилъ отказъ въ виду неудачи перваго посольства къ Кутухтѣ. Нѣсколько удачнѣе была миссія, посланная въ 1705 г. въ Камчатку: архимандриту Мартеніану (изъ кіевскихъ монаховъ) удалось крестить нѣкоторыхъ камчадаловъ, но вслѣдствіе частыхъ возмущеній этихъ инородцевъ, вызываемыхъ насиліями русскихъ казаковъ, этотъ первый проповѣдникъ христіанства въ Камчаткѣ принужденъ былъ скоро оставить тотъ край. Кажется въ томъ же году митрополитъ Филоѳей впервые завелъ сношенія и съ остяками, именно съ ляпинскимъ княземъ Шешукой и съ княземъ обдорскимъ Тучабалдой. Неизвѣстно какимъ образомъ велись эти сношенія, только упомянутые князья „дали руки креститься“. Можетъ быть этотъ первый успѣхъ и заставилъ Филоѳея обратить преимущественное вниманіе на угорскія племена и ревностно заняться распространеніемъ среди нихъ христіанства.

Въ 1706 г. сибирскій митрополитъ прибылъ въ Москву и подалъ Петру челобитную. „Державнѣйшій государь, писалъ въ ней Филоѳей, въ нынѣшнемъ 1706 г., по твоему великаго государя указу, пріѣхалъ я богомолецъ твой изъ Сибири къ Москвѣ ради церковныхъ дѣлъ, а какія дѣла и тѣмъ подъ сею челобитной роспись“.

1. Филоѳей просилъ объ учрежденіи епископіи въ Иркутскѣ

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 1451 л. 539.

и о посвященіи въ епископы архимандрита Туруханскаго монастыря Варлаама Косовскаго (изъ кіевскихъ монаховъ).

2. Чтобы въ Иркутскѣ, Енесейскѣ, Якутсквѣ и въ другихъ сибирскихъ городахъ, гдѣ пригодно, построить училища и собрать отъ всякаго чина „робятокъ“ и учить ихъ граматикѣ, дабы послѣ они и сами умѣли не только христіанъ учить, но и невѣрныхъ призывать къ христіанской вѣрѣ, дать о томъ грамоту къ воеводамъ, а учителямъ жалованье и на учебныя книги деньги выдавать изъ государевой казны.

3. О новомъ посольствѣ къ Кутухтѣ.

4. Чтобъ и мнѣ самому поѣхать въ нижніе города для церковнаго исправленія и чтобъ воеводы давали подводы.

5. Чтобъ указалъ государь по прежнему своему указу съ идоловъ брать подати для того, что они остяки, не хотя съ идоловъ давать подати, сами хотѣли ихъ жечь.

6. Чтобъ указалъ государь свободно, безъ всякаго страха невѣрнымъ обращаться къ христіанской вѣрѣ и „робятокъ у нихъ взять десятокъ и другой въ Березовѣ и учить ихъ божественнаго писанія“.

7. Чтобъ указалъ государь послать свою грамоту къ остяцкимъ князьямъ Шешукѣ и Тучабалдѣ. Дали они руки креститься, но только безъ государева указа не смѣютъ, а если будетъ такой указъ и тѣ князья крестятся,—да чтобъ какою милостію или честію ихъ потѣшить и чтобъ имъ по прежнему своими улусами владѣть.

13) О возобновленіи монастыря въ Березовѣ, основаннаго при митрополитѣ Игнатіи и упраздненнаго въ 1699 г. [1]).

Изъ этой челобитной сибирскаго митрополита мы выписали только тѣ пункты, которые такъ или иначе касаются распространенія и утвержденія христіанской вѣры въ Сибири. Не на всѣ предложенія Филоѳея могъ согласиться Петръ. Устройство училищъ въ Иркутскѣ, Енесейскѣ, Якутскѣ и другихъ сибирскихъ городахъ потребовало бы значительныхъ матеріальныхъ средствъ и это въ то время, когда московское государство вело тяжелую сѣверную войну, поглощавшую почти всѣ

---

[1]) Ibid. кн. № 1451 лл. 537—544.

государственные доходы. Если на Руси, въ старыхъ городахъ съ многочисленнымъ населеніемъ не было еще школъ, то можно ли было думать объ основаніи ихъ во многихъ сибирскихъ городахъ, гдѣ населеніе считалось только сотнями?! Не могъ Петръ согласиться и на обложеніе податями остяцкихъ идоловъ —это было бы въ высшей степени курьезно! Правда, онъ выдумывалъ разные налоги, какъ на бороду, усы, дубовые гробы и т. п., но предложеніе Филоѳея о налогахъ на идоловъ, вѣроятно, привело въ изумленіе и самаго Петра. Митрополитъ при этомъ предложеніи основывался на какомъ-то прежнемъ указѣ государя, но мы знаемъ, что такого указа не было. Впрочемъ, несомнѣнно, слухъ о подобномъ указѣ былъ въ это время распространенъ въ Сибири, произвелъ необыкновенный переполохъ среди идолопоклонниковъ и дошелъ до сибирскаго митрополита. Но остяки и вогулы легко могли повѣрить этому слуху, такъ какъ у нихъ сохранилось преданіе, что знаменитый завоеватель сибирскаго царства Ермилъ или Ермакъ Тимофеевичъ обложилъ податями ихъ идоловъ; преданіе это было еще на столько живо, что, когда разнесся вышеупомянутый слухъ, то инородцы уже рѣшились было пожечь своихъ идоловъ, лишь бы только не платить за нихъ податей. Другія же просьбы Филоѳея были удовлетворены и по поводу его челобитной уже въ ноябрѣ 1706 г. состоялся царскій указъ тобольскимъ воеводамъ. Имъ позволялось Филоѳею возобновить въ Березовѣ Воскресенскій монастырь, а игумену и братству этого монастыря назначалось казенное денежное и хлѣбное жалованье. Тобольскому воеводѣ предписывалось написать отъ себя въ Березовъ къ воеводѣ, чтобы послѣдній призвалъ ляпинскаго и обдорскаго князей и допросилъ ихъ — желаютъ ли они принять православную христіанскую вѣру. Если скажутъ, что желаютъ креститься, то обнадежить ихъ царскою милостію и жалованіемъ и объявить имъ, что они будутъ владѣть своими улусами и людьми по прежнему. А для крещенія указъ предписывалъ березовскому воеводѣ прислать остяцкихъ князей къ митрополиту, на Софійскій дворъ. „А буде преосвященный митрополитъ, читаемъ въ томъ же указѣ, самъ похочетъ ѣхать въ низовые города для

церковнаго исправленія и ему вездѣ давать подводы зимою и лѣтомъ [1]).

IV.

По возвращеніи изъ Москвы митрополитъ Филоѳей съ прежнею энергіей занимался дѣлами своей митрополіи. Прежде всего онъ занялся устройствомъ новой епархіи въ Сибири—иркутской: архимандритъ Туранскаго Троицкаго монастыря, Варлаамъ, въ 1707 г. былъ имъ посвященъ въ первые епископы этой епархіи. Обширный сибирскій край уже давно нуждался въ новой епископіи.

Въ тоже время Филоѳей отправилъ нѣкоторыхъ монаховъ къ березовскимъ и сургутскимъ остякамъ для проповѣди имъ христіанства. Первымъ христіанскимъ миссіонерамъ въ тѣхъ краяхъ не посчастливилось: возбуждаемые шаманами остяки съ ожесточеніемъ встрѣчали и провожали посланниковъ митрополита. Тѣмъ не менѣе имъ удалось убѣдить и крестить нѣсколько десятковъ язычниковъ, но видя малоуспѣшность своей проповѣди, они скоро оставили тотъ край и возвратилась въ Тобольскъ.

Филоѳей рѣшился самъ отправиться туда же съ проповѣдью евангелія и ждалъ только для осуществленія этого далекаго путешествія благопріятнаго времени. Между тѣмъ силы его ослабѣли: энергичная дѣятельность, борьба съ свѣтскими властями, постоянно вмѣшивавшимися въ духовныя дѣла, страшные безпорядки въ сибирской митрополіи, естественно раздражавшіе преосвященнаго и наконецъ суровый, непривычный климатъ подломили здоровье Филоѳея настолько, что онъ принужденъ былъ оставить митрополичью каѳедру и удалиться на покой въ Тюменскій монастырь, принявъ схиму съ новымъ именемъ Ѳеодора. „Казалось тогда, говоритъ біографъ Филоѳея Абрамовъ, что всѣ намѣренія и планы его вполнѣ распространить христіанскую вѣру въ Сибири заключились съ нимъ въ тѣсную келью, и, повидимому совершенно отказавшись отъ міра, больной отшельникъ хотѣлъ остатокъ дней своихъ провести въ глубокомъ уединеніи; но Господь устроилъ иначе" [2]). Только

---

[1]) Ibid. кн. № 1451, л. 545.

[2]) Жур. М. Н. Пр. 1846 г. ч. 52, стр. 82.

Абрамовъ не вѣрно замѣтилъ, что схимонахъ Θеодоръ намѣревался остатокъ дней своихъ прожить въ Тюменскомъ монастырѣ. Нѣтъ, его мечтою было, если только позволитъ здоровье, снова возвратиться въ Кіево-Печерскую Лавру и тамъ окончить жизнь свою. Такъ свидѣтельствуетъ современникъ Филоѳея Новицкій, и ему нѣтъ основанія не вѣрить: „И уже бѣста нозѣ намѣренны тещи къ тишайшему безмолвію, замѣчаетъ при этомъ онъ, обаче Вышняго правленіемъ обратишася къ громогласному благовѣствованію спасенія роду человѣческому".

Въ 1710 г. отъ 7 іюня бывшему сибирскому митрополиту прислана слѣдующая рѣшительная грамота о крещеніи сибирскихъ инородцевъ. „Отъ великаго государя царя и великаго князя Петра А. в. В. и М. и Б. Россіи самодержца, богомольцу нашему, бывшему митрополиту сибирскому и тобольскому. Сего іюня 6 дня вѣдомо намъ, великому Государю, учинилось, что которые новокрещенные тобольскіе и березовскіе и сургутскіе остяки жили въ Березовѣ и въ Коцкомъ монастырѣ, нынѣ тѣ непрестанно бываютъ въ юртахъ, въ которыхъ идолы остяцкіе. И какъ сей нашъ великаго государя указъ получишъ, то выбравъ по своему разсмотрѣнію изъ монаховъ или изъ священниковъ, человѣка добраго и велѣть ему... ѣхать внизъ великой рѣки Оби до Березова и далей, и *гдѣ нийдутъ по юртамъ остяцкимъ ихъ прелестные мнимые боги шайтаны, тѣхъ огнемъ палить и рубить* и капища ихъ *разорить*, а вмѣсто тѣхъ капищъ часовню строить и святыя иконы поставляти, и ихъ остяковъ приводить ко крещенію и къ познанію единаго въ Троицы истиннаго Бога. И которые остяки малые и великіе вѣруютъ и крестятся, тѣмъ остякамъ нашего великаго государя милость: ясачные доимки всѣ оставлять указами и впредь не спрашивать и въ доимочныхъ книгахъ тое ихъ доимки вынести, чтобъ тѣмъ доимки не помянулись. *А если возможно, то того ради исправленія и самому тебѣ богомольцу нашему ѣхать въ вышеписанныя мѣста и приводить тѣхъ идолопоклонниковъ къ истинной, ко христіанской вѣрѣ.* А ко крещенію ихъ кафтаны бѣлые и рубашки изъ нашей казны и хлѣбъ, по разсмотрѣнію, такожде давать указали. *А естли кто остяки учинятъ противность сему нашему указу и тѣмъ будетъ казнь смертная.* А о спо-

моженіи тебѣ въ томъ въ Тобольскѣ къ воеводѣ нашему Ивану Бибикову писано, что къ той посылкѣ, или къ вашему, богомольца нашего, походу понадобитца, велѣно ему отправить противу твоего отъ него требованія въ скорости“ [1]).

Къ такому рѣшенію привела Петра ревность относительно крещенія сибирскихъ идолопоклонниковъ. Онъ, конечно, зналъ какъ сами русскіе были крещены при Владимірѣ Святомъ, и тотъ же способъ хотѣлъ примѣнить и къ крещенію остяковъ, вогуловъ и другихъ сибирскихъ идолопоклонниковъ: подъ страхомъ смертной казни послѣдніе должны отдавать своихъ идоловъ на сожженіе и идти къ св. кращенію. Для насъ этотъ указъ является дикимъ, варварскимъ; дѣйствительности его даже не хочется вѣрить, особенно, когда знаешь предшествующіе о томъ же предметѣ указы Петра, въ которыхъ онъ совѣтуетъ Филоѳею — крестить только тѣхъ иновѣрцевъ, которые сами и притомъ искренно пожелаютъ св. крещенія. Относительно насилія царя въ такомъ святомъ дѣлѣ можно сдѣлать ему много упрековъ. Но Петръ уже привыкъ къ насилію и самъ открыто сознавался, что вся его преобразовательная дѣятельность въ русскомъ государствѣ совершается насильственно. Въ этомъ отношеніи онъ руководился особыми практическими взглядами и не стѣснялся высказывать ихъ. „Если въ Голландіи, говорилъ Петръ, въ этомъ старомъ забыкломъ государствѣ чинится принужденіе, то тѣмъ болѣе оно позволительно у насъ, какъ людей новыхъ во всемъ“. „Нашъ народъ, читаемъ въ одномъ указѣ того же царя, какъ дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, если не будутъ приневолены отъ мастера, которымъ сперва досадно кажется; но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что ясно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все-ль неволею сдѣлано и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже и плодъ произошелъ“. Если Петръ на русскихъ, стоявшихъ на высшей степени культуры, смотрѣлъ какъ на дѣтей, которыхъ нужно приневоливать, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ держаться такихъ взглядовъ на полудикихъ идолопоклонниковъ, приносившихъ еще по своей

---

[1]) Пам. Сиб. Ист. кн. 1, № 99.

вѣрѣ человѣческія жертвы богамъ. Онъ надѣялся и отъ нихъ слышать благодареніе за крещеніе, хотя и принужденное. Вотъ почему нечего удивляться, что и Петръ Великій могъ издать вышеприведенный указъ. Впрочемъ, можетъ быть и то, что смертная казнь, назначенная противникамъ указа, есть только угроза, которою онъ хотѣлъ устрашить идолопоклонниковъ. По крайней мѣрѣ на дѣлѣ, какъ увидимъ ниже, не только смертной казни не подвергались не желавшіе креститься, но и никакому наказанію. Даже не подвергались наказанію тѣ идолопоклонники, которые съ оружіемъ въ рукахъ нападали на христіанскую миссію, какъ оставались совершенно безнаказанными и возмутители остяковъ и вогуловъ противъ христіанскихъ проповѣдниковъ.

Получивши указъ Петра, схимонахъ Ѳеодоръ не могъ тотчасъ приступить къ его исполненію: онъ былъ боленъ, да притомъ еще продолжалъ завѣдывать дѣлами сибирской митрополіи, такъ какъ новый митрополитъ еще не былъ присланъ въ Сибирь. Но лѣтомъ 1711 г. прибылъ въ Тобольскъ его преемникъ Іоаннъ Максимовичъ, тоже воспитанникъ Кіевской Академіи, и схимонахъ Ѳеодоръ, освободившись отъ всякихъ дѣлъ сибирской митрополіи и къ тому времени оправившись отъ болѣзни, сталъ готовиться къ далекому и трудному путешествію, въ землю остяковъ и вогуловъ.

Но тутъ естественно можетъ явиться у каждаго читателя вопросъ, какъ велико было число этихъ инородцевъ въ началѣ XVIII столѣтія? Для рѣшенія этого вопроса мы должны обратиться къ „ясачнымъ книгамъ" того времени, въ которыхъ найдемъ свѣдѣнія объ инородческихъ волостяхъ и о числѣ ясачныхъ инородцевъ въ каждой волости во всѣхъ сибирскихъ уѣздахъ, гдѣ только жили остяки и вогулы. Прежде всего сообщимъ таковыя свѣдѣнія объ остякахъ.

А. Березовскій уѣздъ, волости: 1) Казымская, а въ ней ясачныхъ людей 216 ч., 2) Обдорская 388 ч., 3) Куноватская 316 ч., 4) Сосвинская 429 ч., 5) Ляпинская 264 ч., 6) Подгородняя 99 ч., итого 1712 ч. [1]).

---

[1]) Ар. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 1302, л. 99.

Б. Сургутскій уѣздъ, волости: 1) Юганская съ Подгородней 143 ч., 2) Салимская 36 ч., 3) Селіярская 9 ч., 4) Бѣлогорская 5 ч., 5) Аслымская 3 ч., 6) Лунпукольскіе 186 ч., 7) Васьюганская 91 ч., 8) Ларьяцкая 17 ч., 9) Тымская 113 ч., 10) Караконская 22 ч., 11) Сымская 2 ч., 12) Бардаковы 59 ч., 13) Ваховскіе 49 ч., итого 735 [1]).

В. Нарымскій уѣздъ, волости: 1) Нижняя Подгородняя 36 ч., 2) Верхняя Подгородняя 31 ч., 3) 1-я Парабельская 20 ч., 4) 2-я Парабельская 11 ч., 5) 3-я Парабельская 19 ч., 6) 4-я Парабельская 9 ч., 7) Ларпицкая 16 ч., 8) Пиковская 7 ч., 9) Тогурская 14 ч., итого 163 ч. [2]).

Г. Кетскій уѣздъ, волости: 1) Кыргіева 13 ч., 2) Нянжина 16 ч., 3) Кашина 18 ч., 4) Питкина 7 ч., 5) Иштанова 9 ч., 6) Лелкина 14 ч., итого 77 ч. [3]).

Д. Енесейскій уѣздъ, волости: 1) Нацкая 16 ч., 2) Пунпукольская 22 ч., 3) Пицкая 11 ч., итого 49 ч. [4]).

Е. Мангазейскій уѣздъ (Туруханскъ) Имбацкое зимовье 110 ч. [5]).

Ж. Тобольскій уѣздъ, волости: 1) Бѣлогорская 2 ч., 2) Назымская 109 ч., 3) городокъ Демьянъ 89 ч., 4) городокъ Нарымъ 110 ч., 5) Торкана 84 ч., 6) Цимги 16 ч., 7) Верхне-Демьянская 10 ч., 8) Колпуковская 4 ч., 9) Темличѣева 76 ч., 10) Салымская 6 ч. [6]), итого 506 ч. [7]).

А всего ясачныхъ остяковъ въ уѣздахъ—Березовскомъ, Сургутскомъ, Нарымскомъ, Енесейскомъ, Мангазейскомъ и Тобольскомъ въ началѣ XVIII вѣка было 3352 человѣка.

Сибирскіе вогулы жили въ уѣздахъ—Пелымскомъ, Тобольскомъ и Верхотурскомъ.

А. Пелымскій уѣздъ, волости: 1) Низтавдинская 23 ч., 2) Ворьинская 13 ч., 3) Тахтанская 38 ч., 4) Сосвинская 28 ч., 5) Вагинская 23 ч., 6) Верхпелымская 38 ч., 7) Лиственич-

---

[1]) Ibid. кн. № 1361, л. 81.
[2]) Ibid. кн. № 1367, л. 50.
[3]) Ibid. кн. № 1367, л. 254.
[4]) Ibid. кн. № 1259, л. 145.
[5]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 1422, л. 19.
[6]) Эти двѣ волости находились въ Сургут. уѣздѣ, но были приписаны къ Тобольску.
[7]) Ibid. кн. № 1376.

ная 25 ч., 8) Табаринская 46 ч., 9) Леушинская 13 ч., 10) Кондинская 213 ч., итого 460 ч. [1]).

Б. Тобольскій уѣздъ, волости: 1) Юкондинская 79 ч., 2) М. Конда 105 ч., 3) Б. Конда 132 ч., 4) Леушинская 16 ч., 5) Табаринская 31 ч., 6) Кошичская 140 ч. [2]), итого 502 ч. [3]).

В. Верхотурскій уѣздъ, волости: 1) Подгородняя 6 ч., 2) Подгородняя 2-я 22 ч., 3) Косвинская 1 ч., 4) Сосвинская 78 ч., 5) Туринская 46 ч., 6) Верхтуринская 32 ч., 7) Чюсовская 72 ч., 8) Мулгайская 5 ч., итого 262 ч. [4]).

Всего ясачныхъ вогуловъ въ трехъ уѣздахъ въ началѣ XVIII вѣка было 1224 человѣка.

Нужно имѣть въ виду, что подъ ясачными людьми разумѣются тѣ инородцы, которые платили въ казну ясакъ—мужчины отъ 15 до 50 лѣтъ; отъ него избавлялись женщины и дѣти, старые и увѣчные, холопы и наконецъ тѣ изъ инородцевъ, которые несли подводную повинность. Всего же остяцкаго и вогульскаго населенія въ Сибири въ началѣ XVIII вѣка было приблизительно до 40 тысячъ.

Только въ 1712 г. схимонахъ Ѳедоръ могъ приступить къ исполненію царскаго указа и своихъ давнихъ завѣтныхъ намѣреній относительно христіанской проповѣди сибирскимъ инородцамъ. Его первое путешествіе съ этою цѣлію было въ страну остяковъ. Совершенно несправедливо мнѣніе, что будто бы онъ распространялъ въ Сибири христіанство „огнемъ и мечемъ“: съ нимъ не было никакой вооруженной силы, и мы не знаемъ ни одного случая, чтобы схимонахъ Ѳедоръ употреблялъ какое-нибудь насиліе во время крещенія имъ сибирскихъ инородцевъ. Его сопровождали монахъ, священники, Гр. Новицкій, вѣроятно сынъ боярскій и прислуга, но служилыхъ людей съ нимъ не было. Это видно изъ того, что когда остяки

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 1252 л. 73.

[2]) Относительно трехъ послѣднихъ волостей слѣдуетъ замѣтить, что онѣ находились въ Пелымскомъ уѣздѣ, но приписаны были къ Тобольску; населеніе ихъ принадлежало къ вогульскому племени, а если въ документахъ оно называется татарскимъ, то потому только, что эти вогулы еще во времена Кучюма приняли магометанство, усвоили языкъ, нравы и обычаи татаръ.

[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 1376.

[4]) Ibid. кн. № 1313 л. 1208.

съ оружіемъ въ рукахъ напали въ Бурейковыхъ юртахъ на миссію, то никто не защищался, а бросились всѣ, за исключеніемъ самаго схимонаха, спасаться бѣгствомъ къ дощаннику (судно, мелко сидящее въ водѣ), потому что, замѣчаетъ одинъ ступникъ миссіи, „руцы праздны имѣюще". Проповѣдники дѣйствовали на инородцевъ только царскимъ указомъ и убѣжденіями.

Отправившись изъ Тобольска внизъ по Иртышу, миссія достигла первыхъ остяцкихъ юртъ только чрезъ три дня плаванія. Схимонахъ Ѳеодоръ вмѣстѣ съ спутниками вышелъ на берегъ и собравшимся остякамъ черезъ переводчика проповѣдывалъ христіанское ученіе. Проповѣдь не имѣла никакого успѣха: язычники были глухи къ ней и съ ненавистью смотрѣли на проповѣдниковъ. Миссія поплыла далѣе, изъ Иртыша вышла въ Обь и скоро достигла Бѣлогорской волости, гдѣ находился главный остяцкій идолъ „Старикъ Обскій". Схимонахъ Ѳеодоръ приказалъ немедленно сжечь этого кумира вмѣстѣ съ его капищемъ, но язычники, не смотря на объявленіе имъ царскаго указа о сожженіи ихъ идоловъ, стали горою за своего „Старика" и рѣшились силою защищать его. Тогда схимонахъ обратился къ остякамъ съ такою рѣчью: „Этотъ бездушный истуканъ есть только дерево и нетолько не можетъ вамъ оказать помощи или подать какое-нибудь благо, но самъ теперь нуждается въ вашей помощи. Не думайте, что онъ васъ питаетъ, но скорѣе разоряетесь отъ него приношеніемъ ему жертвъ. Знайте, что все—огонь, земля, море и всякая тварь созданы премудростію Творца, Который одинъ податель всякихъ благъ". Выслушавши это поученіе, остяки утихли и отдали своего „Старика Обскаго" на сожженіе, но креститься однако и здѣсь никто не захотѣлъ [1]).

Тоже самое было и въ Шарковыхъ юртахъ, гдѣ стоялъ деревянный идолъ, сдѣланный на подобіе человѣка и съ посеребрянымъ лицомъ. Шаманы, узнавъ о приближеніи христіанской миссіи, начали говорить остякамъ, что богъ объявилъ имъ,

---

[1]) Краткое описаніе объ ост. нар. Г. Новицкаго. По поводу сожженія „Старика Обскаго" остяки говорили, что когда идолъ загорѣлся, то божество вылетѣло изъ него въ видѣ лебедя; однако не всѣ вѣрили этой сказкѣ: другіе, замѣчаетъ Новицкій, говорили, что ничего подобнаго не было.

что онъ не допуститъ сжечь себя и вмѣстѣ съ тѣмъ упрашивали вѣрующихъ, чтобы они крѣпко стояли за своего кумира и не давали его русскимъ для сожженія. Этимъ шаманы такъ возбудили язычниковъ, что они рѣшились своею кровью защищать идола. И дѣйствительно, когда христіанская миссія прибыла въ Шарковы юрты, и схимонахъ велѣлъ сжечь идола, то остяки съ оружіемъ въ рукахъ бросились на миссію и угрожали смертью. Но произошло тоже самое, что и въ Бѣлогорскихъ юртахъ: тихое слово пастыря остановило ожесточенныхъ язычниковъ и послѣдніе предоставили самому богу защитить себя, какъ онъ объявлялъ объ этомъ чрезъ шамана. Идолъ былъ сожженъ. Такъ дѣйствовалъ схимонахъ Ѳедоръ на всемъ своемъ пути—до самаго Березова: онъ говорилъ остякамъ о высшемъ, невидимомъ Богѣ, доказывалъ пустоту ихъ вѣры въ идоловъ и сожигалъ послѣднихъ. Хотя до сего времени мы и не видѣли случаевъ крещенія язычниковъ, но тѣмъ не менѣе проповѣдь схимонаха Ѳедора производила на нихъ сильное дѣйствіе и заставляла усомниться въ могуществѣ ихъ боговъ. Только въ Кодской волости христіанская миссія была счастливѣе и пріобрѣла первыхъ послѣдователей христіанскаго ученія. И это очень естественно: здѣсь уже 50 лѣтъ стоялъ православный Кондійскій монастырь, около него было русское селеніе и остяки вслѣдствіе частаго обращенія съ христіанами не относились съ такою ненавистью къ христіанству, какъ это было въ другихъ мѣстахъ. Послѣ поученія схимонаха Ѳедора, остяцкій князь Алачевъ, предки котораго приняли христіанство еще въ концѣ 16 вѣка, первый изъявилъ желаніе креститься, а его примѣру послѣдовало еще 13 остяковъ; рѣка Обь была для нихъ купелью крещенія. Этотъ первый успѣхъ проповѣди привелъ въ неописанный восторгъ Ѳедора; прежнія неудачи были забыты и онъ теперь могъ надѣяться, что какъ не крѣпко держится идолопоклонство среди сибирскихъ инородцевъ, но оно будетъ сокрушено терпѣніемъ и энергіей христіанскихъ проповѣдниковъ. „Проповѣдникъ и учитель, говоритъ Новицкій, о семъ благополучномъ начинаніи всеусердно радующееся“ изъ кондійскаго монастыря поплылъ назадъ и благополучно возвратился въ Тобольскъ. Въ слѣдующемъ 1713 г. схимонахъ Ѳедоръ вмѣстѣ съ прежними

своими спутниками предпринялъ второе путешествіе въ землю остяковъ березовскаго уѣзда. На этотъ разъ проповѣдь его имѣла несравненно большій успѣхъ, чѣмъ въ прошломъ году: язычники принимали крещеніе массами во всѣхъ тѣхъ волостяхъ, которыя посѣтила христіанская миссія. И это очень естественно. Цѣлый годъ прошелъ съ того времени, какъ истреблена масса остяцкихъ идоловъ и въ числѣ послѣднихъ даже такой высокочтимый кумиръ, какъ „Старикъ Обскій. Какъ ни невѣжествененъ былъ остякъ, но онъ долженъ былъ размышлять надъ этимъ дѣломъ христіанской миссіи. У него естественно являлись вопросы: почему его боги не оказали никакого сопротивленія ихъ истребителямъ? Почему шаманы, которые представлялись остяку столь могущественными, что заставляли даже боговъ исполнять свою волю, теперь не проявили никакой силы и не защитили кумировъ? Остякъ вѣрилъ, что боги вмѣшиваются въ его жизнь, дѣлаютъ ему благо или вредъ, но теперь онъ цѣлый годъ живетъ безъ идоловъ и перемѣны въ своей жизни не замѣчаетъ никакой; боги не мстятъ за сожженіе русскими кумировъ и ничѣмъ не выражаютъ своего неудовольствія. Хотя „Старикъ Обскій"—властелинъ рыбъ и сожженъ, но рыба ловится такъ же и безъ него, какъ и при немъ. Значитъ, дѣйствительно, остяцкіе кумиры — только бездушное дерево, а шаманы ихъ служители — только обманщики. Если умъ остяка, размышляя надъ указанными обстоятельствами, можетъ быть, и не доходилъ до такого рѣшительнаго вывода, но тѣмъ не менѣе сомнѣніе въ могуществѣ идоловъ и шамановъ было вполнѣ естественнымъ. „Народъ же, замѣчаетъ современникъ, видѣвше прежде тверды нечестія ихъ боготворимыя идолы падшія, и столь стершую мнимую силу ихъ, яко ничтоже вящще креста видѣти, яко прахъ и пепелъ, отсюда довольно мракъ кумирослуженія ослѣпляющи сотреся очесъ ихъ, яко отверзостеся очи има пріятнѣе взирати на свѣтъ проповѣди евангельскія"...

И дѣйствительно, христіанская миссія во второй годъ проповѣди евангелія остякамъ уже не встрѣчала со стороны послѣднихъ ненависти и озлобленія. Наоборотъ, язычники теперь со вниманіемъ слушали поученія схимонаха Θедора и массами

принимали христіанство вездѣ, гдѣ только онъ не появлялся: много было обращенныхъ остяковъ въ Бѣлогорскихъ, Шарковыхъ, Казымскихъ и др. юртахъ. Только въ городкѣ Атлымѣ (о послѣднемъ мы упоминали выше) остяки, возбужденные своимъ шаманомъ, сначала не только не хотѣли креститься, но и слушать поученія христіанскаго проповѣдника; весь народъ возсталъ противъ евангельской проповѣди, свидѣтельствуетъ Новицкій, возмущенный „злонравнымъ и злообразнымъ прелестникомъ". Однако и здѣсь „прелестныя" рѣчи шамана оказались безсильными предъ словомъ христіанскаго проповѣдника. Несмотря на шумъ и крики остяковъ и намѣреніе ихъ броситься съ оружіемъ на миссію, схимонахъ Өедоръ стоялъ непоколебимо и увѣщевалъ язычниковъ оставить идолопоклонство и шамана и принять христіанскую вѣру. Онъ между прочимъ говорилъ имъ: „Вижу васъ мужей благоразумныхъ, не противниковъ истины, молю васъ оставить сего мужа младоумнаго, дѣтское игралище, ибо недостойно такимъ умнымъ людямъ прельщаться безумными рѣчами одного". Слова христіанскаго проповѣдника такъ подѣйствовали на язычниковъ, что они „презрѣли мятежныя прекословія" своего шамана и всѣ приняли крещеніе. Напослѣдокъ и самъ шаманъ выразилъ желаніе креститься и былъ крещенъ. Всего въ этомъ году крестилось до 3500 остяковъ. Послѣ этого христіанская миссія снова оставила остяцкую землю и возвратилась въ Тобольскъ, хотя и не надолго.

Обрадованный успѣхами проповѣди между остяками схимонахъ Өедоръ рѣшился въ слѣдующемъ году отправиться съ тою же цѣлію въ страну вогуловъ. Ни старость, ни недугъ, снова посѣтившій его вслѣдствіе трудныхъ путешествій къ остякамъ, ничто не могло остановить ревность этого миссіонера къ просвѣщенію язычниковъ свѣтомъ христіанскаго ученія. Отдохнувъ немного въ Тюменскомъ монастырѣ, онъ въ жестокую зиму въ началѣ 1714 года поспѣшилъ отправиться къ вогуламъ. Къ такой поспѣшности побудило схимонаха Өедора слѣдующее обстоятельство. У кондійскаго князя Сатыка заболѣли два сына; отецъ обратился къ шаманамъ, чтобы они испросили у боговъ исцѣленія его любимыхъ дѣтей. Шаманы потребовали жертвъ и Сатыкъ не щадилъ ничего, лишь бы спасти сыновей. Но во

время жертвоприношеній дѣти его умерли. Это страшно раздражило князя противъ своихъ кумировъ: онъ собственноручно началъ ихъ истреблять и уже съ топоромъ въ рукахъ добрался до главнаго вогульскаго кумира — кондійскаго идола. Народъ пришелъ въ ужасъ и умолялъ Сатыка пощадить послѣдняго. Князь внялъ мольбамъ своего народа, не тронулъ кондійскаго кумира, но множество другихъ вогульскихъ идоловъ было истреблено имъ въ это время. И вотъ, когда объ этомъ узналъ схимонахъ Өедоръ, то спѣшилъ воспользоваться такимъ обстоятельствомъ, чтобы показать князю и вогуламъ, какъ ничтожны ихъ боги и что отъ нихъ не слѣдуетъ ждать никакой помощи. И дѣйствительно успѣхъ проповѣди въ землѣ вогульской былъ великъ уже въ первый годъ миссіонерской дѣятельности схимонаха Өедора. Русская миссія еще не дошла до Пелыма, какъ явился одинъ вогулъ и просилъ миссіонеровъ крестить его со всѣмъ домомъ. Въ самомъ Пелымѣ собралось много вогуловъ и схимонахъ Өедоръ вмѣстѣ съ своими сподвижниками по цѣлымъ днямъ просвѣщалъ ихъ христіанскимъ ученіемъ, а къ князю Сатыку отправилъ нѣкоторыхъ священниковъ. Слѣдствіемъ проповѣди было то, что въ короткое время приняли христіанство до 400 вогуловъ. Довольный такимъ успѣхомъ схимонахъ Өедоръ, оставивъ священниковъ для наставленія вогуловъ въ истинахъ христіанской вѣры, самъ отправился въ Тюмень, чтобы весною того же года предпринять третье путешествіе въ страну остяковъ. Къ новому путешествію въ березовскій уѣздъ этого добраго пастыря побуждало то обстоятельство, что магометанскіе муэдзины, или какъ русскіе тогда называли ихъ— абызы, ходятъ по остяцкимъ юртамъ, проповѣдуютъ магометанство и отвращаютъ отъ христіанской вѣры новокрещенныхъ остяковъ.

Слѣдуетъ здѣсь упомянуть, что на возвратномъ пути изъ Пелыма жизни схимонаха Өедора угрожала серьезная опасность. Князь Кошичскихъ юртъ составилъ замыселъ, чтобы напасть на христіанскую миссію, когда она будетъ возвращаться въ Тобольскъ и перебить миссіонеровъ. Но замыселъ его не удался: самъ схимонахъ отправился иною дорогою въ Тюменскій монастырь, а его сподвижники, хотя и пошли въ Тобольскъ чрезъ

Табаринскую волость, но съ ними было много вогуловъ и нападеніе заговорщиковъ было отбито.

Мы упомянули объ этомъ случаѣ, во-первыхъ, для того, чтобы показать, съ какимъ ожесточеніемъ магометане относились къ русскимъ проповѣдникамъ христіанства между сибирскими язычниками, а во-вторыхъ потому, что онъ послужилъ поводомъ къ проповѣди Евангелія магометанамъ кошичскихъ юртъ и другимъ, жившимъ по среднему теченію рѣки Тавды. Схимонахъ Θедоръ, узнавъ объ упомянутомъ нападеніи на его сподвижниковъ, просилъ тогдашняго тобольскаго губернатора схватить князя кошичскихъ юртъ и допросить о причинахъ его злодѣйскаго поступка. Новицкій передаетъ, что свѣтская власть, захвативъ князя, навѣрно присудила бы его къ смертной казни, если бы только схимонахъ Θедоръ не заступился за него: онъ упросилъ губернатора выдать ему князя и когда тотъ былъ выданъ, то взялъ его съ собой, отправляясь къ остякамъ. Во время пути схимонахъ Θедоръ безпрестанно поучалъ князя христіанской вѣрѣ и настолько успѣшно, что этотъ магометанинъ принялъ крещеніе. Послѣ крещенія онъ отправилъ князя въ Тобольскъ, къ митрополиту Іоанну. Послѣдній, также усердный ревнитель распространенія христіанской религіи среди сибирскихъ иновѣрцевъ, немедленно послалъ новокрещеннаго вмѣстѣ съ священникомъ на его родину для проповѣди Евангелія. Разсчетъ миссіонеровъ оказался вѣрнымъ: примѣру князя послѣдовали всѣ магометане кошичскихъ юртъ и въ короткое время ихъ крестилось больше 300 душъ [1]). Третье путешествіе схимонаха Θедора въ землю остяковъ было самое продолжительное и стоило жизни тремъ изъ его сопутниковъ. Отправившись изъ Тобольска внизъ по Иртышу 12 іюня 1714 г., христіанская миссія чрезъ три дня плаванія достигла остяцкихъ Бурейковыхъ юртъ. Въ прежнее время схимонахъ Θедоръ почему то обходилъ эти юрты и потому здѣшніе остяки еще ни разу не слышали христіанской проповѣди. Но на этотъ разъ онъ высадился на берегъ и началъ проповѣдывать остякамъ Слово Божіе. Только едва, замѣчаетъ Новицкій, учитель благовѣство-

---

1) „Крат. опис. объ ост. нар." стр. 90—91.

ванія „испустилъ гласъ, тако бяху яко аспиды глухіе затыкающе уши своя и въ едину совокупишася юрту, ни сами отъ юрты исхождаху, ниже къ себѣ внійти кому отъ нашихъ попущаху“. Оказалось, что въ Бурейковыхъ юртахъ уже дѣйствовалъ магометанскій муэдзинъ и его описаніе рая, который магометъ обѣщалъ своимъ послѣдователямъ, такъ плѣнило остяковъ, что они согласились принять магометанство. Кромѣ того муэдзинъ доказывалъ остякамъ, что христіанство налагаетъ на своихъ послѣдователей такія тягости, которыя невозможно исполнять: оно запрещаетъ многоженство, употребленіе лошадинаго мяса, столь любимаго остяками, налагаетъ тяжелые посты и пр. Это такъ ожесточило остяковъ противъ христіанскихъ проповѣдниковъ, что они и слышать не хотѣли ихъ проповѣди. Побуждаемые магометанскимъ учителемъ, остяки начали стрѣлять въ русскую миссію изъ луковъ и пищалей и трехъ человѣкъ смертельно ранили. Ихъ князь Уршанко выстрѣлилъ даже въ самаго схимонаха Θеодора и попалъ въ животъ, но Богъ хранилъ этого пастыря: пуля изрѣзала всѣ одежды, вышла на вылетъ, но схимонахъ къ удивленію всѣхъ остался совершенно невредимъ. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ не только Новицкимъ, но и самимъ схимонахомъ. Впослѣдствіи онъ въ своемъ донесеніи Синоду писалъ: „мене самаго вдарено съ пищоли подъ поясъ, но Богъ помиловалъ мя: пуля кругомъ ободрала платье, а мене не вредила“ [1]. Не смотря на всѣ старанія, схимонаху не удалось успокоить остяковъ; ярость ихъ была столь велика, что русская миссія принуждена была оставить Бурейковы юрты и плыть далѣе къ рѣкѣ Оби. Послѣ этого миссіонерамъ вездѣ приходилось проходить юрты остяковъ, уже принявшихъ христіанство въ прежнія ихъ путешествія, имъ пріятно теперь было видѣть, съ какою радостію встрѣчали ихъ новокрещенцы и съ какимъ благоговѣніемъ послѣдніе слушали поученія схимонаха Θеодора. Новицкій передаетъ, что учитель поучалъ гражданству, котораго прежде не было у остяковъ, христіанскому добронравію и искоренялъ разныя языческіе обычаи, а особенно онъ возставалъ противъ не естественныхъ, не-

[1] „Описаніе докумен. и дѣлъ Св. Синода“ т. II ч. I, стр. 240.

равныхъ браковъ; ибо остяки брали въ жены дѣвочекъ семи и восьми лѣтъ и беззаконно съ ними жили [1]).

На этотъ разъ схимонахъ не ограничивался одними поученіями, а по просьбѣ самихъ новокрещенныхъ заложилъ три церкви въ мѣстахъ болѣе населенныхъ и удаленныхъ отъ русскихъ поселеній и далъ священниковъ. Просвѣщая и устрояя новую паству, схимонахъ Ѳеодоръ достигъ города Березова, гдѣ его уже ожидали многіе остяки, собранные комендантомъ изъ разныхъ окрестныхъ волостей. И въ Березовѣ проповѣдь схимонаха имѣла успѣхъ: остяки лапинской, соевинской и куноватской волостей приняли христіанство. Нѣкоторые послѣ крещенія просили пастыря, чтобы онъ молитвами своими защищалъ ихъ отъ нечистыхъ духовъ, почитаемыхъ ими въ идолахъ, такъ какъ они въ прежнее время, говорили новокрещенцы, много приносили имъ бѣдъ. Схимонахъ, утвердивши въ крѣпкой надеждѣ на помощь Спасителя, отпустилъ ихъ съ миромъ.

Изъ Березова ревностный пастырь хотѣлъ было доплыть до самаго Обдорска, но приближающаяся зима заставила его оставить пока исполненіе этого намѣренія. Пославши туда священниковъ, самъ отправился въ Тобольскъ. Однако, не смотря на продолжительное путешествіе въ остяцкой землѣ, схимонахъ не долго отдыхалъ въ этомъ городѣ. Едва только началась зима 1714 г., какъ онъ уже отправился въ пелымскій уѣздъ, чтобы посѣтить новокрещенныхъ вогуловъ и построить для нихъ церкви. Изъ Пелыма онъ перебрался въ верхотурскій уѣздъ и тамъ многихъ вогуловъ, жившихъ по Турѣ и другимъ рѣкамъ, обратилъ въ христіанство. На пути въ Тюменскій монастырь схимонахъ Ѳеодоръ остановился на нѣкоторое время въ Туринскѣ и тутъ пребываніе его было не бозслѣдно для распространенія христіанства: близь живущіе татары магометане слушали его проповѣдь и приняли христіанство. Только въ концѣ 1714 г. схимонахъ возвратился въ Тюменскій монастырь. Цѣлыхъ семь мѣсяцевъ онъ путешествовалъ, неустанно проповѣдуя слово Божіе сибирскимъ язычникамъ и магометанамъ. Кто имѣетъ понятіе о тѣхъ громадныхъ разстояніяхъ,

---

[1]) Новицкій, стр. 94—95.

которыя въ этомъ году пришлось пройти проповѣднику, тотъ не можетъ не удивляться его необыкновенной энергіи! Тѣмъ болѣе, что схимонаху Θеодору въ это время было уже 64 года; бывшая болѣзнь и неустанные труды значительно подломили его здоровье.

Въ Тюменѣ схимонахъ Θеодоръ получилъ царскій указъ, требовавшій отъ него новыхъ подвиговъ въ дѣлѣ распространенія христіанской вѣры между сибирскими инородцами. „Посему нашему указу (отъ 6-го Дек. 1714 г.), писалъ Петръ, ѣхать тебѣ богомольцу нашему во всю землю вогульскую и въ остяцкую, и въ татары, и въ тунгусы, и въ якуты, и въ волостяхъ ихъ, гдѣ найдешь кумиры, кумирницы и нечестивыя ихъ чтилища и то пожечь, а ихъ... всѣхъ иноземцевъ Божіею помощью и своими трудами приводить въ христіанскую вѣру, и о томъ явить имъ словесно и сей нашъ указъ сказать: и которые вогулы, остяки, татары и всѣ инородцы крестятся, тѣмъ нашего царскаго давать холстъ ко крещенію на рубахи и въ ясаку имъ будетъ льгота“ [1]). Узнавъ объ успѣхахъ проповѣди схимонаха Θеодора, Великій Петръ стремился расширить сферу его миссіонерской дѣятельности: первый указъ 1710 г. о крещеніи сибирскихъ иновѣрцевъ имѣлъ въ виду только остяковъ березовскаго уѣзда, а второй уже простирался на всю Сибирь, на всѣхъ инородцевъ этого обширнаго края. Петръ, конечно, зналъ о старости и дряхлости схимонаха и тѣмъ не менѣе не стѣснялся возлагать на него новые и новые труды; но онъ самъ трудился для своего отечества, не щадя силъ своихъ, и того же требовалъ отъ своихъ сподвижниковъ. И ревностный проповѣдникъ не только безъ ропота, но даже съ восторгомъ шелъ на новые подвиги, которыхъ требовалъ отъ него вышеприведенный указъ. „Ищущіе спасенія человѣческаго, замѣчаетъ современникъ, трудятся, недугуютъ, но не изнемогаютъ, окрелетаютъ, паче текутъ и не утрудятся“. Такъ и схимонахъ Θеодоръ—не смотря на свою физическую слабость, едва только открылся водный путь весною 1715 г., какъ онъ уже отправляется для проповѣди евангелія къ вогуламъ, въ самую дикую

---

[1]) П. С. З. Р. И. т. V № 2863.

страну, на рѣку Конду. Чрезъ нѣсколько дней плаванія по Иртышу русская миссія вошла въ устье Конды и скоро достигла вогульскихъ юртъ Нахрачеевыхъ, гдѣ находился высокочтимый язычниками кондійскій идолъ. Новицкій сообщаетъ, что этотъ идолъ былъ сдѣланъ изъ дерева, одѣтъ въ зеленую одежду, лицо его обложено бѣлымъ желѣзомъ, а голова покрыта черною лисицей; самое капище и сѣдалище кондійскаго идола были покрыты краснымъ сукномъ. Ниже его стояли другіе идолы, которыхъ язычники почитали за служителей главнаго кумира. Множество всякаго рода жертвъ, какъ утвари, кафтановъ, шкуръ пушныхъ звѣрей и пр., лежавшихъ въ самомъ капищѣ, свидѣтельствовало, что кондійскій идолъ пользуется великою славою среди язычниковъ. И дѣйствительно его почитали за великаго бога не только вогулы, но и остяки: шаманы, служители другихъ идоловъ, ежегодно изъ отдаленныхъ мѣстъ приходили въ Нахрачевы юрты съ просьбою къ ихъ князю, чтобы онъ отпустилъ къ нимъ кондійскаго идола; они не щадили даровъ за этотъ отпускъ, въ полной надеждѣ сторицею возвратить свои расходы, собирая обильныя жертвы отъ подчиненныхъ.

Князь Нахрачъ Евплаевъ былъ вмѣстѣ и шаманомъ; по описанію Новицкаго онъ былъ „злоображенъ, чернъ, горбъ на персехъ и на плещехъ имѣющъ“. Въ время моленія предъ кумиромъ этотъ уродъ не произносилъ никакихъ словъ, а издавалъ какіе-то звуки „яко младъ телецъ рыкая, послѣди же мизканіемъ нѣкакимъ окончеваше“; онъ такъ любилъ своего кумира, что находился при немъ постоянно и въ день по нѣсколько разъ совершалъ подобное моленіе.

Встрѣча русской миссіи въ Нахрачеевыхъ юртахъ не предвѣщала ничего хорошаго. Когда схимонахъ Ѳеодоръ отправилъ къ собравшемуся народу и Нахрачу Евплаеву пословъ съ привѣтствіемъ, то получилъ такой отвѣтъ. „Мы знаемъ причину вашего путешествія; лестію хотите отвратить насъ отъ древней нашей вѣры и искони почитаемаго нами помощника разорить и уничтожить, но напрасно трудились: здѣсь всѣ головы свои положимъ, но этого сдѣлать не допустимъ“. Въ первое время никто изъ вогуловъ не подходилъ къ русской миссіи и никого изъ русскихъ не допускали къ себѣ, а стояли толпою около

капища, озлобленные и вооруженные. Однако такія отношенія продолжались не долго: сначала по одиночкѣ, а потомъ и по нѣсколько человѣкъ разомъ вогулы являлись на дощаникъ схимонаха Ѳедора. Проповѣдникъ всячески старался расположить къ себѣ язычниковъ, привѣтствовалъ ихъ съ кротостію и любовію. Но когда онъ сталъ говорить имъ объ оставленіи идола, то язычники отвѣчали: „Никогда не будетъ того, чтобы мы оставили кумира, искони почитаемаго нашими отцами и праотцами. Если же у васъ есть царское повелѣніе, чтобы нашихъ идоловъ и капища разорить, то молимъ васъ—наложите лучше на него дань, какъ было во времена Ермака, который бралъ въ годъ по три рубля; нынѣ же мы увеличимъ эту дань и ежегодно будемъ платить по четыре рубля, только не исполняйте царскаго повелѣнія“. На этотъ отвѣтъ язычниковъ схимонахъ Ѳедоръ сказалъ такую рѣчь. „Горе вамъ! Сатана такъ ослѣпилъ васъ, что благодать, туне даруемую вамъ, отвергаете, а погибель вѣчную всему вашему роду хотите пріобрѣсти цѣною. Но сатана уже удовольствовался погибелью душъ отецъ и праотецъ вашихъ, когда они столь долгое время принебрегали своимъ спасеніемъ и были оставлены, какъ погибшая тварь. Нынѣ же Господь воззрѣлъ на васъ; Тотъ, Который въ рукѣ Своей держитъ сердце царево, побудилъ его быть вашимъ спасителемъ, вложилъ въ его сердце искать не дани мерзкой и безстыдной, но спасенія вашихъ душъ. И мы не будемъ столь безумны, чтобы взять погибельную цѣну вашихъ душъ—эти четыре рубля; души ваши стоютъ дороже, потому что онѣ искуплены кровію Господа нашего и я не хочу допустить васъ до вѣчной погибели“. Хотя, можетъ быть, язычники и мало понимали смыслъ этой рѣчи, но тѣмъ не менѣе она произвела на нихъ сильное впечатлѣніе: они поколебались и „ревность ихъ по нечестіи и зловѣрію, замѣчаетъ Новицкій, начала умаляться“. И вотъ, спустя нѣкоторое время, вогулы прислали къ русской миссіи своихъ старшинъ для уговора о томъ, какъ и на какихъ условіяхъ приступить имъ къ благочестію. Послы объявили такое рѣшеніе своей братіи. „Повинуемся, сказали они, обращаясь къ схимонаху, указу и повелѣнію государя. Также и твоего ученія не отвергаемъ, но только молимъ васъ:

во-первыхъ, не презирайте и нашего съ столь давнихъ лѣтъ отцами и праотцами почитаемаго кумира, и когда соизволите крестить насъ, то и шейтана нашего окрестите крестомъ паче насъ честнѣйшимъ, златымъ. Тогда мы постараемся поставить на свой счетъ церковь и въ ней между иконами, посреди, поставимъ и нашего идола; во-вторыхъ, да не будетъ намъ запрещенія ѣсть лошадиное мясо, которое столь пріятно намъ, что мы скорѣе готовы лишиться жизни, чѣмъ отказаться отъ этого пріятнаго кушанья. Молимъ также васъ—не разлучать насъ съ нашими женами и впредь не возбранять многоженства; женъ нашихъ отнюдь не крестить вашимъ священникамъ, но мы сами окрестимъ каждый свою жену и положимъ кресты. Если все это позволено намъ будетъ, сказали въ заключеніе вогульскіе послы, то мы принимаемъ вашу вѣру и вашъ законъ".

Предложенія вогуловъ не могли не возмутить христіанина, и схимонахъ Θедоръ въ своей пространной и горячей рѣчи старался доказать вогульскимъ старшинамъ всю безсмысленность этихъ предложеній, противность ихъ христіанскому ученію. А въ заключеніе сказалъ: „если вы хотите быть съ нами братьями и сынами церкви, то оставьте свои противныя басни, повинуйтесь нашему наставленію и нашимъ христіанскимъ ученіямъ". Выслушавши эту рѣчь, вогульскіе послы отошли къ своей братіи. Когда же вогулы узнали отвѣтъ на ихъ предложенія русскихъ проповѣдниковъ, то пришли въ страшную ярость. Имъ казалось, что выдуманныя ими условія, при которыхъ они хотѣли принять христіанство, столь легки и удобоисполнимы, что схимонахъ Θедоръ непремѣнно согласится на нихъ и, когда услышали отъ своихъ пословъ противное, то стали всячески поносить русскую миссію и грозили ей убійствами; ярости ихъ не было предѣловъ. Русскіе проповѣдники пришли въ отчаяніе и не ждали здѣсь никакого успѣха; не отчаявался только глава ихъ схимонахъ Θедоръ и предсказалъ своимъ сподвижникамъ скорое обращеніе язычниковъ. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, въ дощаникъ русской миссіи приходитъ одинъ изъ вогульскихъ старшинъ и высказываетъ желаніе сподобиться крещенія. Онъ былъ окрещенъ и съ приличными наставленіями отправленъ къ своей братіи. Этотъ первый новокрещенецъ изъ

кондійскихъ вогуловъ, какъ видно, былъ человѣкомъ вліятельнымъ среди своихъ соотечественниковъ и, явившись къ послѣднимъ, смѣло сталъ укорять ихъ за сопротивленіе. „Зачѣмъ вы, говорилъ онъ вогуламъ, противитесь царскому повелѣнію и отвергаете христіанскую вѣру: знайте, что за непослушаніе прогнѣвается Богъ, и Государь пошлетъ войска, истребитъ насъ въ конецъ и земля наша запустѣетъ; повелѣніе царево страшно и неслушающіе его достойны смерти“.

Эти слова новокрещенца произвели расколъ среди язычниковъ: одни стали на его сторону и рѣшили принять христіанство, другіе укоряли старшину въ измѣнѣ и ни за что не хотѣли креститься. Были и такіе, которые соглашались принять христіанство, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ихъ кондійскаго идола не сжигали. „И бысть, передаетъ современникъ, весь день и ночь молва и прѣніе“. Но утромъ на другой день все собраніе вогуловъ явилось къ схимонаху и сказало: „Дѣлай съ нами, что хочешь, чтилища и кумиры разоряй!“ Схимонахъ вышелъ изъ дощаника на берегъ, поучалъ ихъ истинамъ христіанской вѣры и, подготовивъ такимъ образомъ къ крещенію, началъ было уже совершать таинство. Но въ это время явился Нахрачъ и закричалъ вогуламъ: „Бойтесь друзья! когда начнутъ васъ мазать, то не допускайте этого, то есть волшебство христіанское; а когда будутъ стричь ваши волосы, то вырѣжутъ мужество изъ вашихъ душъ“. Эти предостереженія шамана такъ подѣйствовали на язычниковъ, что когда священники начали совершать надъ ними помазаніе, то они подняли возмущеніе и убѣжали въ свои юрты. Не мало стоило усилій русской миссіи снова убѣдить вогуловъ и собрать ихъ для продолженія надъ ними таинства крещенія. Когда же пришло время погружать новокрещенцевъ въ воду, то они сами бросились въ рѣку и окунувшись столько разъ, сколько кому заблагоразсудилось, подходили затѣмъ къ священнику со словами: „попъ, клади на меня крестъ, я уже окрещенъ“. И опять священникамъ пришлось убѣждать вогуловъ, что такъ дѣлать не слѣдуетъ, что нужно совершать обрядъ такъ, какъ установила церковь. Усилія, наконецъ, окончились успѣшно: таинство крещенія было совершено по чину. Шаманъ еще разъ пытался

поднять возмущеніе среди вогуловъ, прибѣжалъ къ рѣкѣ и началъ силою отгонять ихъ отъ крещенія. Но на этотъ разъ Нахрачъ самъ едва не поплатился жизнію: вогулы съ яростію бросились на него и убили бы его, если бы онъ не спасся бѣгствомъ. Спустя нѣкоторое время, шаманъ прислалъ къ русской миссіи своего сына сказать, что если „самъ архіерей меня окреститъ, то и я приму крещеніе". Нечего дѣлать, пришлось уступить представителю язычества: схимонахъ Ѳедоръ самъ совершилъ надъ нимъ таинство крещенія.

Когда вогулы Нахрачеевыхъ юртъ были крещены, то схимонахъ предложилъ имъ угощеніе. А послѣ трапезы сказалъ новокрещенцамъ: „слѣдуетъ истребить вашего истукана, да не будетъ скверное посреди вашего собранія, ибо вы уже чисты". Это предложеніе вызвало страшное негодованіе со стороны вогуловъ и произвело между ними распрю: одни соглашались на уничтоженіе кондійскаго идола, а другіе возстали противъ этого и говорили, что лучше отнести его въ какія нибудь пустыя и непроходимыя мѣста. Споръ продолжался очень долго и только наступившая ночь прекратила его. Но на другой день миссіонеры узнали, что старый кондійскій идолъ украденъ, а на его мѣстѣ поставленъ былъ другой. Этого послѣдняго вогулы отдали на сожженіе и только молили: „да не предъ нашими очами будетъ онъ сожженъ". Когда же русскіе взяли идола на дощаникъ и поплыли на другой берегъ, чтобы тамъ сжечь его, то язычники съ плачемъ провожали своего бога и кричали: „Пойди Боже нашъ, попалъ въ руки немилостивыхъ русаковъ".

Отъ Нахрачеевыхъ юртъ русская миссія поплыла далѣе и скоро достигла юртъ Катышевыхъ. Здѣсь явился къ миссіонерамъ посланникъ одного кондійскаго князя Сатыги, о которомъ мы упоминали выше, и просилъ именемъ послѣдняго, чтобы они поспѣшили къ его юртамъ, гдѣ уже собралось множество вогуловъ для принятія крещенія. Нечего уже говорить, съ какою радостію русская миссія приняла это предложеніе, но только радость эта была непродолжительна: скоро оказалось, что Сатыга хотѣлъ только заманить русскихъ въ свои юрты и тамъ всѣхъ ихъ перебить. И если замыселъ его не удался, то благодаря только перебѣжчикамъ, которые во-время предупредили рус-

скихъ миссіонеровъ о грозившей имъ опасности отъ князя Сатыги. Уже на пути къ послѣднему, къ нимъ явились нѣкоторые вогулы и передали, что князь ихъ имѣетъ дурной замыселъ—намѣренъ напасть на русскихъ нечаянно и всѣхъ предать смерти. Это извѣстіе, разсказываетъ Новицкій, такъ напугало насъ, что мы уже рѣшились было бѣжать во-свояси. Но на совѣтѣ одинъ изъ миссіонеровъ сказалъ: „если мы начнемъ бѣжать, то и тѣ, которые уже крестились возстанутъ и побьютъ насъ; поэтому лучше предать себя волѣ Божіей и идти впередъ". Этотъ совѣтъ былъ принятъ и русская миссія во главѣ схимонаха Ѳеодора смѣло отправилась въ юрты Сатыги. Можетъ быть эта смѣлость и принятыя мѣры осторожности такъ смутили Сатыгу, что онъ не осмѣлился открыто напасть на русскихъ, хотя и имѣлъ множество вооруженныхъ людей. А разныя коварства и хитрости, которыми онъ хотѣлъ погубить русскихъ миссіонеровъ, не имѣли никакого успѣха, такъ какъ вогулы предупреждали ихъ о всѣхъ замыслахъ своего князя. Наконецъ сами подчиненные Сатыги подняли противъ него бунтъ: „ты бѣсишься, говорили они ему, и хочешь сотворить брань съ государемъ; но ты самъ погибнешь и насъ погубишь". Князь, видя, что оставленъ своею братіей, убѣжалъ въ свое жилище и болѣе уже не рѣшался предпринять что-нибудь враждебное противъ русскихъ миссіонеровъ. Послѣ этого миссіонеры занялись своимъ дѣломъ, поучали вогуловъ христіанскому ученію и многихъ изъ нихъ крестили [1]).

Едва только схимонахъ Ѳеодоръ возвратился изъ путешествія по Кондѣ въ Тобольскъ, какъ къ нему присланъ царскій указъ, возлагавшій на него новыя обязанности. Лѣтомъ 1715 г. умеръ сибирскій митрополитъ Іоаннъ и Петръ Великій упомянутымъ указомъ поручалъ ему вновь сибирскую митрополію. Вступивши на митрополичью каѳедру, схимонахъ Ѳеодоръ съ прежнею энергіей и самоотверженіемъ занимался миссіонерскою дѣятельностью въ Сибири. Уже въ слѣдующемъ 1716 г. мы видимъ его въ сургутскомъ уѣздѣ въ качествѣ проповѣдника христіанства тамошнимъ остякамъ и здѣсь его миссіонерская дѣятель-

---

[1]) Крат. Опис. Новицкаго, стр. 98—109.

ность была столь же успѣшна, какъ и въ другихъ уѣздахъ: въ теченіе лѣта и осени этого года онъ обратилъ въ христіанство до 3500 душъ обоего пола и въ нѣсколькихъ инородческихъ волостяхъ сургутскаго уѣзда положилъ основаніе православнымъ церквамъ.

Въ 1717 г. схимонахъ Ѳеодоръ, отправивъ нѣкоторыхъ священниковъ и монаховъ въ уѣзды Нарымскій и Кетскій для проповѣди евангелія тамошнимъ остякамъ, самъ предпринялъ путешествіе съ тою же цѣлью на самый крайній сѣверъ Сибири, къ обдорскимъ остякамъ. Поводомъ къ этому путешествію послужили грабежи и убійства, которыми обдорскіе язычники мстили своей братіи, березовскимъ остякамъ, за обращеніе къ христіанству. Положеніе новокрещенцевъ-остяковъ волостей Ляпинской, Соевинской, Куниватской и др. было въ это время ужасное: они съ перваго же года своего обращенія начали терпѣть нападенія, съ одной стороны, отъ язычниковъ самоѣдовъ, а съ другой, отъ своей же братіи остяковъ обдорскихъ и эти нападенія сопровождались разореніями, убійствами и самыми варварскими истязаніями. Можетъ быть набѣги самоѣдовъ на новокрещенныхъ остяковъ и не имѣли связи съ религіозными дѣлами, но обдорскіе язычники, несомнѣнно, мстили имъ за измѣну язычеству и князь ихъ самъ это высказывалъ. Уже въ 1714 году нѣкоторыя волости березовскаго уѣзда заявили березовскому воеводѣ, что пустозерская самоядь, переправившись чрезъ уральскій хребетъ, напали на Чюрушскія юрты, ранили нѣсколькихъ остяковъ и угнали ихъ оленей и „хотятъ де воровская самоядь идти по Сылвѣ и въ Ляпинъ и разорить ясачныхъ остяковъ“ [1]). Воевода не обратилъ вниманія на это заявленіе, не предпринялъ никакихъ мѣръ для защиты ясачныхъ людей и потому самоѣды совершенно безнаказанно опустошали ляпинскую волость. Въ 1716 году новокрещенцы этой волости жаловались царю, что воровская пустозерская самоядь пограбила у нихъ имущества на 300 руб. и угнала цѣлое стадо оленей въ 300 головъ; да кромѣ того самоѣды убили трехъ остяковъ, а нѣсколько человѣкъ поймавъ, переломали имъ руки и ноги и взяли

[1]) Пам. Сиб. Ист. XVII в. кн. 2, № 9.

съ собой. „А теперь снова хотятъ, читаемъ въ челобитной тѣхъ же новокрещенныхъ, придти въ Ляпинскую волость, послѣдніе наши животы пограбить и насъ съ женами и дѣтьми побить до смерти“ [1]). Челобитчики просили защиты, просили отыскать пограбленное у нихъ имущество и возвратить имъ. Но мольба ихъ была напрасна: въ слѣдующемъ году они испытали еще болѣе жестокій погромъ отъ обдорскихъ остяковъ и самоѣдовъ. Объ этомъ мы узнаемъ изъ челобитной новокрещеннаго князя Ляпинской волости Семена. По его словамъ, главнымъ виновникомъ погрома былъ обдорскій князь Гындинъ, который, чтобы отомстить новокрещенцамъ за измѣну язычеству, наслалъ на нихъ самоѣдовъ и брата своего Микишку. „И говорилъ онъ той воровской самояди и брату своему: гдѣ де увидите ляпинскаго князя Семена и его подымите на копья, а крови де его на полѣ не роняйте, тутъ де и смерти его предайте для того, *почему де онъ прежде насъ крестился?* А намъ отъ того, жалуется ляпинскій князь, великая бѣда приключилась: надъ женами и дѣтьми наругались и въ снѣгъ бросали, для того, что они довѣдывались пожитковъ,—и все безъ остатка пограбили“. Въ этотъ набѣгъ самоѣды и остяки, недовольствуясь грабежами и убійствами, подвергали новокрещенцевъ такимъ варварскимъ поруганіямъ, о которыхъ даже неприлично говорить въ печати [2]). Другіе волости новокрещенцевъ также страшно пострадали [3]). Язычники были столь ожесточены распространеніемъ христіанства, что рѣшились поднять общій бунтъ противъ господства русскихъ: въ 1716 году сургутскій воевода писалъ, что самоѣды въ числѣ 100 человѣкъ пріѣзжали въ Сургутскій уѣздъ и подговаривали здѣшнихъ остяковъ напасть на Сургутъ и Березовъ, завладѣть этими городами и градскихъ людей перебить [4]).

Получивъ такія печальныя вѣсти о положеніи новокрещенцевъ въ березовскомъ уѣздѣ, схимонахъ Ѳедоръ рѣшился помочь горю. Онъ не могъ не сознавать, что подобная месть язычниковъ можетъ довести новокрещенцевъ до отчаянія и за-

---

1) Ibid. № 32.
2) Ibid № 52.
3) Ibid. № 46.
4) Пам. Сиб. И. XVIII в. кн. 2, № 32.

ставить ихъ снова обратиться къ язычеству; да кромѣ того самое существованіе язычества около „новаго вертограда Христова“ могло соблазнительно вліять на новообращенныхъ, еще не утвердившихся въ истинахъ новой религіи. И вотъ въ 1717 г. схимонахъ Ѳедоръ предпринимаетъ путешествіе къ обдорскимъ остякамъ съ цѣлію обратить послѣднихъ въ христіанство и тѣмъ избавить новокрещенцевъ въ Березовскомъ уѣздѣ отъ ихъ мести. Свѣтская власть вполнѣ сочувственно отнеслась къ этому намѣренію митрополита сибирскаго; березовскому сыну боярскому Полтыреву посланъ былъ царскій указъ съ повелѣніемъ немедленно выслать въ Обдорскъ и приготовить тамъ все къ пріѣзду преосвященнаго. Онъ долженъ былъ объявить обдорскимъ остякамъ, чтобъ они никуда не разъѣзжались, а собрались всѣ въ городѣ Обдорскѣ [1]. Не смотря на эти мѣры, путешествіе сибирскаго митрополита къ обдорянамъ кончилось ничѣмъ. Мы выше упоминали, что еще въ 1714 г. схимонахъ Ѳедоръ изъ Березова отправилъ монаховъ и священниковъ въ Обдорскую область для крещенія тамошнихъ язычниковъ, но миссіонерская ихъ дѣятельность не имѣла никакого успѣха. Также была безуспѣшна и проповѣдь самого схимонаха въ 1717 г.: обдоряне съ необыкновеннымъ упорствомъ держались язычества и никто изъ нихъ не принялъ христіанства. Съ великою скорбію схимонахъ Ѳедоръ оставилъ этихъ упорныхъ язычниковъ и въ томъ же году возвратился въ Тобольскъ. Въ 1719 г. сибирскій митрополитъ рѣшился обозрѣть свою огромную епархію и съ этою цѣлію предпринялъ путешествіе, продолжавшееся около двухъ лѣтъ. Въ началѣ этого года, не смотря на зимнее время, схимонахъ Ѳедоръ въ сопровожденіи нѣсколькихъ духовныхъ лицъ выѣхалъ изъ Тобольска. За неимѣніемъ матеріала мы не можемъ говорить подробно объ этомъ необыкновенномъ путешествіи, а упомянемъ только о его результатахъ. Уже въ мартѣ 1719 г. схимонахъ Ѳедоръ благополучно достигъ города Енесейска. Въ письмѣ его къ енесейскому коменданту Беклемишеву читаемъ слѣдующее: „велѣно намъ быть для крещенія иноземцевъ во всѣхъ сибирскихъ го-

[1] Ibid. № 50.

родахъ... и нынѣ по прибытіи въ Енесейскъ на раздачу тѣмъ иноземцамъ, которые будутъ креститься, надобно: 2000 аршинъ холста, 1000 мѣдныхъ и оловяныхъ крестовъ, 60 пудовъ соли и пудъ свинцу"[1]. Судя по количеству разныхъ предметовъ, которые требовалъ схимонахъ для подарковъ новокрещеннымъ, можно думать, что онъ разсчитывалъ на большой успѣхъ христіанской проповѣди въ енесейскомъ уѣздѣ. Однако надежды его не оправдались; тутъ миссія встрѣтила неодолимыя препятствія: тунгусы, населявшіе енесейскій уѣздъ, отличались особенною дикостью между сибирскими инородцами, преданы были язычеству, а главное—они постоянно перекочевывали съ одного мѣста на другое, уходя на самый крайній сѣверъ. Ихъ невозможно было собрать въ опредѣленное мѣсто и еще менѣе возможно было угоняться за ними; даже ясачнымъ сборщикамъ не всегда удавалось найти тунгусовъ, чтобы собрать съ нихъ ясакъ. Тѣмъ не менѣе начало распространенія христіанства среди тунгусовъ положено было при митрополитѣ Филофеѣ. Еще въ 1710 г. одинъ изъ тунгускихъ князей принялъ христіанство и послѣ крещенія ѣздилъ въ этомъ году въ Петербургъ. Самъ митрополитъ, будучи у тунгусовъ въ 1719 г., вѣроятно успѣлъ крестить нѣсколько этихъ дикарей; по крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что онъ входилъ съ ними въ сношеніе, крестилъ 8 лѣтняго тунгуса, который впослѣдствіи при митрополитѣ Антоніи былъ иподьякономъ.

Изъ Енесейска схимонахъ Ѳедоръ поплылъ внивъ по теченію рѣки Енесея и достигъ Мангазеи или Туруханска. Здѣсь уже проповѣдывали слово Божіе монахи и священники, посланные тѣмъ же преосвященнымъ; мы не знаемъ насколько успѣшна была ихъ проповѣдь, но во время пребыванія тамъ схимонаха Ѳедора всѣ туруханскіе остяки приняли христіанство. Освидѣтельствовавъ въ Туруханскѣ мощи Василія Мангазейскаго, перенесенныя туда изъ Старой Мангазеи въ 1670 г. старцемъ Тихономъ [2]), преосвященный Ѳедоръ поплылъ назадъ въ Ене-

---

1) Пам. Сиб. Ист. XVIII в., кн. 2, № 54.

2) Святость Василія Мангазейскаго чтится только въ Сибири, но православная Церковь не причислила его къ лику святыхъ; ибо свѣдѣнія относительно нетлѣнности мощей этого мученика оказались не вѣрными. Еще въ 1659 г. архі-

сейскъ. Отсюда онъ отправился въ Иркутскъ и побывалъ во многихъ другихъ мѣстахъ Сибири; вездѣ онъ заботился объ устройствѣ своей митрополіи и о распространеніи христіанства между разными идолопоклонниками, буддистами и магометанами.

Только въ 1720 г. схимонахъ Θедоръ возвратился въ Тобольскъ. Это далекое и продолжительное путешествіе не могло не отразиться гибельно на здоровьи схимонаха Θедора. Онъ прибылъ въ Тобольскъ уже больной и немедленно просилъ Петра объ увольненіи его на покой. Вмѣстѣ съ тѣмъ преосвященный доносилъ, что во все время своей миссіонерской дѣятельности, онъ обратилъ въ христіанскую вѣру до 30 т. сибирскихъ инородцевъ обоего пола и устроилъ для новокрещенцевъ болѣе 30 церквей. Петръ Великій грамотою отъ 15 сентября 1720 г. „за достохвальные труды въ проповѣди Слова Божія объявилъ ему свое благоволеніе и милостиво похвалилъ его“ [1]). Оставивши митрополичью каѳедру, схимонахъ Θедоръ поселился въ тюменскомъ монастырѣ, гдѣ и прожилъ до конца своей жизни. Но заботы его о сибирскихъ инородцахъ не прекратились. Заключившись въ келью, схимонахъ Θедоръ теперь все свое стараніе прилагалъ къ утвержденію христіанской вѣры между новокрещенцами. Послѣднихъ онъ называлъ „новосажденными древами, требующими частаго отребленія и охраненія пока не укоренятся совершенно“. И дѣйствительно, если легко было крестить инородцевъ, то утвердить этихъ полудикихъ людей въ новой вѣрѣ было чрезвычайно трудно; для этого требовались особыя, постоянныя попеченія. Что же дѣлалъ въ этомъ отношеніи схимонахъ Θедоръ?

Мы выше упоминали, что съ самаго начала утвержденія

епископъ Симеонъ отправилъ въ Мангазею дьякона Богоявленской церкви Ивана произвести „досмотръ“ мощей Василія. Освидѣтельствованіе мощей произведено дьякономъ Иваномъ, двумя мангазейскими попами и воеводой Ларіоновымъ. Приготовившись къ этому дѣлу недѣльнымъ постомъ, досмотрщики въ назначенный день, читаемъ въ докладѣ митрополита Корнилія, „послѣ литургіи молебствовали съ водоосвященіемъ и гробницу досмотривали; и та де гробница вся вышла на верхъ земли и гробница де вся цѣла, только немного почернѣла. А въ гробницѣ мощи: глава и руки и ноги и все человѣческое подобіе по обычаю—*только де кости, а плоти на нихъ нѣтъ—изтлѣла*“... См. статью Оглоблина въ Чт. Об. за 1890 г.

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1864 г. ч. 52 отд. V, стр. 91.

русскихъ въ Сибири христіанство принимали многіе инородцы и на всемъ пространствѣ завоеваннаго края. Но они какъ легко крестились, также легко и снова обращались къ язычеству и главнымъ образомъ потому, что правительство не строило въ ихъ волостяхъ церквей и имъ трудно было выполнять христіанскіе обряды и таинства, когда церковь, къ которой приписывались новокрещенцы изъ инородцевъ, отстояла отъ нихъ иногда верстъ на сто и на двѣсти. Схимонахъ Өедоръ понималъ это неудобство и употреблялъ все стараніе къ тому, чтобы построить для новокрещенцевъ церкви въ ихъ волостяхъ и дать имъ особый церковный причтъ. Это, конечно, требовало большихъ матеріальныхъ средствъ, но Петръ Великій оказывалъ въ этихъ матеріальныхъ дѣлахъ всякое содѣйствіе схимонаху Өедору. Еще въ 1713 г. получивъ вѣсть о первыхъ успѣхахъ его проповѣди между обскими остяками и просьбу объ основаніи церквей для новокрещенныхъ, онъ далъ указъ тобольскому губернатору, которымъ повелѣвалъ: „новокрещеннымъ остякамъ въ каждой волости построить на казенный счетъ по церкви и священникамъ, которые будутъ при тѣхъ церквахъ, давать жалованье—денегъ по 10 р. и хлѣба по 7 четвертей на годъ". При этомъ онъ предписывалъ губернатору „всеконечно приложить трудъ и сдѣлать церкви" [1]); да казанскому митрополиту велѣно давать изъ неокладныхъ доходовъ по 1000 р. на постройку инородцамъ церквей, пріобрѣтеніе церковной утвари и подарки новокрещенцамъ [2]). Благодаря этимъ средствамъ, схимонахъ Өедоръ во второе путешествіе къ обскимъ остякамъ заложилъ четыре церкви: въ Бѣлогорьѣ, Сухоруковѣ, Маломъ Атлымѣ и въ Шоркалахъ. И затѣмъ вездѣ, гдѣ только инородцы принимали христіанство, онъ основывалъ церкви и назначалъ для нихъ священниковъ. Изъ донесенія схимонаха въ 1720 г. видно, что такихъ церквей построено имъ болѣе 30, а въ 1627 г. митрополитъ Антоній писалъ Святѣйшему Синоду, что схимонахъ Өедоръ основалъ для инородцевъ 37 церквей. Высокое жалованье [3]) священникамъ инородческихъ церквей назначалось съ

[1]) Пам. Сиб. Ист. XVIII в. кн. 2, № 3.
[2]) П. С. З. Р. И. т. VI, № 3637.
[3]) Священникамъ въ русскихъ селахъ въ то время давалось жалованья—5 р.

тою цѣлію, чтобы они не отягчали новокрещенцевъ поборами и тѣмъ не отвращали ихъ отъ христіанства.

При митрополитѣ Антоніѣ въ 1726 г. приказано было священникамъ подъ опасеніемъ штрафа и жестокаго наказанія не брать лишнихъ наборовъ за совершеніе требъ „дабы они тѣми лакомствами не чинили новокрещенцамъ въ вѣрѣ развращенія“ и установлена опредѣленная такса за совершеніе требъ: за вѣнчаніе по гривнѣ, за погребеніе большихъ по гривнѣ, а малыхъ по 5 к., за совершеніе таинства крещенія по 3 к., за молитвы роженицѣ по 2 к., за сороковыя молитвы по 2 к., „а прочее отъ сорокоустовъ и молебновъ оставляется въ вольное произволеніе подающихъ и то, что похочетъ отъ своего доброхотства подати, тое да дастъ“ [1]).

Теперь новокрещенные инородцы могли удовлетворять свои религіозныя потребности въ православныхъ церквахъ, исполнять христіанскіе обряды и просвѣщаться христіанскимъ ученіемъ поученіями мѣстныхъ священниковъ. Что инородцы, чувствовали потребность въ такомъ просвѣщеніи, объ этомъ можно судить по одной очень интересной челобитной, которую посылали Петру В. новокрещенцы кошуцкихъ волостей. „Князцы Иванъ Григорьевъ и Семенъ Петровъ бьютъ челомъ. Крестились они къ православную вѣру своею волей, а поучиться имъ не отъ кого, для того, что кошуцкая волость отстоитъ далеко и при той волости селенія русскихъ людей нѣтъ никакого; и для науки пожелали они, чтобы русскіе крестьяне тагильской волости, верхотурскаго уѣзда, переселились къ нимъ, а послѣдніе и сами того желаютъ“. Причемъ челобитчики обязывались для русскихъ переселенцевъ отвести изъ своихъ владѣній пахотную землю и покосы, и уплачивать за нихъ въ казну оброчныя деньги. „И великій государь пожаловалъ бы ихъ, велѣлъ для науки православной христіанской вѣры и познанія дней и праздниковъ Господнихъ учинить указъ“. Петръ пожаловалъ и разрѣшилъ тагильскимъ крестьянамъ 8 семействамъ переселиться въ кошуцкую волость [2]).

денегъ и 5 ч. хлѣба и значитъ священникамъ инородческихъ церквей жалованія было вдвое болѣе.

[1]) Тоб. Губ. Вѣд. 1866 г. № 10.

[2]) Пам. Сиб. Ист. кн. 2, № 49.

Преемникъ схимонаха Θедора, митрополитъ Антоній, въ своемъ донесеніи святѣйшему Сѵноду писалъ, что „гдѣ новокрещенцевъ случалось видѣть, тѣ держатся православной вѣры; только треба утверждати оныхъ"... Т. е. ходятъ въ храмы Божіи, исполняютъ христіанскіе обряды. Но въ тоже время и держатся и старыхъ языческихъ обычаевъ, вошедшихъ въ ихъ кровь и плоть. Со всѣхъ сторонъ Антоній получалъ донесенія о господствѣ этихъ обычаевъ среди новокрещенцевъ. Такъ архимандритъ иркутскаго монастыря, Порфирій, доносилъ митрополиту, что новокрещенные иноземцы покупаютъ и продаютъ вѣнчанныхъ женъ, продаютъ дочерей и берутъ калымъ, иные живутъ невѣнчанными и пр." [1]).

Изъ Сургута доносили, что „князецъ Василій Матвѣевъ нынѣ еще держитъ у себя бубны, призываетъ къ себѣ шаманщиковъ и шаманитъ, что онъ не даетъ своихъ дочекъ крестить"... [2]). Изъ Нарыма писали, что „новокрещенцы ѣдятъ лошадей, медвѣдей, бѣлокъ и иныхъ звѣрей, а священникъ тамошній очищаетъ ихъ молитвой и ничѣмъ ихъ не наказываетъ" [3]).

Борьба съ языческими обычаями и нравами была самымъ труднымъ дѣломъ, только просвѣщеніе могло искоренить оные, но для просвѣщенія инородцевъ требовалось время. Схимонаху Θеодору принадлежитъ починъ и въ этомъ дѣлѣ: онъ бралъ у инородцевъ дѣтей и обучалъ ихъ въ тобольской школѣ. Нѣкоторые изъ этихъ учениковъ были впослѣдствіи причетниками и даже священниками въ инородческихъ церквахъ. Для надзора за жизнію новокрещенныхъ тотъ же пастырь установилъ „закащиковъ или недосмотрщиковъ: послѣдніе обязаны были слѣдить, чтобы новокрещенцы не измѣняли новой вѣрѣ, посѣщали храмы Божіи, не ѣли всякой скверны и вообще жили по христіански. Таковыя обязанности исполнялъ въ березовскомъ округѣ Г. Новицкій, составившій „Краткое описаніе объ остятскомъ народѣ", а послѣ его смерти [4]), одинъ плѣнный шведъ, прапорщикъ Эскъ. Закащиками назначались и нѣкоторые священ-

---

[1]) Тоб. Губ. Вѣд. 1866 г. № 10.

[2]) Тоб. Губ. Вѣд. 1866 г. № 12.

[3]) Ibid.

[4]) Онъ былъ убитъ остяками.

ники; такъ въ нарымскомъ и сургутскомъ округахъ исполненіе этой обязанности возложено на попа Сидора Иванова. Ему предписывалось время отъ времени объѣзжать эти округи, наставлять новокрещенцевъ въ христіанской вѣрѣ, жечь идоловъ,—наказывать инородцевъ за употребленіе въ пищу звѣрей и пр. Изъ дѣла о немъ, напечатаннаго въ Том. Губ. Вѣд. за 1866 г., видно, что онъ ревностно исполнялъ свои обязанности. Ему, по указу митрополита Ѳеодора, сибирскіе коменданты должны были выдавать проѣзжія грамоты на даровыя подводы во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя ему пришлось бы обозрѣвать. Такихъ грамотъ сохранилось нѣсколько и даты ихъ показываютъ, что священникъ Сидоръ часто обозрѣвалъ инородческія волости. Въ заботахъ о крещеніи инородцевъ и утвержденіи ихъ въ христіанской вѣрѣ схимонаху Ѳеодору приходилось вести жестокую борьбу съ магометанскими учителями и еще болѣе съ русскими свѣтскими властями въ Сибири, которыя, какъ увидимъ сейчасъ, были главными противниками святаго дѣла этого преосвященнаго.

Мы выше упоминали, что жизнь схимонаха Ѳеодора и его спутниковъ во время путешествій къ инородцамъ не разъ подвергалась опасности. На слѣдствіяхъ оказывалось, что главными виновниками возмущенія язычниковъ противъ русской миссіи были магометане. Ихъ духовные уже давно ревностно занимались въ Сибири пропагандою ученія Магомета и когда среди язычниковъ явилась христіанская миссія, то они прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы возбудить у инородцевъ недовѣріе къ ней. Возмущеніе Сатыги, кондиискаго князя, противъ русскихъ миссіонеровъ, исходило, по свидѣтельству Новицкаго, отъ „нѣкоего магометанина, пришедшаго изъ Тобольска и глаголюща: Азъ, рече, самъ видѣхъ царское повелѣніе во градѣ прибито, въ немъ же государь повелѣваетъ, кто убьетъ архіерея, не будетъ за то ему казни“ [1]). А изъ донесеній святѣйшему Сѵноду самаго схимонаха Ѳеодора оказывается, что и заговоръ кошуцкихъ магометанъ противъ русской миссіи и вооруженное нападеніе на нее въ бурейковыхъ было дѣломъ ма-

[1]) Новицкій, стр. 108.

гометанскаго муллы, жившаго въ Тобольскѣ. „Есть, читаемъ въ донесеніи 1724 г., въ Тобольскѣ начальный татаринъ Сабанакъ, тотъ посылалъ къ остякамъ своихъ абизовъ (муэдзиновъ) и велѣлъ, чтобы абизы научили остяковъ некрещенныхъ, дабы насъ позабивали до смерти: указъ де присланъ государевъ убить архіерея... Пойманы были тѣ абизы и дали сказку, что де насъ Сабанакъ послалъ остяковъ помутить, чтобы архіерея убили". Если, говоритъ схимонахъ, взять того Сабанака съ братомъ на вѣчное житье въ С.-Петербургъ, то можно было бы всѣхъ татаръ крестить, „а то онъ Сабанакъ великое препятствіе чинитъ крещенію". На основаніи этого донесенія св. Сѵнодъ постановилъ взять начальнаго татарина изъ Тобольска [1]). Но Сабанакъ былъ такая persona grata въ Тобольскѣ, такое имѣлъ покровительство со стороны тамошнихъ свѣтскихъ властей, что для него указы св. Сѵнода ровно ничего не значили: онъ продолжалъ дѣлать самыя возмутительныя вещи и все ему проходило безнаказанно. Въ донесеніи св. Сѵноду въ 1726 г. читаемъ слѣдующее. „Татары подъѣзжаютъ къ новокрещеннымъ и, смущая, велятъ именемъ своего начальника Сабанака церкви жечь, поповъ и причетниковъ до смерти побивать и кресты побрасать и старую вѣру держать. Они жъ абизы, не вѣдомо по какому указу, многихъ остяковъ пообрѣзывали, а около Тобольска и крещенныхъ коснулись, и размножаютъ свою проклятую вѣру". Напомнивъ снова о нападеніи на русскую миссію въ бурейковыхъ юртахъ и объяснивъ, что виною этого злодѣйства были Сабанакъ и его абизы, схимонахъ Ѳедоръ замѣчаетъ, что и „нынѣ они не перестаютъ пакости чинить, а унять ихъ некому, ибо у судей наполнены руки мздою и всѣмъ потакаютъ". Читая такое донесеніе о поступкахъ магометанъ, право подумаешь, что это творилось не въ русской православной имперіи, а въ какомъ-нибудь магометанскомъ государствѣ!

Нечего уже и говорить, что жалобы схимонаха Ѳедора были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и оставались безъ послѣдствій для Сабанака и муэдзиновъ. Правда св. Сѵнодъ писалъ объ

---

[1]) „Опис. докум. и дѣлъ св. пр. Сѵнода", т. II, № 157.

этомъ сенату, сенатъ—тобольской губернской канцеляріи, канцелярія передала дѣло объ „абизахъ“ надворному суду, а послѣдній оставилъ его безъ всякаго разсмотрѣнія [1]).

Если, далѣе, обратимъ вниманіе на отношеніе свѣтскихъ сибирскихъ властей къ дѣлу крещенія инородцевъ, то еще болѣе будемъ поражены, чѣмъ поступками магометанскихъ духовныхъ лицъ. Читатель, пожалуй, не повѣритъ, но то вѣрно, что сибирскія свѣтскія власти были самыми сильными противниками распространенія христіанской вѣры между сибирскими иновѣрцами. Мы сами отнеслись бы къ этому мнѣнію скептически, еслибы основаніемъ для него не были донесенія схимонаха Ѳедора, котораго ужъ никакъ нельзя заподозрить во лжи. Петръ Великій, заботясь о распространеніи христіанской вѣры, давалъ кромѣ подарковъ разныя льготы новокрещенцамъ. Такъ одинъ его указъ гласилъ: „которые новокрещенные разныхъ народовъ люди восприяли православную греческаго закона вѣру, или которые впредь воспріимутъ... тѣхъ во всякихъ государственныхъ сборахъ и въ издѣліяхъ давать льготы на три года, дабы тѣмъ придать къ воспріятію вѣры греческаго закона лучшую охоту“. Такой же смыслъ имѣло постановленіе—что холопы, принявшіе христіанство, дѣлаются свободными и могутъ жить, гдѣ пожелаютъ; съ новокрещенцевъ, по минованіи трехъ льготныхъ лѣтъ, не велѣно брать никакихъ другихъ податей, кромѣ ясака. Какъ же относились къ этимъ правительственнымъ распоряженіямъ сибирскія власти? Коменданты съ новокрещенцевъ собираютъ не только ясакъ, какъ съ каждаго инородца, но и подушную подать, которую платили только русскіе [2]); „коменданты, доноситъ схимонахъ Ѳедоръ, новокрещенныхъ обираютъ всячиною; они жъ коменданты нападками на новокрещенныхъ князцевъ нападаютъ и бьютъ ихъ невинно“. Но это только косвенныя мѣры со стороны комендантовъ къ совращенію новокрещенцевъ къ идолопоклонству; изъ того же донесенія оказывается, что коменданты православные прямо приказываютъ имъ жить „по прежнимъ нравамъ поганскимъ“, т. е. обращаться къ старой вѣрѣ. Святѣйшій Сѵнодъ требуетъ

---

1) Опис. док. и д. св. Син., т. IV, стр. 253.

2) «Чт. Об. Ист. и др.» 1863 г. кн. 4, отд. V, стр. 51.

отъ комендантовъ „сатисфакцій"—зачѣмъ они некрещеннымъ препятствуютъ принимать крещеніе „паче же и крещенныхъ развращаютъ". На подобный запросъ Сунодъ, вѣроятно, не получилъ никакого отвѣта. Но, кажется, можно дать единственное объясненіе упомянутымъ поступкамъ сибирскихъ комендантовъ: имъ легче было эксплоатировать, обирать некрещенный людъ, чѣмъ христіанъ. Не лучше комендантовъ поступалъ съ новокрещенными и тобольскій надворный судъ: послѣдній просто торговалъ новокрещенцами, распродавалъ ихъ и русскимъ людямъ и даже некрещеннымъ татарамъ. Еще въ 1724 г. схимонахъ Θеодоръ жаловался: „татары, которые безъ кабалъ жили и работали годъ по 15 и болѣе у своихъ некрещенныхъ татаръ и отшедъ крестились, а теперь по челобитью татаръ судіи надворніе судятъ отдать татарамъ некрещеннымъ, чтобы они попродали русскимъ въ холопство". Сунодъ ничего не отвѣтилъ на этотъ пунктъ жалобы схимонаха [1]). Тогда послѣдній отправилъ къ генералъ-маіору Генину „цыдулку" и при ней доношеніе на Высочайшее имя съ жалобою на судей тобольскаго надворнаго суда. „Доношу на судей надворныхъ въ Тобольскѣ, въ которыхъ и со свѣчею не взыскати правды. Нигдѣ не слышно, чтобы крещенныхъ безкабальныхъ татаръ отдавать некрещеннымъ татарамъ и велѣть продавать, и распродано душъ 13, а цѣною буде не всѣ, пополамъ подѣлились, кромѣ взятковъ. Пожалуй, превосходительство твое, донеси тую христіанамъ новокрещеннымъ бѣдность и разореніе, а судейское лукавство Его И. В.,—негли Богъ дастъ ему на сердцѣ призрѣти на людское воздыханіе и слезы". А въ самомъ донесеніи Петру схимонахъ Θеодоръ, упомянувъ о крещеніи массы язычниковъ и о томъ, что уже стали приходить креститься магометане, пишетъ: „но татары, хотя оному крещенію воспятити, чтобы отъ нихъ никто не крестился, били челомъ въ Тобольскомъ Надворномъ Судѣ судьямъ, будто—то отъ нихъ татаръ, холопы кабальные поуходили и крестились, а кабалъ на тѣхъ холопей не показали; и тѣмъ лживымъ татарскимъ словамъ надворные судьи повѣря, указали новокрещенныхъ отдать татарамъ и продать кто купитъ и распродано душъ съ 13, чѣмъ учинены Его И. В.

---

[1]) «Опис. докум. и дѣлъ св. Сvнода», т. II, ч. 1, № 157.

грамотѣ противность, христіанской вѣрѣ поруганіе, церкви святой соблазнъ".

„Противность" серьезная: царскія грамоты предписывали сибирскимъ властямъ даже кабальныхъ инородцевъ, если они обратятся въ христіанство, дѣлать свободными, а Надворный Судъ свободныхъ людей послѣ крещенія обращалъ ихъ въ холопы, распродавалъ. Изъ этого выходило то, что принятіе свободнымъ инородцемъ крещенія грозило для него рабствомъ. Кто-жъ изъ иновѣрцевъ послѣ этого могъ пожелать принять христіанство?! Генинъ не успѣлъ передать Петру донесенія схимонаха Ѳеодора и дѣло о продажѣ новокрещенцевъ Тобольскимъ Надворнымъ Судомъ кончилось при его преемницѣ только въ 1726 г. Въ правительствующемъ Сенатѣ 28 авг. этого года состоялось слѣдующее рѣшеніе: „Татаръ и прочихъ иновѣрцевъ, которые крестились и приняли православную вѣру греческаго исповѣданія, а отъ Надворнаго Суда или другихъ судей отданы иновѣрцамъ, по прежнему, или какъ перепроданы, тѣ не точію бъ что они свободные и безкабальные ихъ были, но хотябъ какіе и крѣпостные, однакожъ, *не смотря ни на какія ихъ крѣпости*, безъ всякаго изъятія, мужескъ и женскъ полъ возвратить и учинить свободныхъ, а которые изъ тѣхъ новокрещенныхъ кому перепроданы, и за такихъ на тѣхъ, кто перепродавалъ, возвратить тѣмъ, кто купилъ, данныя ихъ деньги". Постановивъ это рѣшеніе, Сенатъ указалъ произвести слѣдствіе относительно продажи 13 новокрещенныхъ Надворнымъ Судомъ. Судьи написали оправданіе, отрицали обвиненіе схимонаха Ѳеодора и просили „оборонить" ихъ на будущее время отъ такихъ порицаній, какія „добрымъ людямъ безчестно принять". Но на этотъ разъ поступки тобольскихъ судей не остались безнаказными. Разслѣдованіемъ губернской канцеляріи и архіерейскаго приказа вполнѣ была доказана виновность Надворнаго Суда въ продажѣ 13 человѣкъ новокрещенныхъ инородцевъ. На основаніи этого слѣдствія тобольскій губернаторъ Долгорукій и митрополитъ Антоній постановили: „помянутыхъ перепроданныхъ новокрещенныхъ инородцевъ учинить свободными и дать свободные паспорты, чтобъ нигдѣ не кабалить и въ неволѣ не держать, а судьяхъ Надворнаго Суда... и по дру-

гихъ, кто къ тому дѣлу явились причины, за неправое вершеніе дѣла доправить 103 р. 50 к. на уплату тѣмъ, кто купилъ новокрещенцевъ и столько же въ пользу новокрещенныхъ, въ награжденіе за причиненное имъ разореніе, да 7 р. 5 к. пошлинъ, всего 221 р. 10 к.“ [1]).

Такъ относились сибирскія власти къ святому дѣлу схимонаха Ѳеодора; не лучше они поступали и съ нимъ самимъ. Петръ Великій въ 1720 году приказалъ тобольскому губернатору выдавать этому преосвященному ежегодную пенсію—200 р. денегъ и 50 чет. хлѣба, но изъ одного донесенія его видно, что губернаторъ не давалъ ему на пропитаніе ни копѣйки денегъ и ни зерна хлѣба. „И о себѣ прошу призрѣнія, писалъ схимонахъ въ 1724 г. святѣйшему Синоду. Изнемогъ и состарѣлся..., а какъ жить, чѣмъ кормиться въ Сибири, не знаю.... Велѣно мнѣ давать на пропитаніе до кончины моей по 50 ч. муки, да 200 р. денегъ ежегодно, но господинъ губернаторъ отказалъ и живу бѣдно въ такомъ монастырѣ, который не имѣетъ ни одного крестьянина. Было крестьянъ 56 дворовъ и ихъ губернаторъ взялъ на государя, а за тѣхъ крестьянъ велѣно давать въ монастырь жалованье: ржи по 100 ч. на годъ, на церковныя потребы по 50 руб., братіи на одежду по 60 р., да на соль по 30 р., но того уже четвертый годъ ничего не даютъ. Итакъ—ни крестьянъ, ни жалованья“ [2]). Такова была награда этому преосвященному за его великіе подвиги; ему теперь приходилось почти умирать съ голоду, нуждаться въ кускѣ хлѣба! Съ перваго взгляда кажется невѣроятнымъ, чтобы сибирскія власти осмѣливались не исполнять даже грозные указы Петра, тѣмъ не менѣе на дѣлѣ было такъ. Въ Сибири давно привыкли думать, что „до Бога высоко, а да царя далеко“, а потому сибирскіе губернаторы— эти новые сатрапы управляли этимъ отдаленнымъ краемъ точно также, какъ и прежніе воеводы, т. е. „по своему высмотру, или какъ Богъ на душу положитъ“; даже казнь перваго тобольскаго губернатора при Петрѣ Великомъ для нихъ не послужила благимъ урокомъ. Петръ В. указами приказывалъ сибирскимъ гу-

[1]) „Опис. докум. и дѣлъ св. Синода, т. IV, № 253.
[2]) Ibid., т. II, стр. 241.

бернаторамъ давать новокрещенцамъ разные подарки, но схимонахъ Өедоръ въ 1724 г. жаловался, что въ прошломъ году крестилось инородцевъ до 200 человѣкъ, а тогдашній губернаторъ „на дачу имъ“ ничего не даетъ.

Все это мы говорили къ тому, чтобъ показать, что схимонахъ Өеодоръ и заключившись въ тѣсную келью Тюменскаго монастыря ревностно заботился о новокрещенцахъ, объ утвержденіи ихъ въ новой вѣрѣ; онъ является ихъ единственнымъ защитникомъ отъ сибирскихъ свѣтскихъ властей, которыя не только грабили новокрещенцевъ, но и совращали ихъ „въ прежнее злочестіе“. Слѣдуетъ также замѣтить, что и послѣ 1720 г. дѣломъ христіанской миссіи въ Сибири по прежнему завѣдывалъ схимонахъ Өедоръ; всѣ указы и распоряженія правительства относительно этого дѣла писались на его имя. Вслѣдствіе старости и дряхлости онъ рѣдко оставлялъ Тюменскій монастырь, но зато подъ его руководствомъ трудились надъ распространеніемъ христіанской вѣры между сибирскими инородцами многіе изъ духовныхъ лицъ, бывшихъ его спутниковъ. Мы были бы неправы, не упомянувъ именъ этихъ скромныхъ тружениковъ: такъ архимандритъ Верхотурскаго монастыря обратилъ въ христіанство язычниковъ и магометанъ тюменскихъ, туринскихъ, верхотурскихъ, талдинскихъ, черемисовъ, чувашей и востяковъ — всего до 2604 души обоего пола; игуменъ Березовскаго монастыря проповѣдывалъ евангеліе въ березовскомъ уѣздѣ, іеродіаконъ Никодимъ - сургутскимъ и нарымскимъ остякамъ, которые не были крещены во время проповѣдничества въ этихъ мѣстахъ самого схимонаха. Но въ 1726 г. схимонахъ Өеодоръ рѣшился предпринять новое путешествіе къ обдорскимъ остякамъ, разсчитывая, что на этотъ разъ его проповѣдь среди обдорянъ будетъ имѣть бо́льшій успѣхъ. Это послѣднее путешествіе было настоящимъ торжествомъ схимонаха Өеодора: плывя по Иртышу и Оби, ему теперь пріятно было видѣть православныя церкви на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде были магометанскія мечети или языческія кумирни съ безобразными идолами; на пути вездѣ встрѣчали и провожали его новокрещенцы, привѣтствуя своего духовнаго отца и защитника съ любовію и благоговѣніемъ. Такія встрѣчи и проводы были

лучшею наградою схимонаху Θеодору за его труды и бѣдствія, которые онъ понесъ во время проповѣди въ тѣхъ мѣстахъ христіанскаго евангелія.

Но у обдорскихъ остяковъ этотъ проповѣдникъ по прежнему не имѣлъ никакого успѣха. Доплывши до первыхъ юртъ обдорянъ, христіанская миссія увидѣла на берегу массу вооруженныхъ язычниковъ, готовыхъ броситься на нее при первыхъ попыткахъ высадиться. Никакія увѣщанія не дѣйствовали на жестокихъ обдорянъ: возбужденные своимъ княземъ Гындиномъ они ругались, стрѣляли изъ луковъ и угрожали перебить всѣхъ миссіонеровъ, если только послѣдніе высадятся на берегъ. Борьба съ упорными язычниками была невозможна и схимонахъ Θедоръ съ грустью въ сердцѣ приказалъ плыть назадъ. Это путешествіе схимонаха Θедора было послѣднимъ: въ слѣдующемъ году, именно 30 мая 1727 г., онъ тихо скончался въ Тюменскомъ монастырѣ. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести здѣсь завѣщаніе схимонаха, которое весьма рельефно рисуетъ намъ нравственный обликъ этого знаменитаго проповѣдника. „При окончаніи житія моего, симъ завѣтомъ духовнымъ моимъ оканчиваю: кому о мнѣ воля будетъ живота по мнѣ истязовати, иного живота, кромѣ грѣховъ, у меня не остается, а что до келійныхъ вещей, тѣхъ никто да будетъ надѣяться. Что было все въ строеніе моностырю Тюменскому положилось. Прошу братію, а особно брата и сожителя моего Никодима, не осматривати и не омывати грѣшнаго тѣла моего, токмо облекти въ бѣлую власяницу мою, которую и держу для того, да кафтанъ какой на мя возложити и поясомъ ременнымъ подпоясати, да рясу китайскую легкую возложить на мя и четки въ руку, на главу куколь, а схиму, собравши, подъ голову положити, а параманомъ закрыти очи и, вынесши въ церковь, послать до преосвященнаго, какъ онъ изволитъ, только прошу его любве архіерейской, чтобъ прочиталъ прощальную молитву надо мною; гробъ готовъ въ палатцѣ, который отъ многаго времени вожу съ собою, а могилу выкопать предъ дверьми западными...“ [1]).

[1]) Опис. док. и дѣлъ Св. Синода, т. VII, № 282.

Тогдашній сибирскій митрополитъ Антоній въ своихъ донесеніяхъ святѣйшему Сvноду писалъ, что схимонахъ Ѳеодоръ до 1727 г. обратилъ въ христіанство болѣе 40 т. сибирскихъ инородцевъ обоего пола и построилъ 37 церквей; также заявлялъ, что „по его преставленіи, новокрещенцевъ для утвержденія въ православіи посѣщать, за неимѣніемъ учителей, не кому, въ чемъ есть не безъ опасенія, чтобъ неутвержденные въ вѣрѣ не отщетилися своего спасенія...“ Если взять во вниманіе, что схимонаху Ѳеодору приходилось проповѣдывать евангеліе среди почти полудикихъ народовъ и тѣ препятствія, которыя онъ имѣлъ въ своемъ миссіонерскомъ дѣлѣ, то нужно признать, что обращеніе имъ въ христіанство болѣе 40 т. сибирскихъ иновѣрцевъ является колоссальнымъ подвигомъ! Не вина его, что „нива обработанная руками его въ Березовскомъ краѣ, говоритъ Н. Абрамовъ, впослѣдствіи, безъ новаго удобренія и сѣянія сѣмени Слова Божія, начала заростать, такъ что во многихъ мѣстахъ едва замѣтны стали признаки трудовъ дѣлателя вертограда Христова“. Дѣйствительно опасенія митрополита Антонія, что, послѣ смерти схимонаха Ѳеодора, не найдется въ Сибири учителей для утвержденія новокрещенцевъ въ новой вѣрѣ были не напрасны: ему не нашлось подражателей среди сибирскаго духовенства, а равнымъ образомъ и преемники Петра далеко не съ такимъ вниманіемъ относились къ распространенію христіанства въ Сибири, какъ этотъ великій государь.

Сочиненія того же автора:

1. „О Богданѣ Хмѣльницкомъ“. Харьк. 1882 г., ц. 1 р. 25 к.
2. „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ“. Харьк. 1889 г., ц. 3 р.
3. „Открытіе тобольской епархіи и первый тобольскій архіепископъ Кипріанъ“. Харьк. 1891 г., ц. 75 к.
4. „Сибирскіе архіепископы — Макарій, Нектарій и Герасимъ“. Харьк. 1891 г., ц. 75 к.
5. „Мангазея и мангазейскій уѣздъ“ (1601—1645 г.г.). Харьковъ. 1893 г., ц. 1 р.
6. „Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ“. Харьк. 1893 г., ц. 75 к.

Цѣна 1 руб.